АЛЕКСАНДР ДОВГАЛЕНКО

ИСПОВЕДЬ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…В последнее время все больше и больше шума вокруг нашей многострадальной армии стало подниматься, то там кто-то застрелился, то тут кто-то удавился, то служивый пол-караулки перестрелял, а сам в бега ударился, нашумевший в последнее время случай с солдатиком, которому впоследствии ноги отняли и еще кое-какие органы, много чего нехорошего пишут в газетах и по ящику показывают. И те, кто утверждает, что армия — это практически смерть для любого, кто туда попадет, и те, кто уверяет в обратном, одинаково неправы, на мой взгляд…

… Я вовсе не жалею о том, что со мной произошло все описанное, напротив, без этого моя жизнь была куда более скучна и малоинтересна.

… Я благодарен всем персонажам, как положительным, так и отрицательным, которые приняли участие в том, чтобы я стал тем, кем сейчас являюсь. Я вообще не жалею ни об одном поступке в своей жизни и если бы была возможность, сделал бы все именно так, и никак не иначе.»

- Александр Довгаленко
  - Часть 1
    - История
    - Как все началось
    - Учебка
    - Караул
    - Учеба
    - Припашки
    - Студенты
    - Косилово
    - Парад
    - Чертовщина
    - Воровство
    - Просто про жизнь
    - Экзамен
    - Отправка
  - Часть 2, однако
    - Турпоездка
    - Кубинка
    - Карантин
    - Служба
    - Про женщин
    - Про пьянство

- Дембель

Александр Довгаленко
Исповедь военнослужащего срочной службы ВС СССР

Часть 1

История

В последнее время все больше и больше шума вокруг нашей многострадальной армии стало подниматься, то там кто-то застрелился, то тут кто-то удавился, то служивый пол-караулки перестрелял, а сам в бега ударился, нашумевший в последнее время случай с солдатиком, которому впоследствии ноги отняли и еще кое-какие органы, много чего нехорошего пишут в газетах и по ящику показывают. И те, кто утверждает, что армия — это практически смерть для любого, кто туда попадет, и те, кто уверяет в обратном, одинаково неправы, на мой взгляд. Как говаривал один мой знакомый, писАть, как и пИсать, имеет смысл, если совсем уж невмоготу. Похоже, такой момент у меня наступил.

Не знаю, будут ли кому-нибудь интересны мои «мемуары», но на всякий случай, пользуясь свободным временем, постараюсь описать свои воспоминания об этом событии.

Мне повезло проходить службу в рядах Красной армии еще в те годы, когда она действительно была Красной. Случилось это в июне 1989 года, точнее — 16 числа.

С малолетства был я человеком исключительной лености и являлся обладателем мерзопакостного характера, основной чертой которого являлось стойкое чувство противоречия. Именно поэтому после окончания 10 класса средней общеобразовательной школы я не подал заявления в ВУЗ, ибо учеба меня настолько задолбала, что хотелось отдохнуть от всего этого. Родители пугали меня скорым призывом, ужасами дедовщины, а тут как раз в журнале «Юность» вышло эпическое произведение, называющееся «Стройбат», автора, к сожалению, не упомню уже, где суровые будни советских военнослужащих были описаны так, что кровь в жилах стыла.

Но мой скверный характер и привычка все делать по-своему сыграла свою роковую роль, посему после окончания школы я подал документы в профтехучилище, где всего за год из меня обещали сделать радиомонтажника. И пока мои сверстники усиленно готовились ко вступительным экзаменам в ВУЗ, я отлично проводил время в яхт-клубе. Вдобавок ко всему, после окончания школы я здорово поссорился с отцом, который все еще видел во мне ребенка, пытался меня воспитывать, я, соответственно, сопротивлялся как мог, короче, мне хотелось самостоятельной жизни. С моими оценками в аттестате я был без разговоров зачислен в группу 18–19 СПТУ N13 по результатам

устного собеседования. Надо сказать, что подростком я был довольно стеснительным, например, в те времена отлить в мужском туалете было для меня весьма сложной задачей, если там находился кто-нибудь еще. Народ в нашу «академию» (далее — хабзайка) подобрался разный, в основной массе — не гуманитарии, скорее наоборот, поэтому я по первому времени чувствовал себя инородным телом в этой массе откровенных лоботрясов, неизвестно по какой причине попавших в стены этого заведения. Поскольку физическим здоровьем я не блистал, был невысок ростом, не употреблял спиртного, физически не мог ругаться матом в присутствии посторонних, за серьезного «пацана» меня не считали, всячески пытались подкалывать, особенно всех раздражали мои отметки по предметам, сущности которых некоторые юные дарования не могли постичь — физика, электротехника. Приходилось искусственно занижать отметки, дабы не сильно выделятся из толпы. Как это ни странно, хабзайка оказала на меня положительное воздействие: уже к концу обучения я спокойно посылал в известные места недоброжелателей, стал более контактен, менее стеснительным, мог при случае зарядить в глаз даже более сильному противнику, во мне перестали видеть белую ворону, хотя пить, курить и хулиганить я так и не научился.

Процесс обучения описывать не стану, могу сказать лишь, что свой диплом я написал за три дня, 15 июня 1989 года я за 15 минут защитил его, получив отличную оценку, и покинул стены этого заведения, имея на руках повестку на 16 число.

Как все началось

Никаких особых проводов не было, просто я оделся во что попроще, но так, чтобы не выглядеть бомжем (кстати, тогда и слова-то такого не было), встал с утра пораньше, взял вещмешок, в который добрая матушка напихала всякого съестного добра и всего, что был указано в повестке, и в сопровождении друга Юры, которому призыв грозил только осенью, направился в сторону районного военкомата. Там меня и еще с десяток таких же несчастных встретили с распростертыми объятиями, отобрали паспорта, вручили военные билеты, а затем отвезли на «Рафике» в «обезьянник» — центральный областной призывной пункт, располагавшийся в мрачных казематах Астрономического бастиона, построенного еще немцами. Настроение было, мягко говоря, хреновое. Неизвестность не то чтобы пугала, но было неприятно. Хотя особых поводов к тому вроде бы и не было. Я точно знал, что приписан к некой команде-51 (что это такое, убей Бог, не знаю), по данным разведки, всех, кто попал в эту команду должны были быть направлены в учебку связистов в город Запорожье, что меня вполне устраивало. Кроме того, 5 лет своей жизни я провел в военных городках, ибо мой отец в свое время был направлен служить в группу советских войск в Германии вместе с семьей, так что армейские дела я знал не по передаче «Служу Советскому Союзу». Мальцом я с утра до вечера пропадал в казармах, автопарках, всевозможных радиомастерских, каптерках, где жизнь бурлила нешуточно. Знай бы мой папаша, сколько через мои руки прошло всевозможных боеприпасов, взрывчатых и горючих штуковин, его безусловно хватил бы кондратий. Однако я щадил нервы своих родителей и старался избавить их от некоторых подробностей своей жизни вне дома. Один раз, правда, был прокол, когда в моем диване был случайно обнаружен «схрон» из полцинка автоматных патронов, но я сделав невинные глаза, заявил, что «случайно нашел их на свалке». Патроны были изъяты, а я никогда больше не делал тайников дома.

Однако, вернемся к нашим баранам: нас привезли к воротам «обезъянника», где провели в комнату, в которой нас ошмонал какой-то прапор, затем мы попали на медкомиссию, интересно зачем? Вроде бы уже штуки три медкомиссии было пройдено до того. На медкомиссии было выяснено, что все мы годны, как ни странно, к выполнению священного долга каждого советского гражданина, после чего нас отвели к месту

проживания — мрачное сырое помещение с низкими сводчатыми потолками и окнами, забранными решетками, все заставленное топчанами. Здесь нас приветствовали такие же как и мы, на вопрос одного из нашей команды «Ну что, мужики, жить-то здесь можно?» один из «старичков» ответил без энтузиазма «Можно…. Если не сдохнешь…..».

Тут я познакомился с моим другом, Лехой. Обстоятельства знакомства были более чем необычные. Еще в районном военкомате я сразу выделил его — чел был одет в исторические галифе, какие были у кавалеристов еще в гражданскую войну, подранную куртку из черного кожзаменителя и имел лицо отъявленного хулигана. Его-то и надо опасаться в первую очередь, решил я. Тем временем, «хулиган» извлек из недр своей куртки авторучку и начал вдохновенно изображать на оштукатуренной стене символ пацифизма, под которым поставил свою подпись и число. Я так понял, это было местным бедствием для отцов-командиров, ибо все стены были исписаны более или менее пристойными надписями подобного содержания. За этим занятием и застал его какой-то проходящий мимо старлей, который тут же устроил истерику, грозил послать Леху туда, куда «Макар телят не гонял», после чего забрал у Лехи военник и приказал проследовать за ним. Мне в голову пришло, что возможно этот парень не такой уж и хулиган, я обратился к ребятам из нашей команды с предложением спасти собрата по несчастью. Мы окружили старлея, наперебой упрашивая его простить парня на первый раз. Через минут 10 старлей сдался, приказав Лехе стереть свое творение, а заодно и два десятка подобных. Инцидент был исчерпан, а мы с Лехой познакомились и далее старались держаться вместе. По словам старичков, некоторые сидели здесь уже вторую неделю, ожидая своих «покупателей». Леха сообщил, что через пару часов ему должны перебросить через забор курицу и бутылку водки, предложив мне поучаствовать в мероприятии передачи, отвлекая на себя внимание возможного противника. Я согласился. Мы вышли во двор заведения, вымощенный матерым булыжником, зашли в туалет, где я увидел большое количество призывников, поглощающих одеколон. Какой-то парень предложил разделить с ним пузырек, но я отказался, ибо неискушен был в потреблении традиционных спиртных напитков, тем более одеколона. Теперь я понял источник странного запаха, витавшего в казарме призывного пункта — это был одеколонный перегар.

Леха потирал руки в предвкушении своей курицы, но надеждам его не суждено было сбыться — не прошло и двух часов

с момента попадания нас в «обезьянник», как по наши души явились два покупателя — капитан и старлей. Оба были весьма загорелы, в рубашках с короткими рукавами и в фуражках с голубыми околышами. На погонах у них была эмблема Военно-Воздушных Сил СССР. Нам велели построиться в шеренгу, затем старлей внимательно осмотрел каждого, как лошадь на базаре: зачем-то заглянул в рот, заставил показать тыльную сторону языка, рук, локтевые сгибы, растопырить пальцы на руках. Отобрав человек сорок, в том числе и меня с Лехой, они отвели нас в сторонку и кэп толкнул речь, суть которой состояла в том, что мы удостоились исключительной чести быть призванными в ВВС СССР, элиту вооруженных сил, а затем призвал всех вести себя достойно, ибо за любое нарушение дисциплины ему ничего не стоит отправить провинившегося обратно в казарму и заменить его другим.

Далее события развивались поистине с военной быстротой, нас посадили в крытые ЗиЛы, отвезли на автовокзал, далее мы были перегружены в Икарус, который довез нас до аэропорта. По дороге мудак-водитель умудрился переехать собаку, что радости не прибавило, я счел это дурным предзнаменованием. По приезду в аэропорт я с удивлением обнаружил там своих родителей, которые бог весть как узнали о том, что нас туда привезут. Матушка тут же принялась засовывать в мой мешок и в карманы всевозможные яйца, сваренные вкрутую, бутерброды с маслом и колбасой и прочую еду, от чего я тихо пытался отбрыкиваться, мне было неудобно перед ребятами, а есть не хотелось совсем, кроме того, перед выездом нам торжественно вручили белые картонные коробки с сухим пайком армейского образца, которые мы также тащили на себе. И все же матушке удалось всучить мне пару шоколадок, которые благополучно расплавились впоследствии в моем вещмешке. Затем матушка сообщила мне страшную тайну, которую от нас господа-офицеры почему-то тщательно скрывали до посадки в самолет: нас сажали на рейс Калининград-Ташкент. Настроение мое слегка улучшилось: я никогда не был в Ташкенте, а кроме того, никогда не летал на самолете, так что путешествие обещало быть интересным, хотя и было немного страшновато. «Пока все складывается не так уж и плохо…» — подумал я усаживаясь в удобное аэрофлотовское кресло рядом с Лехой, который успел занять стратегически важное место у окошка. Ту-154 запустился, вырулил на взлетку, и страшно заревев и угрожающе трясясь, помчался по стыкам бетонки. Погода, надо сказать, была полное дерьмо, было пасмурно, моросил мелкий дождик, поэтому земля быстро скрылась из виду, за окном была серая, непроницаемая

пелена. Через несколько минут ярко сверкнуло солнце, мы оказались над облаками. Накануне я купил себе в спортивном магазине карманные шахматы, поэтому и предложил Лехе сыграть на высоте 10000 метров. Он пару раз обыграл меня вчистую, после чего я потерял к шахматам интерес и поменявшись с ним местами стал пялится на землю, которая уже начала показываться в разрывах между облаками. Служба в армии положительно начала мне нравиться — тетки стюардессы разносили газированные напитки в любом количестве, я сидел в кресле у окна и наслаждался полетом. Вскоре нам объявили, что мы пролетаем над Киевом, однако, сколь я не пялился в иллюминатор, кроме каких-то буро-зеленых пятен и блестящей поверхности какого-то водоема разглядеть мне ничего не удалось. Должно быть, сказалась моя близорукость, уже на тот момент у меня зрение было где-то -3 (я до сих пор не знаю точно, в чем измеряется близорукость, к своему стыду). У меня были с собой очки, которые я постеснялся надеть, дабы не прослыть «ботаником». Часа через три полета наш аэроплан стал снижаться, пугающе потрескивая какими-то элементами конструкции, мимо проплыла здоровенная зеленая гора, мне казалось что мы вот-вот в нее врежемся, стало страшновато. Как я не пытался разглядеть хоть что-то, напоминающее аэропорт, мне этого не удалось, тем не менее через несколько минут самолет бодро застучал по стыкам бетонки и остановился. Кто-то прочитал вывеску на здании аэровокзала — это были Минеральные Воды. Нас выгнали из самолета в здание аэровокзала, пока наш самолет дозаправляли, где мы и находились полчаса, под зорким присмотром наших сопровождающих. Команда наша выглядела весьма живописно, особенно Леха в его галифе с лампасами, которые, как выяснилось, он повзаимствовал у своего дедушки. Вокруг шлялись какие-то абреки, обросшие бородами или же сильно небритые, с черными рожами, белыми, блестящими зубами, взгляды которых не обещали ничего хорошего — посмотрит — мурашки по спине. Было довольно тепло, светило солнце, все было пропитано запахом каких-то растений, смешанного с запахом вокзального туалета. Наши провожатые предупредили, чтобы мы не вступали в какие-либо отношения с местным населением, в туалет отпускали только толпой человек в пять-шесть. По их словам, здесь зарезать человека было раз плюнуть. Думаю, это они делали для того, чтобы никто не сбежал до посадки в самолет. Но впечатления их страшилки произвели, по крайней мере на меня.

Вскоре объявили посадку, мы загрузились в аэроплан,

который благополучно влетел.

Постепенно за бортом стемнело. В Минводах в салоне появились новые пассажиры, какие-то, похожие на цыганок женщины с отрешенными усталыми лицами, с детьми на руках, закутанными в какое-то невообразимое тряпье. Дети эти непрестанно орали, как их не пытались успокоить, что вкупе с темнотой за окном создавало весьма гнетущее впечатление.

Тем временем внизу начали появляться огни, их становилось все больше и больше, на горизонте появилось здоровенное розоватое зарево, должно быть это и был Ташкент. И верно, самолет стал снижаться, сделал несколько разворотов и вскоре мы благополучно приземлились. Первое, что поразило меня это жар и духота, которая охватила нас при выходе из самолета, ночью там стояла температура +25 градусов. Нас загрузили в стандартный аэрофлотовский скотовоз и повезли к зданию аэровокзала. Тут меня чуть не ввергло в столбняк странное зрелище. Перед зданием аэровокзала, прямо на асфальте, подстелив под себя газеты и накрывшись ими же повсюду лежали люди. Я сначала с перепугу решил, что здесь случилось какое-то стихийное бедствие или народные волнения, а лежащие кругом люди мертвы. Однако, некоторые из них шевелились, переворачиваясь с боку на бок. Как выяснилось, они просто спали, ожидая своего рейса, ибо находиться в переполненном зале ожидания было еще хуже. Земля здесь прогревалась настолько, что риск простудить себе что-нибудь отсутствовал.

Честно говоря, Ташкент мне представлялся не таким. Собственно, толком-то я его и не видел. Запомнилась жара, пыль, постоянный запах немытых человеческих тел и большое количество нищих и инвалидов во всех общественных местах. У нас такое было в диковинку. Но все это я увидел на следующий день, а пока нас отвели к какому-то зданию, согнали в кучу, после чего капитан куда-то убежал, а старлей остался нас караулить. Он не рекомендовал прислоняться к стенам, поскольку здесь полно всякой живности, укус которой может быть не то чтобы смертельным, но весьма неприятным.

Через некоторое время к нам подогнали тентованный КАМАЗ-«афганец», куда мы все загрузились, и повезли на железнодорожный вокзал, который больше напоминал цыганский табор, хотя подозреваю, что в таборе антисанитарии было значительно меньше. Мы расположились посреди зала ожидания, свалили наши вещмешки и рюкзаки в кучу, а сами легли на пол, головой на мешки. Особо активные с разрешения кэпа ломанулись в рублевый видеосалон (билет на фильм стоил

рубль), тратить последние деньги, большинство же улеглись спать. Я последовал примеру последних. Заснуть на вокзале, когда голова переполнена новыми впечатлениями, часовой пояс сменился на несколько часов, а над головой постоянно, на русском и узбекском языках бубнит громкоговоритель, объявляя прибытие и отправление поездов, довольно трудно. Я долго ворочался с боку на бок. Заснул уже под утро, когда начало светать, да так крепко, что проспал момент, когда Леха и еще несколько человек решили сделать разведвылазку на местный базар. Меня же эти негодяи не разбудили. Проснулся я часов в 11 утра по местному, а уже в час дня нас загрузили в поезд Ташкент-Красноводск, в общий вагон. Это было совсем не то, что лететь на самолете. Ужасная жара, половина окон не открывается, никакого постельного белья, естественно, народу много, гораздо больше чем мест в вагоне. Я сразу смекнул, что лучше плохо лежать, чем хорошо стоять и забрался на третью полку, предназначенную для чемоданов, а заодно и экспроприировал себе один из матрасов, дабы было не так жестко. Леха занял вторую полку подо мной. При моих невеликих габаритах я чувствовал себя вполне комфортно, донимала только жара, под потолком было особенно жарко, хотя в нашей клетушке (я стесняюсь сказать «купе») окно было открыто и во время движения вентиляция была довольно сносной, а вот на остановках приходилось терпеть. Поезд полз довольно медленно, останавливаясь под каждым деревом, как мне казалось. Со временем я свыкся с жарой и духотищей, с меня сошло 7 потов, пить хотелось всегда и много. Я пил почти беспрерывно, но ни разу не пришлось бежать в сортир — все выходило через поры. У Лехи от такого климата бодро шла носом кровь время от времени, он измазал в ней все полотенце, которое взял с собой. Вода и все жидкости, припасенные с собой, скоро закончились, вода у проводника закончилась еще раньше, приходилось покупать на остановках отвратительную гадость, которую местное население, надо полагать, само и изготовляло, судя по качеству. Это была бледно-розовая жидкость, состоящая из арбузного сока, сильно разведенного водой, слегка газированная, теплая и противная. Но за неимением других напитков приходилось пить и это. А тут еще эти долбаные бабки-узбечки, которые на каждом шагу, точнее на каждой остановке врывались в вагон и громко орали: «Кумыс!!! Манты!!! Кумыс!!! Манты!!!..». Наши ребятишки, у которых еще оставались деньги, понакупили этих экзотических продуктов и употребили по назначению. Я от восточной экзотики воздержался, ибо жрать не хотел совсем, да и вид у этих продуктов был немного странный. И не прогадал. Уже через пару часов ребятишкам крепко надавило

на днище, а затем всех любителей восточных лакомств пробрал жестокий дрыщ, который длился несколько часов подряд. Учитывая, что в вагоне работал только один туалет, который к вечеру тоже забился, потому что вода для смыва кончилась, можно представить, что творилось в вагоне. Обезумевшие любители экзотики пристраивались на переходных площадках между вагонами и удерживая ручки обеих дверей руками, отправляли естественные надобности прямо на шпалы.

Мне повезло, можно сказать. Тем временем стемнело, стало немного прохладнее, жизнь начала налаживаться. Когда уже совсем стемнело, часов в 10 вечера поезд остановился на большой станции, кажется, это была Фергана, точно не помню, я не знаток восточной географии. Вот где началось настоящее веселье. Там тоже отправляли призывников в армию. На нашем поезде. По сравнению с нашими ребятишками, баловавшимися в туалетах одеколончиками, в вагон заносили тела практически в жопу пьяных и абсолютно обдолбаных аборигенов, а снаружи бесновалась толпа провожающих, находящихся в такой же кондиции. В первый раз в жизни я видел, как толпа раскачивает железнодорожный вагон так, что мне казалось он вот-вот опрокинется. Вой и рев снаружи были жуткими, не верилось, что такие звуки способны издавать люди. Из окна было видно как кто-то дерется, бегали смуглые загорелые местные менты, угощая всех желающих резиновыми палками, оттаскивали людей от вагонов. Где-то грохнуло выбитое стекло, короче, я вздохнул с облегчением, когда поезд все же тронулся. В проходе стояли (если могли) призывники-узбеки, зыркая на нас изподлобья мутными взглядами. Я к тому времени спустился вниз, мы сидели по трое на нижних полках, однако ж подвинулись и предложили вошедшим сесть. Те не стали ломаться, кое как мы уселись и началось великое братание народов. Из рюкзаков узбеков было извлечено приличное количество огненной воды, коей они начали угощать своих русских братьев. Те, понятное дело, не отказывались. Я тогда не пил совсем, а так наша и соседние купешки были пьяны вусмерть уже через час. Откуда-то появилась гитара, пели все подряд, Макаревича, Гребенщикова, «Мурку», к которой подошли из-за угла, офицеры наши бегали взад-вперед, страшно матерясь, угрожая по прибытию в часть самыми жуткими карами, но наиболее пьяная и политически активная часть посылала их в известное место, причем уже на двух языках — культурный обмен уже шел достаточно активно. Добрые узбеки быстро научили наших ругаться на своем языке. Ночь прошла весело, а к утру меня начало клонить ко сну, я забрался на свою третью полку и провалился в дремоту…

Проснулся, когда уже вовсю светило солнце, настоящая жара еще не наступила, за окном уже была самая что ни на есть настоящая пустыня, один раз я видел несколько верблюдов, только в отличие от тех, каких показывали в «Клубе путешествий» они были какими-то мелкими, чахлыми и грязными, на боку одного животного краской была намалевана цифра 4. Леха же утверждал, что видел дохлого ишака у насыпи. Со вчерашнего дня у нас скопилось невероятное количество бутылок, которые мы выстраивали рядками на срезе открытого окна а потом палочкой проводили по этой шеренге, сталкивая бутылки за борт, где они со страшным грохотом разбивались о шпалы. Это называлось ковровое бомбометание. Проводник-туркмен беспристанно орал на нас, грозясь вызвать начальника поезда, но как только он бежал в один конец вагона, откуда доносился звон, в другом раздавался точно такой же. Я в общем-то его понимаю, сданные бутылки обеспечивали ему какой-никакой приварок. Слава Богу, бутылки вскоре кончились.

Нас поприветствовало местное население — местные детишки развлекались тем, что стояли у насыпи, ожидая поезд, а затем кидались здоровенными булдыганами в окна. Один такой булыжник влетел в окно нашего вагона, за пару купешек от нас, разбив стекло и основательно изранив осколками маленького ребенка, лежавшего на верхней боковой полке. К счастью, окно там было забрано тремя металлическими прутами, и булыжник застрял между ними. Кровищи было изрядно, ребенок орал, но ничего серьезного, к счастью с ним не произошло. Просто изрезало слегка физиономию.

Откуда-то появился не то узбек, не то киргиз в форме младшего сержанта, должно быть, пришел из соседнего вагона, предлагая выменять у нас «гражданку». Ему понравилась моя хоть и потрепанная, но вполне цивильного вида синтетическая, серая курточка и он долго канючил ее у меня, предлагая обменять на какой-то значок, кажется «воин-спортсмен», который мне был абсолютно не нужен. Он уверял, что мне она все равно не понадобится в ближайшее время, а он прослужил уже год, и ему не в чем ходить в самоволку, а у меня эту куртку все равно украдут со склада, куда сдается одежда призывников. В конце-концов он задолбал меня своим нытьем и я продал ему куртку за 5 рублей, которые мне позже весьма пригодились. Когда он уходил из вагона, в груду шмотья, выкупленного или обменянного у нас можно было одеть в самоволку, пожалуй, целый взвод.

Часа в два дня поезд остановился на станции Чарджоу и

нас сгрузили на перрон. Кто-то из наших братьев-узбеков был с нами, кого-то повезли дальше, но вся калининградская команда вышла в Чарджоу. Нас построили в колонну по четыре и повели через весь город в часть. Чарджоу оказался довольно живописным городишком, повсюду росли шелковицы, какие-то неведомые мне деревья с экзотическими бугристыми плодами размером со здоровенное яблоко, которые мы прозвали впоследствии конскими яблоками, повсюду были арыки, в которых журчала вода. Мы же напоминали колонну военнопленных, которых гнали по городу под сочувствующие взгляды местных жителей.

Вскоре показались ворота части с жестяными красными звездами, которые гостеприимно распахнулись, пропуская нас вовнутрь.

Учебка

С первых же шагов я был поражен: похоже, я попал служить если не в рай, то в его малый филиал. Так же журчали арыки, тень деревьев спасала от жары, кругом ходили симпатичные солдатики с голубыми погонами, в панамах и шнурованных ботинках вместо мерзопакостных кирзачей, рукава у них были закатаны до локтя, а воротничек был расстегнут ажно на две пуговицы и отглажен, образуя лацканы, как у однобортного пиджака. Выглядело даже очень симпатично. За сетчатым заборчиком я разглядел корт, где два загорелых мужика атлетического телосложения в одних плавках и солнцезащитных очках а-ля Рэмбо лениво играли в теннис, рядом поблескивал бассейн, в котором плескались две фигуристые девчонки, в кронах деревьев пели птички — короче рай, да и только. Впоследствии выяснилось, что рай этот не для всех, а уж тем более не для нас, но первое впечатление было убийственным.

Нас согнали в гарнизонный клуб — здоровенную открытую площадку со сценой-эстрадой, какие бывают в сельских парках культуры, заставленную рядами фанерных кресел такого же происхождения, где мы и расселись. На сцену вскочил загорелый дядька-полковник в точно таких же черных очках (видимо, местная мода) и начал что-то вещать о долге каждого советского гражданина, примерном поведении и еще какую-то чушь, которую я, к сожалению, не запомнил. Затем нас провели на склад, где нас переодели в форму — это была темно-зеленая «стекляшка» (почему так назвали — я не в курсе), а некоторым счастливцам досталась и настоящая х/б. На мой цыплячий размер нашлась только «стекляшка», да и то как минимум на один размер больше. Также выдали симпатичные ботинки со шнурками, ремень «деревянный», обязательную флягу (пойманные на территории части без фляги или с пустой флягой строго наказывались) и еще кучу всякой дряни. Гражданку у нас забрали, заявив, что мы тут же можем отправить ее посылками домой. Некоторые так и сделали, как выяснилось, напрасно. Если посылка и приходила домой, то в ней находили такое невообразимое тряпье, которое годилось только в помойку, ушлые кладовщики не дремали. Хитрый прапор изъял у меня шахматы, сказав, что они вряд ли мне понадобятся в ближайшее время. После этого, нас повели в казарму. Я попал в первую учебную роту школы младших авиационных специалистов, сокращенно ШМАС, в. ч 13729 (причем слово ШМАС считалось почему-то секретным). Как показала практика, в первую роту

отбирали по такому критерию: первая рота, она на то и первая, посему туда первым делом отправляли белых, вменяемых людей европейского происхождения, далее все остальные национальности, более-менее свободно владеющих русским языком, ну а потом уже добавляли всех остальных, для «интернационала». В любом случае, черных у нас было значительно меньше, чем в других ротах, 7-я же рота называлась у нам маленьким дисбатом, судя по отзывам наших земляков, которым свезло туда попасть. И все же большинство калининградцев попали именно в первую. Как и большинство литовцев, латышей и эстонцев (последних было совсем немного). Так что мне, можно сказать, повезло. К слову, командиром части был самый что ни на есть литовец, по его приказу утром на плацу наряду с флагом СССР осуществлялся подъем национального литовского флага (не литовской ССР, а именно трехцветного, хотя тогда Литва еще не отделилась от СССР, но наш призыв был последним, когда военкомам удалось утащить на службу кого-то из прибалтийских республик.). За это в те времена могли и настучать по голове, но в этом городе командир большой воинской части был чем-то вроде удельного князя и мог себе позволить все, что заблагорассудится. Кстати (к сожалению, запамятовал его фамилию) мужик он был вполне нормальный, с чувством юмора. Раньше, каких-то полгода-год назад, через эту учебку можно было попасть только в Афганистан, она и готовила солдатиков для отправки за речку, но в 1988 году, если мне не изменяет память, оттуда начали выводить войска и надобность в свежем пушечном мясе отпала. Таким образом, мне повезло дважды.

Попав в казарму, мы познакомились с нашими сержантами. К сожалению, не могу за давностью лет вспомнить ни одной фамилии, но наши сержанты не были похожи на «папу» из «Цельнометаллической оболочки», к нашему счастью. Хотя особой любви к ним я не испытывал никогда. Наш «комод» — командир отделения, оказался человеком не лишенным интеллекта, показал нам, как нужно пришивать петлицы и погоны, прикреплять эмблемы и подшивать воротнички. Раза со второго, исколов пальцы иголкой, я добился того, чтобы все было более-менее симметрично. Некоторым потребовалось больше времени, соответственно, неприятностей на их голову свалилось больше.

После чего в курилке мы были по очереди обриты наголо тупой ручной машинкой. Собственно, в первый день, точнее его остаток, мы только тем и занимались, что приводили форму в

порядок. Командиром роты оказался капитан Ермаков — здоровенный краснорожий мужик, с кулачищами размером с мою голову и весьма крутым нравом. Боялись его все, даже взводные. Лейтенантов-взводных я не запомнил, все они были какие-то одинаковые.

Вечер ознаменовался походом на ужин, на который мы попали на полчаса позже, репетируя, как правильно «бегом, по одному» забегать в столовую из колонны по четыре. Кто-то сразу хватался за ложки, кто-то имел неосторожность сесть до команды и все начиналось сначала — всех выгоняли на улицу.

Жратва поварским искусством не блистала, но была вполне съедобной. После ужина был просмотр программы «Время», после чего случилось вечернее построение и долгожданная команда «Отбой», которую за этот вечер я услышал раз 20, если не больше. Я устроился на нижнем ярусе койки, Леха занял верхнюю. Наш сержант подавал команду «Отбой, три скрипа — подъем», после чего, дождавшись третьего скрипа, он орал «Подъем». В конце концов это ему надоело и он, пообещав задрочить нас всех до смерти удалился в каптерку. Для моего неплохо развитого обоняния события последних дней были сущей пыткой, воняло решительно всем: сапожной ваксой, какими-то портянками (которых мы, кстати, не получили, нам выдали черные хлопчатобумажные носки), мастикой для пола, кишечными газами, обильно выделяющимися у начинающих военнослужащих от непривычной пищи, потом, все это, смешиваясь, образовывало тот самый неповторимый запах казармы, к которому поначалу невозможно было привыкнуть. Странное состояние: после большого количества событий за столь короткое время происходящее стало восприниматься как какой-то сон, острота восприятия здорово притупилось.

Намаявшись за день, я провалился-таки в глубочайший сон.

Пробуждение было ужасным: вокруг бегали и суетились люди, стоял грохот, жуткий мат и крик. Сдуру я надел штаны и стал зашнуровывать ботинки, когда ко мне подбежал наш сержант и в легкой, доходчивой форме объяснил мне мою ошибку. Оказывается, одеваться нужно было по форме номер 2 — говнодавы, трусы синие армейские и панама. Когда мы с грехом пополам выстроились перед казармой началась пытка, именуемая зарядкой — по кругу бежала масса людей, которые пытались сохранить подобие строя, стоял тяжкий топот, подобно стаду слонов, спасающихся от пожара огромная масса людей двигалась по асфальтовым дорожкам. Тут-то мне, без напряга пробегавшему

по утрам до девяти километров и явились последствия смены климата. Воздух в Туркмении сухой, в отличии от нашего 98-процентно влажного, после первого круга я «сдох». И еще выяснилось, что бегать в симпатичных с виду говнодавах удобно примерно так же, как трахаться в противогазе. Тот, благодаря чьим стараниям в Союзе солдатики были обуты в такую обувь, был либо вредитель, либо английский шпион, либо просто долбоеб, никогда не надевавший обувь собственного изобретения. Изготовитель этого чуда — ташкентская обувная фабрика имени Ахунбабаева (чес-слово, не вру!). Впоследствии выяснилось, что для того, чтобы более-менее разносить такие чиривики даже подходящего размера, требуется от трех недель до полутора месяцев. Во всяком случае, в эту первую пробежку я растер ноги до крови, а недели через две просто перестал обращать внимание на огромные кровавые мозоли и причиняемую ими боль при ходьбе.

Ненадолго остановившись и переведя дух, я обнаружил, что вокруг совершенно незнакомые мне лица, одинаково обритые под машинку наголо, я смешался с каким-то другим подразделением и должно быть не с одним. Примерно полчаса у меня ушло на то, чтобы на довольно большой территории обнаружить нашу казарму, ибо похожи они были друг на друга, как однояйцевые близнецы. Вскоре, увидав одну знакомую, хоть и искаженную обритым налысо кумполом рожу, я понял, что попал туда, куда следует. Получив легких звиздюлей от сержанта в виде витиеватой матерщины и обещания страшных гипотетических карательных мероприятий, я умудрился пробиться к умывальнику, привести себя в порядок более-менее, где и встретил Леху. Леха был более опытен в таких делах, он имел честь обучаться в Лиепайской «шмоньке» (какая-то мореманская школа), откуда в свое время был выперт за систематический обман преподавательского состава, поэтому он на первом же круге пробежки незаметно слинял в сортир коллективного пользования, располагавшийся как раз на маршруте нашей беготни и, дождавшись там конца мероприятия, благополучно вернулся в казарму в добром здравии, в отличии от меня.

Кое-как я оделся и даже успел на построение на завтрак. Кушать уже не хотелось, хотелось жрать. Вчерашние уроки были усвоены — бегать в столовую и обратно пришлось всего 4 раза, завтрак прошел практически без экцессов, если не считать того, что я так и не понял, куда делась моя еда — вроде пару раз черпанул ложкой — а ее уже и нет. Еще не зная, что это тяжкий грех, я незаметно заныкал в кармане пару кусков черного хлеба. После завтрака случилось построение, на котором у одного

несчастного молодого зольдата заныканный хлеб был обнаружен. Беднягу вывели из строя, а остальные подверглись тотальному шмону, покуда очередь дошла до меня, я успел разорвать материал кармана штанов пальцами (и откуда силы взялись) и в образовавшуюся дыру хлеб пропихнуть в штанину, где он благополучно застрял в том месте, где штанина входила в ботинок. Там искать никому в голову не пришло. Видимо, похожим образом поступили все остальные, я почему-то уверен, что идея прихватить с собой подобный НЗ пришла не мне одному в голову. Провинившегося заставили сожрать буханку черного хлеба перед строем. Довольно печальное зрелище, надо сказать.

После построения всех прибывших вчера, в том числе и меня построили и отвели в пустующую казарму, где всем нам сделали по три прививки. Две прививки делались острой хреновиной, которую в чем-то смачивали, царапая ею кожу на плече, одна — стеклянным шприцем с «одноразовой» иглой. В смысле, что иглу на шприц одели один раз и ею сделали прививку всем. Это был потрясающий смертельный номер, но, к счастью, меня так ничем и не заразили. Остальные тоже не жаловались. Поцарапанные места на следующий день воспалились, их не рекомендовалось мочить, но несмотря на соблюдение этой рекомендации на местах царапин образовались какие-то язвочки, которые за пару недель зажили, однако ж следы остались и по сей день. До обеда мы были заняты какой-то херней, которую и не упомнишь всю, затем был обед, а потом мы с удивлением узнали, что после обеда в летнее время нам полагается «тихий час». Сделано это было из-за жары, которую почти все плохо переносили. В полдень в тени было 40–45 градусов, это здорово выматывало. За этот час сна нашу учебку местные жители язвительно именовали детским садом «Звездочка». Обрадовавшись такой холяве, я разделся и в изнеможении растянулся на койке, а сверху заскрипел пружинами Леха.

Спать было нереально, в казарме было ненамного прохладней чем на улице, но отдохнуть было здорово. Только я успел подумать о том, что все же бывают приятные моменты в жизни, как к нашей койке подошли два азера и начали прессовать Леху. Разговор шел о какой-то ерунде, вроде бритвенных лезвий, но это лишь был повод — я напрягся, когда сверху раздался характерный «чваньк» по Лехиной челюсти, я, удивившись собственной храбрости и борзости, шандарахнул одного из черных ногой в пузо. Леха тоже в долгу не остался, вломив, хоть и не очень сильно, второму азеру. Охреневшие азеры не ожидали такого поворота событий, на шум сбежались как их земляки, так и

наши калининградцы все встали в бойцовские стойки, какие знали из видеофильмов про Брюса Ли и приготовились к спарингу. До серьезной драки дело однако не дошло, азеры, поняв, что поднятый шум привлечет внимание сержантов и ничего хорошего из этого не выйдет, удалились в свой кубрик, пригрозив напоследок самыми ужасными последствиями. На душе у меня сделалось неспокойно, но приятно было, что я помог Лехе, опять же, было здорово, что наши подписались за земляков — качество, для русского человека нехарактерное, исходя из моего жизненного опыта.

Вообще, на взаимоотношениях в армии людей различных национальностей хотелось бы остановиться поподробнее. Пусть меня обвинят в расизме и разжигании национальной розни, но я расскажу только то, что видел сам или о достоверно известных мне фактах. Ибо думать, что армия была местом единения и великого братания представителей всех народов нашей многонациональной в недалеком прошлом страны способен либо полный идиот, либо сошедший с ума политработник, да и то вряд ли. Все служившие в рядах СА прекрасно осведомлены о проявлениях армейского интернационализма в той или иной мере. Кому-то повезло больше, кому-то меньше, но знают об этом все. Если предположить что армия — слегка уменьшенная и более контрастная модель нашего общества, то все становится на свои места. К моменту нашего прибытия в учебку большая часть моей роты состояла из европейцев, примерно на две трети. Второй по счету была диаспора азеров, потом армяне, был один (странно) грузин, и несколько представителей иных народов, населяющих Кавказ, о существовании которых я ранее не ведал. Были у нас два лезгина, был табасаранец, были турки, корейцы, узбеки, таджики, киргизы, были еще какие-то ребята, национальности которых вспомнить я уже не могу. Иные рассказывали, что их народ насчитывает не более нескольких тысяч человек, а расположены они весьма на ограниченной территории, чаще всего высокогорной. Байка о том, как такого джигита загребли в армию, когда он спустился с гор за спичками и солью, как оказалось, не такой уж и вымысел. Некоторые народности и по сей день живут настолько изолированно, что подобный случай вполне мог иметь место в конце восьмидесятых.

Узбеки, киргизы и таджики в большинстве своем постоянно ходили мутные, как обкуренные и жевали какую-то зеленую дрянь, которая называлась у них «насвай» или что-то в этом роде. Это был что-то вроде наркотика или тонизатора, как хотите, его нужно было класть за губу или под язык. Глотать было

нельзя, во избежания отравления. У таких людей изо рта постоянно тянулась слюна, глаза были с расширенными зрачками, несмотря на яркий свет, а взгляд отсутствующий. Мне предлагали попробовать, но, узнав, что в состав этой дряни входит куриный помет, мне окончательно расхотелось делать это. Откуда они брали эту дрянь — не знаю, наверное покупали у местных или получали из дому.

Как минимум два человека в роте абсолютно не знали русского языка.

Литовцы, латыши и эстонцы держались особняком, старались никуда не встревать, когда азеры метелили их земляка, они предпочитали делать вид, что не замечают этого. Но и среди них были стоящие ребята, как выяснилось позже. Однако, обо всем по порядку.

Попробуйте обидеть, да еще и незаслуженно того же азера, тотчас же сбегутся его земляки изо всех мыслимых и немыслимых мест. Представители же народов, считающих себя более цивилизованными ведут себя иной раз столь постыдно в подобной ситуации, что становится грустно. И невольно задумываешься, кто же из них имеет право считать себя более цивилизованным на самом деле?

Недели через две, когда я уже окончательно свыкся с мыслью о том, что это нихена не поездка в пионерский лагерь на недельку-другую, а жить мне в этом бардаке как минимум два года случилось еще одно неприятное событие, в нашу, пока еще неполную учебную роту для разнообразия накидали чеченцев. Человек двадцать всего. Первое, что сделали представители этого народа, так это собрались на территории спортгородка, натащили откуда-то досок и иных деревянных предметов и стали их пытаться ломать, иногда даже успешно, махать ногами по-всякому, становиться в замысловатые стойки и зажигательно при этом кричать. К ним тут же примкнули не забывшие обиды азеры, гордо заявив, что все они вместе — Кавказ, хотя до этого у них были стычки даже между собой. К ним же примкнули в большинстве своем корейцы (откуда, блин, на востоке страны взялись корейцы, до сих пор не знаю, должно быть, в свое время отец народов, дядька Иосиф Виссарионыч устроил им какое-то переселение в среднеазиатские республики). После такой конгломарации началась планомерная политика чмырения отдельных, наиболее неустойчивых в моральном плане европейцев. И, надо сказать, небезуспешно. Граждане литовцы и латыши, стирающие носки гордым представителям кавказской диаспоры были не таким уж и редким зрелищем. Взялись и за калининградцев: стычки на этой почве заметно участились.

Лично я получил по роже за отказ обслужить одного из чеченов в бытовом плане, когда неосторожно зашел в умывальник один. Поскольку я не Брюс Ли, хорошей драки не получилось, но кому-то по роже я заехать все же успел, после чего был завален на пол и нещадно отпинат ногами (слава Богу, не в ботинках, а в армейских тапочках, что, правда, тоже было не сахар). Сопротивляться было бессмысленно, их было как минимум пять человек, пришлось принять позу эмбриона и минимизировать потери. Чечены тоже знали, что следов избиения быть не должно, поэтому не усердствовали чрезмерно. В конце концов, важен был сам факт сопротивления, во всяком случае, после этого никто из них ко мне со своими идиотскими просьбами и требованиями не приставал. Я же обратился к своим землякам и выяснилось, что случай это уже не первый и такие наезды довольно часто практикуются в последнее время. Были подключены наиболее активные из наших прибалтов и в результате переговоров решено создать свой, «европейский» блок.

В один прекрасный день, по данным разведки, у кавказцев намечалась показательная акция по устрашению европейцев, которая должна быть проведена во время тихого часа.

Поводом, по-моему, послужило то, что накануне в учебном классе во время занятий наш единственный грузин по фамилии Багдавадзе, не совсем здоровый на голову (был впоследствии комиссован с диагнозом прогрессирующая шизофрения, кажется), развлекался тем, что расхаживал между партами (офицер, ведущий занятия, слинял по своим делам, велев заниматься самоподготовкой, сержант его замещающий последовал тому же примеру) показательно раздавал щелбаны литовцам, причем некоторые из них существенно превосходили его в комплекции, но терпели. То ли по ошибке, то ли почувствовав безнаказанность, он имел неосторожность наградить знаком своего внимания нашего калининградского парнишку (он был кажется из Прибрежки, фамилия Захаров, как звать не помню, учились с ним в хабзайке в одной группе). Результатом был красивый удар в челюсть и еще один удар оружейным молотком, пришедшийся в плечо. Все калининградцы вскочили, Багдавадзе понял, что ловить нечего, соплеменников в нашем взводе у него не оказалось (занятия проводились повзводно), но обиду затаил.

Мы договорились с прибалтами, что в случае замеса действуем сообща, ремни спрятали под подушки, чтобы при угрожающей ситуации пустить их в ход.

Для кавказцев это оказалось полной неожиданностью. Битву затевать не стали по обоюдной договоренности, ибо скрыть

такое побоище не представлялось возможным, и карательные санкции со стороны командования последовали бы незамедлительно. В результате переговоров достигли почти исторической договоренности: каждый блок выставляет по одному бойцу, сильнейшему с точки зрения его земляков и на следующий день во время тихого часа между ними устраивается поединок на этом же месте. Для безопасности устраивается двухуровневая система охраны и предупреждения появления начальства. На том порешили и разошлись пока по мирному.

Собравшись вместе, стали думать, кого же выбрать. И тут выяснилось, что один парнишка, призванный из Латвии, является ни кем иным, как мастером спорта по боксу в легкой весовой категории. Я бы никогда не подумал такого, глядя на него — он был чуть выше меня, слегка пошире в плечах. Звали его Марис, но носил он русскую фамилию Сенин. Соответственно, мы его и выставили на предстоящий файт. Со стороны чеченов был горбоносый абрек (фамилию не упомню), который, по моим наблюдениям в спортгородке весьма активно махал ногами и был почти на голову выше Мариса.

В условленное время мы отправились на послеобеденные баеньки в казарму, дождались когда начальство и сержанты разбредутся по своим делам, после чего началось ристалище. Чечен очень эффектно, высоко махал ногами, правда его удары почти не достигали цели, в лучшем случае попадая вскользь. Сенин хорошо работал, показывал уклоны и нырочки, сам активно не атаковал, как мне показалось, не делал лишних движений, я сначала был даже разочарован слегка. Как мне сказали позже, он нанес чечену несколько чувствительных ударов, которых я попросту не заметил. Когда колхозный каратист слегка подзамотался и выдохся, Марис без труда отправил его в нокаут правой прямой в челюсть. Я даже удара не заметил, просто чечен замер, а потом сложился на пол без сознания. То что последовало за этим, удивило всех: чечены взяли своего неудачливого земляка за руки и ноги, отнесли его в соседний кубрик, где сами же от души его отметелили. Видимо за то, что он опозорил своих, что ли… Дикий народ, дети гор…

Вообще, чеченцы, призванные в армию были настоящей бедой для отцов-командиров. Там, где появлялись более двух особей, тут же автоматически образовывалась мафия, откуда-то доставлялась наркота, возникала сеть распространителей дури, в промышленных масштабах уходили налево бензин, обмундирование, боеприпасы и снаряжение. Я слышал о случаях

избиения представителей младшего офицерского состава, которые просто боялись по ночам заходить в казарму. К примеру в полку, где я проходил службу после учебки, рота охраны аэродрома («через день на ремень») была на три четверти укомплектована именно абреками. Буквально за пару дней пришедшие из «карантина» носатые «духи» зачморили всех старослужащих, которые теперь мыли полы, чистили очки, моля Бога о скором дембеле. К счастью, попасть в роту охраны мне не довелось.

Самому мне приходилось пользоваться услугами «мафии» пару раз. В первый раз из-за небрежного обращения с оружием я нечаянно спалил три патрона на дежурстве по стоянке самолетов подразделения, и мне нужно было достать три таких же патрона, той же серии. Когда меня менял караул, я подозвал носатого разводящего и спросил насчет этого. Он взял одну из гильз в качестве образца и сказал, что найдет меня. Поздно вечером того же дня ко мне пришел от него человек, который принес пачку патронов искомой партии. На следующий день я должен был рассчитаться пятью литрами спирта. Спирт у меня был, сделка состоялась. Были и еще случаи, но об этом позже.

Однако я отвлекся от темы. После исторической битвы стратегический паритет был достигнут, вопрос межнациональных отношений был если и не решен окончательно, то как минимум отрегулирован в первом приближении. В других ротах обстановка была менее радостная, там черных было значительно больше. В седьмой роде — мини-дисбате, их было примерно 80 процентов. Что там творилось я знал только по слухам, но слухи эти были жутковатыми, если не просто страшными. У нас же случались иногда отдельные инциденты, в том числе и со мной, но это были скорее исключения из правил. В первой роте европейцев было численно больше и это решило вопрос окончательно.

Были и среди калининградцев люди, точнее один человек, имени которого я упоминать не буду, который опустился и буквально превратился в амебу. Дело было так, парнишке, призванному из какого-то колхоза области совсем не понравилось служить. Он решил закосить по здоровью, причем способ избрал довольно радикальный — ночью обосрался в кровати. Это вызвало совершенно не ту реакцию, которой он ожидал, в медпункте его вовсе не отправили в госпиталь, а велели вымыть задницу и выстирать испачканное белье. А вот отношение сослуживцев к нему сразу изменилось — никто не хотел приближаться к нему, тем более, спать рядом с засранцем.

Больше попыток закосить он не предпринимал, но одного раза было достаточно — с ним никто не хотел иметь дело. Как выяснилось позже, по слухам, его охотно пользовали азеры для удовлетворения гомосексуальных потребностей. Очень грустная история, как мне теперь кажется, мы все были виноваты в том, что с ним случилось, но сделать было уже ничего нельзя, человек сломался окончательно, после учебки дальнейшая судьба его мне не известна.

Караул

В первые две недели нашего пребывания из нашей роты отобрали исключительно европейцев, хорошо владеющих русским языком (некоторые прибалты, особенно эстонцы из сельских районов либо действительно плохо говорили по-русски, либо искусно притворялись) для того, чтобы подготовить караульный взвод на замену постоянному составу учебки, который осенью должен был быть демобилизован. Люди подбирались из числа наиболее вменяемых, в их число попал и я.

Пару недель мы зубрили устав гарнизонной и караульной службы, затем нас вывезли на стрельбище в пустыню, где дали по 8 раз пальнуть из АКМ, затем в пожарном порядке, почти на месяц раньше остальных мы приняли присягу и нас поставили в первый караул.

Надо сказать, перед первым караулом мне довелось даже попасть в город — всех нас, «караульщиков» сводили в летний театр под открытым небом, неподалеку от части. На сцене шла «Зойкина квартира» Булгакова. Хоть я и не заядлый театрал, но любой повод выйти в город воспринимался на ура. В театре мною были замечены весьма симпатичные особи женского пола, весьма симпатичные метиски — помесь туркменов и русских, которые составляли больше половины населения Чарджоу. Пообщаться с ними не довелось, но определенно, девушки тамошние были очень даже ничего.

Меня определили на пост в автопарк, пост был двусменный, ночной, то есть стоять нужно было два часа через два. Утром после смены, по идее, даже можно было отдохнуть пару часов в казарме. Я взобрался на вышку, довольно скоро наступила темнота и я стал вспоминать страшилки, которые нам рассказывали на инструктаже: про коварных туркменов, метающих заточенные по краям общепитовские металлические тарелки, отрезающие часовому голову напрочь, про злобных черкесов, которые спят и видят, как разжиться оружием на постах нашей части и прочую ерунду, которой нам прожужжали все уши перед заступлением в караул.

Но ничего экстраординарного не произошло, если не считать летучих мышей, которые так и норовили сорвать панаму, дурных кошек, громко орущих в темноте и москитов (так я назвал этих мерзких насекомых, чуть помельче наших комаров, укусы

которых заставляют лицо покрываться страшными волдырями, проходящими, однако, бесследно через пару часов), да жуткой вони, доносившегося с расположенного неподалеку хлопкоперерабатывающего завода. Да еще часов в 5 утра приперся пьяный прапор — дежурный по парку, который на мое жалкое блеяние с вышки «стой, кто идет, стой, стрелять буду» разразился убедительной многоэтажной матерщиной с обещанием подняться на вышку и набить мне самолично морду, если я еще раз произнесу слово «стрелять». Я позвонил в караулку, начкар сказал мне, чтобы я успокоился и не обращал на прапора внимания.

Мне еще не раз приходилось ходить в караулы в учебке, ничего необычного в них не случалось. Запомнился, однако, один анекдотичный случай, о котором я хочу рассказать. В караульном помещении, совмещенном с гауптической вахтой не было туалета. Туалет, точнее дувалообразное строение без крыши с перегородками из кирпича, в бетонном полу которого было проделано некоторое количество отверстий, в отверстиях зияла пропасть трехметровой высоты до той или иной степени наполненная дерьмом. Раз в месяц приезжала машина, отсасывала в свое нутро содержимое ямы и куда-то увозила. Но на дне всегда что-нибудь оставалось. И караульщики, и арестанты гауптвахты, под охраной, разумеется, ходили туда при нужде. При том часовые бодрствующей смены обязаны были ходить с подсумком и штык-ножом на ремне. Один такой воин отпросился у начкара в туалет, куда и убыл с его разрешения. Он уселся поудобнее над отверстием и максимально расслабился, когда из плохо застегнутого подсумка вывалился полный магазин и со смачным всплеском погрузился в зловонную жижу на дне выгребной ямы. Нерадивого служивого сняли с караула, а наутро, одев его в ОЗК и выдав противогаз, на веревке спустили в отверстие для отсоса фекалий. Где он несколько часов под наблюдением радушных сержантов ползал с щупом для обнаружения мин, разыскивая свой магазин. Дерьмовоз приезжал недавно, поэтому дерьма в яме было всего по колено, что, правда, страдания несчастного отнюдь не облегчало. В конце концов магазин был найден, отмыт, а вот от несчастного бойца шарахались дня три, настолько жуткий запах от него исходил, несмотря на все меры предосторожности.

Учеба

Учеба же наша состояла в основном из шагистики и строевых приемов, физподготовки (ФИЗО) и занятий по специальности в учебных классах и на учебном аэродроме. Все бы ничего, если бы не жара. Лучше всего было сидеть в классе, предпочтительно на заднем ряду, там можно было спать, соблюдая меры предосторожности. Застуканного же на месте преступления бойца ожидала процедура приседания с авиационной пушкой ГШ-23 на горбу. Весила такая хреновина больше полтинника, присесть и встать с ней могли всего пара человек из нашего отделения. Были еще наказания. Самый цимус был, когда офицер, ведущий занятия отлучался, оставляя вместо себя сержанта, тот, в свою очередь назначал старшего среди нас и тоже смывался по своим делам, а мы оставались предоставленными самим себе. До обеда обычно спали, положив голову на прошнурованные и пронумерованные, а также скрепленные печатью «секретные» конспекты (в справочнике «Джен» издания 1980 года все эти «секреты» были подробно описаны), а после обеда занимались своими делами либо развлекались, как могли. Одним из любимых развлечений было «усыпление». Доброволец приседал раз 20, после чего ассистент, стоящий сзади, пальцами обеих рук прижимал ему кровеносные сосуды справа и слева на шее. Доброволец, хрюкнув, оседал или падал на пол без сознания, забавно дрыгая при том ногами и хрипя… Бессознательное состояние длилось от 20 секунд до минуты. Иных приходилось будить ударами ладони по щекам. Один раз мы усыпили здоровенного двухметрового литовца Арунаса Венсбергаса по его же собственной просьбе, чтобы пережать ему артерии, пришлось подставлять сзади стул для ассистента, а еще три человека должны были удержать его от падения. Арунас все не верил, что потеряет сознание, думая, что все мы прикидываемся. Вырубился он великолепно, причем три человека не удержали его, он рухнул на пол, попутно с грохотом опрокинул что-то вроде трибунки для лектора и с шумом приземлился перед кафедрой преподавателя. Он рассек себе кожу на виске, а будили мы его минут пять. Само собой, он ничего не помнил, только все спрашивал, откуда у него кровь.

На учебном аэродроме, где на крыле списанных самолетов, предназначенных для нашего обучения можно было вполне жарить яичницу, было не так комфортно, но интереснее. Прапор-преподаватель рассказывал нам всякие штуки: про

балочные держатели, универсальные блоки, показывал, как подвешивается все это хозяйство, подсоединяются разъемы, учил заряжать бортовую пушку (мы учились на МиГ-23 по специальности авиаоружейника), в общем, было интересно его слушать. Сам прапор технарил в Афгане, рассказывал много интересных случаев по технике безопасности, просто занятных историй. В отличии от наших взводных, он был снисходителен к бойцам, которые могли заснуть на его занятии, он даже не будил и не наказывал их. Хороший был мужик. Не было в нем какого-то говна, которое непременно присутствует в кадровых военных, за всю жизнь не слышавших ни одного выстрела, произведенного по нему.

Самой страшной же пыткой было физо. Рядом с клубом находился здоровенный стадион, где мы и занимались этим изощренным мазохизмом. Перед армией я свободно подтягивался 20–25 раз, несколько раз делал подъем переворотом, здесь же пять подтягиваний были для меня подвигом. Впрочем, скоро я привык к здешнему климату и результаты улучшились. Занимались мы босиком, в трусах и панаме. Без головного убора человек выходил из строя за час. Если сержант был в добром расположении духа, он разрешал нам ополоснуть ноги в арыке после занятия. Мне повезло с моим весом и телосложением — я переносил жару легче, чем наши стокилограммовые здоровяки.

Пару раз нас выгоняли в пустыню на тактические занятия. С полной боевой выкладкой (точнее ее весовым эквивалентом), оружием, ОЗК и противогазом. В первый раз в жизни мне захотелось сдохнуть на месте во время таких занятий. Еще хуже обстояло дело с автоматом, который забивался песком от ствольной коробки до дульного компенсатора. Чистить его после таких выходов в пустыню было сущим мучением. Самое обидное, что один раз занятия проходили на берегу реки (то ли Сыр-Дарья, толи Аму-Дарья), но искупаться нам так и не разрешили.

Припашки

Еще были так называемые «припашки». То есть выходы на работы. Припахать могли когда угодно: после занятий, вместо занятий, утром, вечером и, в случае необходимости, ночью.

Припахивали на подсобное хозяйство, на разгрузку угля в город, на разгрузку-погрузку фруктов (ни разу не попал лично), в личное распоряжение какого-нибудь майора или прапора, на авральную чистку картошки (чаще всего ночью), на разгрузку или погрузку мин на гарнизонных складах в пустыне, на уборку территории, да мало ли было мест, где могла пригодиться совершенно бесплатная рабочая сила?

Однажды вторую и третью роту припахали на дыни, грузить их, или наоборот разгружать. Мы были страшно расстроены что не нас, но как выяснилось, зря. И вторая и третья роты на следующий день превратили в карантин, населенный поносниками, который продолжался с неделю, если не больше. Обожрались ребята дынек, что и говорить…

Одна припашка запомнилась мне особенно. Это была персональная припашка, утром в класс, когда только началось занятие по артвооружению самолета, вошла наша необъятная, как земной шар королева «чайника» — заведения военторга для солдат, где служивые могли испить компота, приготовленного из битых яблок и закусить это дело пряниками, обильно смоченными водой для большего веса. Конечно при условии, что у них были деньги. Компот тоже изрядно был разбавлен водой, подавался в обыкновенных полулитровых и литровых стеклянных банках из под болгарских консервированных фруктов и овощей. Стаканов не было. Но тогда даже это нам казалось деликатесом после столовской бурды.

Буфетчица (почему они все такие одинаково толстые, эти работники общепита?) что-то шепнула на ухо сержанту, оставленному надзирать за нами в процессе самоподготовки, и тот, оглядев наше сонное воинство и ткнув в меня пальцем, велел следовать за буфетчицей и делать, что она скажет. Мы подошли к чайной, около которой стояла четырехколесная вокзальная тележка для багажа (такие таскают электрокарами по перронам), я загрузил эту тележку коробками с куриными яйцами и мы направились к КПП N2. Я понял, что идем мы в город, очевидно перевезти в тамошний военторг эти самые яйца. Я тащил тележку

за оглоблю, а буфетчица придерживала коробки. Однако все оказалось еще круче, чем я думал. Мы остановились неподалеку от центра города, в тени деревьев, после чего буфетчица начала дурным голосом орать «Яйца, яйца, свежие яйца!!! Покупайте свежие яйца!!!!» Мы занимались выездной торговлей. Яиц было много, я понял, что от занятий на полдня я гарантированно отмазан и мысленно возликовал по этому поводу. Было лишь беспокойство по поводу моего попадания на обед.

Покупатель, однако, не шел, как не нахваливала буфетчица свой товар. Накричавшись вдоволь, она сообщила мне, что отойдет на минутку к знакомой, а мне велела стеречь товар и всем интересующимся сообщать цену — два рубля с копейками за десяток, если мне не изменяет память. Я остался один рядом с тележкой. Должно быть, выглядело это весьма экзотично — молодой зольдат, торгующий яйцами, так как ко мне вскоре стали подходить потенциальные покупатели. Я сообщал им цену, но просил подождать продавщицу, которая придет с минуты на минуту. В конце-концов у моей тележки собралась очередь человек в пять, а продавщица все не показывалась. У тетки, стоящей в очереди первой иссякло терпение, она протянула мне три рубля и попросила дать ей десяток яиц. «Но у меня же нет сдачи!» — возразил я. «Оставь ее себе на конфеты, солдатик» — жестом купчины сказала тетка и гордо удалилась со своими яйцами. Остальные поступили так же. Буфетчицы не было часа полтора, за это время я распродал полтележки, имел полный карман капусты и был уверен, что получу трандюлей от буфетчицы, буде она когда-нибудь вернется. Поток покупателей иссяк, а ко мне подошел молодой туркмен и начал расспрашивать меня о службе. Мы поговорили с ним минут пять о том, о сем, потом он куда-то ушел и вернулся с двумя здоровенными чебуреками, еще шипящими и двумя бутылками лимонада. Все это он вручил мне, сообщив, что он сам недавно демобилизовался и хочет сделать мне что-нибудь приятное. Я не стал долго ломаться, поблагодарил доброго туркмена, который пожелал мне всяческой удачи и ушел по своим делам. Второй чебурек (а это был весьма козырный чебурек, не идущий ни в какое сравнение с той тошнотиной, которую нынче продают в привокзальных ларьках лицами неопределенной национальности, хрен знает с чьим мясом) я доедал около получаса, при том что был с утра почти голоден. После этого я понял, что на обед мне уже и не хочется идти. Тут вернулась буфетчица, слегка охренела сперва от количества проданных мною яиц, а затем от количества вырученных денег, как я понял, мелочи у местного населения попросту не водилось, ибо все расплачивались трешками. Не знаю

точно, на сколько приподнялась буфетчица в тот раз, но пообещала, что на подобные мероприятия теперь будет брать только меня, а потом принесла точно такой же чебурек, какими угощал меня туркмен. Мне чуть дурно не стало. Однако я ушатал и его, резонно рассудив, что второй такой холявы может и не быть. После этого вид пищи вызывал у меня легкое отвращение. Вернулся я уже перед ужином, отдав широким жестом свою пайку одному из голодных сослуживцев, чем безмерно удивил всех. Ограничился лишь чаем. Жаль, что у человека нет горба, как у верблюда.

Больше меня яйцами торговать не звали, то ли яйца кончились, то ли еще что случилось… а жаль…

Еще запомнилась припашка на разгрузку угля. Разгрузить нужно было два вагона, уголь высыпался из них сам, нужно было только подталкивать его лопатами, стоя на вершине кучи. Хоть нам и выдали подменную форму, через час мы все стали черные как негры. А тут еще пара ребят подрались из-за чего-то прямо в вагоне, сцепились, упали и высыпались вместе с углем на землю — вот это была красота. После того, как разгрузка была завершена, а машина за нами еще не приехала, мы предприняли небольшую разведвылазку в сторону недостроенного особняка, где обнаружили незаконченную сауну, как мне показалось, во всяком случае, вровень с фундаментом был уже построен бассейн, наполненный водой. С любезного разрешения сержанта мы воспользовались этим даром судьбы и с наслаждением искупались в нем, несмотря на то, что вода была мутноватой. После нашего купания она стала просто черной. Это был первый и последний раз, когда я купался в Туркмении.

Один раз нас припахали в оцепление на вокзале. Там происходила отправка местных призывников в ряды СА. Помятуя события, виденные нами по пути в учебку, я примерно представлял себе такие «проводы» и немного побаивался за свое драгоценное здоровье. Однако все прошло сравнительно гладко, несмотря на воодушевление, с которым родные и друзья рекрутированных пытались прорвать цепь нашего оцепления. По местной традиции почти все провожающие мужеска полу были укурены в хлам, а иные еще и пьяны до кучи. Причитали и кричали матери, рыдали девицы, клянясь в вечной любви и обещая дождаться любимого (ага, слышали про такое), друзья же поддерживали убывающих бодрыми криками, плотоядно поглядывая на плачущих девиц. За нашей цепью стояли местные

менты, привыкшие к подобного рода мероприятиям и лишь изредка вмешиваясь в процесс прощания, время от времени угощая через наши головы дубинками особо активных провожающих. Мои потери составили синяк на ноге, оторванная петлица с птичкой, полуоторваный погон и небольшой испуг, когда передо мной вылез совершенно дикого вида пьяный туркмен неопределенного возраста с всклокоченными волосами, раскрасневшейся рожей и нехорошим выражением лица. Он держал в руке детского вида перочинный ножик и все норовил меня куда-нибудь ткнуть или делал вид что хочет, демонически при этом хохоча. Перспектива проткнуть пузо или иной орган даже таким ножиком меня не радовала и я вяло отмахивался от него ногами, с тоскою думая о том, когда же все это закончится. К моей радости, за моей спиной возник толстый мент и с криком «Да хуле ты на него смотришь?!!» угостил владельца ножика дубиналом, отчего тот заорал, схватился за голову и скрылся в толпе. Одному парню не из нашей роты разбили голову бутылкой, но на этом потери и закончились.

Студенты

После того, как мы прослужили чуть больше месяца, по казармам пополз упорный слух, что всех, кто был призван, обучаясь на дневном отделении ВУЗов, где была военная кафедра, будет уволен из рядов СА и отправлен доучиваться. И что, якобы, уже подписан соответствующий приказ министра обороны (или нападения, черт их разберет). Командование наше эти слухи упорно опровергали, но, как известно, чем упорнее в нашей стране опровергают слухи, тем выше их достоверность. Через неделю вышеупомянутый приказ зачитали во время общего построения части на плацу. Студенты возликовали, остальные же, не подпадавшие под этот замечательный приказ, сильно насупились и затаили обиду. С этого дня «студентам» в казармах житья не стало. Их метелили сослуживцы на чем свет стоит, командиры придирались по любому поводу, их посылали на самые тяжелые и грязные работы и наряды, чтобы напоследок службу почувствовали. Многие уехали домой, украшенные фингалами под глазом, «на память о службе». Причину такого явления объяснить трудно, то ли зависть, то ли еще что, загадочна русская, да и вообще, советская душа. Лично я этим ребятам по-хорошему завидовал.

Косилово

В середине лета случилась самая жуткая жара, какую я вообще переживал когда-либо. Занятия на улице были отменены, в столовую мы ходили без верхней части х.б., накинув на плечи полотенца. На улице стоял железный полтинник в тени. Казарму еще недели две назад начали ремонтировать, все койки были вынесены на улицу, на край плаца, а постельные принадлежности скатаны в рулоны и завернуты в плащ-палатки на панцирных сетках. На ночь все это разворачивалось и расстилалось. Теперь мы спали на улице.

Друг мой Леха подлейшим образом залег в местный госпиталь. Случилось это следующим образом. С утра у нас по распорядку было физо, а у Лехи после подъема было отвратительнейшее настроение, судя по всему, на него навалился жуткий депрессняк, во всяком случае, глаза его энтузиазмом не пылали. Вяло пробежав два круга он нагло уселся на скамейку, обхватив голову руками, чем вызвал искреннее изумление нашего сержанта, слегка офигевшего от такой борзости. Сержант подошел к нему, вопросив его о причине такого поведения. В ответ Леха промямлил что-то маловразумительное, на что встревоженный сержант отреагировал совсем уже нетрадиционным образом — вместо того, чтобы дать Лехе воспитательного леща и окончательно излечить от недуга, тот обеспокоился его здоровьем и отправил в медпункт, ибо Леха жаловался на головокружение и нестерпимую головную боль. Ей-богу, легче было заговорить зубы бешенной собаке, чем нашему сержанту, но Леха играл настолько убедительно, что сам Станиславский наверняка сказал бы «Верю!!!», а уж сержант наш поверил точно. В медпункте Леха морщась от гипотетической боли, поведал фельдшеру о том, что во время подъема ударился головой о койку и с тех пор себя плохо чувствует. Позже мне он рассказал, что накрутил себя настолько, что у него и в самом деле разболелась голова и начало подташнивать. На предложение попасть себе в нос указательным пальцем Леха убедительно ткнул себя пальцем в ухо, затем в глаз, короче, симптомы сотрясения головного мозга были налицо. На всякий случай его спросили, не бил ли его кто, а если да, то кто именно, и сколько их было. Но Леха стоял на своем — шел, упал, ударился…

В конце-концов (везет же дуракам и начинающим) сей вьюнош был отправлен в госпиталь на излечение. Самое противное, что окна палаты, в которой он лежал, выходили прямо на территорию части. И Леха частенько выглядывал в окно, рожа

его сияла, даже лоснилась, видимо в пище он недостатка не знал. Он смотрел на нас, собирающих окурки на газоне под окном, и выражение счастия не сходило с его лица.

Эта история имела продолжение, но об этом я намерен рассказать позже.

Я же, оказавшись в отсутствие человека, которому единственному мог доверять, окончательно загрустил. А тут еще меня воткнули в наряд на КПП N1. Поскольку это было лицо части, заступающим туда предлагалось привести себя в полный порядок, выстирать одежду в случае необходимости, отгладить ее, в общем, иметь достойный вид. На это было выделено определенное время для подготовки к наряду. Я так и поступил, а поскольку одежда сохла моментально на такой жаре, то я решил, что успею еще сбегать на почту и отправить письма, а заодно и закупить конвертов с бумагой, чтобы было чем занять себя ночью. Была одна беда — проклятая панама даже в эту жару никак не хотела высыхать полностью, и я натянул ее на голову еще сырой, за что и поплатился. Через пару часов у меня начала болеть голова, потом поднялась температура, а в час ночи меня сняли с наряда и унесли в санчасть с температуркой под 40. Судя по всему, это был тепловой удар, усугубленный тем, что испаряющаяся вода охладила верхнюю половину головы, в то время как нижняя оставалась на солнце. Говорят, что таким образом можно было схлопотать менингит, ну да я не шибко разбираюсь в медицине. Неделю я наслаждался полным покоем и расслабухой, не нужно было искажать показания градусника — достаточно было положить его на подоконник на пару минут. Это были волшебные дни моей службы, надо сказать. Но все хорошее, как правило, кончается, и через неделю я был зверски выписан. После такого отдыха служба показалась мне совсем не в радость, тем более, что по возвращению выяснилось, что в мое отсутствие кто-то украл из каптерки мою панаму и ботинки, подложив вместо них более потрепанные и на два размера больше. Жизнь померкла и потеряла все краски. Леха по-прежднему валялся в госпитале и в ближайшее время выбираться оттуда не собирался, его физиономия уже с трудом входила в оконный проем. Немного поразмыслив, я решил пойти по его стопам.

Тут уместно небольшое лирическое отступление. В детстве я считался жутко больным ребенком. У меня нашли какие-то шумы в сердце, шла речь о врожденном пороке, матушка постоянно таскала меня по каким-то больницам, делались бесконечные кардиограммы, меня осматривали всевозможные

врачи. Так продолжалось довольно долго, пока в возрасте 13 лет меня не положили на пару месяцев в кардиологическое отделение областной клиники на обследование по последнему слову техники. После оного я узнал, что шум у меня конечно есть, но это просто особенность моего организма, никакой патологии нет, с меня снимались все ограничения по спорту и физкультуре, напротив, врачи рекомендовали мне уделять этому как можно больше внимания и времени. Чем я и занялся, догоняя сверстников. Но шумок-то был! Этим-то я и решил воспользоваться для уклонения от священной обязанности каждого советского гражданина, а также тягот и невзгод воинской службы. Заявившись в медпункт, я заявил, что испытываю сильнейшее недомогание, боли в левой половине груди, головокружение и еще кучу неприятных симптомов. Даже фельдшер-срочник, который занимался первичным осмотром больных и симулянтов, содрогнулся, прослушав меня стетоскопом. Как я и рассчитывал, я был препровожден обратно в санчасть, где был прослушан еще раз и тут же положен с соблюдением всех необходимых формальностей. Уходя, я посоветовал помощнику старшины, каптерщику, приложить максимум усилий к тому, чтобы мои ботинки и панама вернулись на прежнее место, хотя и не сильно верил в такую возможность.

Оказавшись в санчасти, я решил стремительно развивать достигнутый успех, планируя со временем перебраться в госпиталь, к Лехе, а затем в Ташкентский госпиталь, на медкомиссию. Возможно, удастся комиссоваться по состоянию здоровья, если грамотно пользоваться наградой природы в виде шума, который долгое время повергал в смятение калининградских светил медицины. Розовые и голубые дали рисовались мне во всей красе, служба откровенно задолбала, хотелось домой. Игра стоила свеч. Первая неделя второго пришествия в санчасть пролетела как сон. Большинство ее постояльцев были такие же симулянты как и я, но пара-тройка действительно больных все же присутствовала. Они были на вес золота, ибо каждый понедельник старшая сестра Роза Гашаевна (подпольная кличка «Гашишаевна»), весьма симпатичная женщина средних лет, совершала грозный обход на предмет выявления симулянтов, которых по той или иной причине можно было выписать. Таким образом, каждый понедельник начинался с легкой паники. Истинных больных с кишечными инфекционными заболеваниями с почетом препровождали в туалет, и в почтительном ожидании рассредоточивались неподалеку, ожидая окончания процесса дефекации, после чего начинался «дележ

говна», все жаждущие остаться в санчасти буквально расхватывали по кусочкам испражнения страдальца и рассовывали по своим баночкам. Были и другие способы. Ваня Хитров, мой земляк, прокалывал себе палец и капал в мочу для анализа капельку-другую крови (наивный чукотский юноша, только идиот не отличит свежие эритроциты в моче от настоящей патологии), иные умельцы ниткою счищали по утрам зубной налет, после чего протаскивали эту нитку иглой под кожей — образовывались замечательные язвищи, похожие на шанкры, происхождение которых объяснить медики не могли. Я же, якобы страдая гораздо более благородным недугом, был избавлен от необходимости заниматься всей этой непотребщиной. Мне было достаточно иногда хвататься рукой за сердце и закатывать глаза от якобы раздирающей меня нечеловеческой боли. Единственная неувязка заключалась в том, что никто не торопился отправлять меня в госпиталь, хотя тот находился практически через дорогу. Из санчасти не гнали, но и в госпиталь не отправляли. По разговорам, ждали приезда какого-то ташкентского светила военной медицины, который осматривал больных со сложным предварительным диагнозом.

Зато летние вечера были воистину упоительны. В санчасти в ту пору обитал эстонский парнишка по фамилии Выксна, которого загребли в армию с настоящим пороком сердца. При минимальных физических нагрузках, да еще на такой жаре он моментально синел и начинал задыхаться. Диагноз его в подтверждении почти не нуждался, он уже был комиссован, но в казарме его просто били, поэтому от греха подальше он жил в санчасти, дожидаясь документов из Ташкента и отправки домой. У него была парадная форма на руках, и долгосрочная увольнительная. Поэтому он мог шляться по городу сколько хотел. Мы все скидывались остатками денег (боец в те времена получал ажно семь рублей в месяц, да и родители подкидывали иногда) и засылали Выксну в город, откуда он возвращался с горой всякой всячины, которая тайно переправлялась на территорию санчасти. Здоровенный арбуз в разгар сезона стоил 7 копеек, дыня — чуть дороже, так что получалось изрядно. После ухода начальства и наступления темноты мы все, во главе с дежурным фельдшером Рустамом, уютно располагались за большим столом во дворике санчасти, под сенью виноградной лозы и с аппетитом наворачивали вкусности, причем все поносники, дизитерийщики и прочие кишечно-инфекционные больные, как мнимые, так и настоящие, вовсе не были исключением. Иногда девчонка Юленька, дочь одной из медсестер, притаскивала вечером здоровенный пакет винограда

«Дамские пальчика», который был так прозван за особую форму и отсутствие косточек. В общем, скучно не было. Через дорогу от нас располагалось здание какого-то местного техникума, где по вечерам собирался на репетицию тамошний вокально-инструментальный ансамбль, который слегка фальшивящими голосами исполнял песню про белые розы и иные песни из репертуара группы «Ласковый май», в общем, идилия была полнейшая.

Утро начиналось с формальной приборки, когда постояльцы санчасти делали вид, что машут метлами и щетками, важно было закончить ее до 9.00, ибо в это время по телевизору передавали трансляцию выступления не то Кашпировского, не то Чумака, какого-то из этих шарлатанов, и все наши медсестры, бабки-санитарки и даже старшая сестра Гашишаевна собирали всю свободную стеклянную посуду, наполняли ее водой и выставляли перед нашим стареньким черно-белым телевизором «заряжаться». Сами они рассаживались подле, не отрывая взгляда от экрана. И горе тому больному, каковой отваживался нарушить лишним словом эту церемонию. В душе я смеялся над ними, но открыто оскорблять чувства верующих не решался.

Прошла вторая неделя моего пребывания в санчасти, а доктор из Ташкента все не появлялся. Один раз нас даже довели до проходной госпиталя, но там выяснилось, что и в этот раз профессор не приехал. В конце третьей недели я начал стойко изнывать от безделья. Это-то меня и погубило. Как-то раз, выйдя во двор прогуляться, как раз во время тихого часа я обратил внимание на установленный там для непонятно какой надобности турник. «А смогу ли я сделать подъем переворотом, а если смогу, то интересно, сколько раз?» — пришла мне в голову совершенно идиотская мысль. Видимо на дураков вроде меня эта ловушка и была рассчитана — повторив упражнение трижды я спрыгнул с турника и тут же узрел в окне улыбающуюся до ушей Гашишаевну, которая все это время за мною наблюдала. Это был провал…

Гашишаевна пригласила меня в свой кабинет и, улыбаясь, в лоб сказала: «Ну, отдохнул ты у нас, поправился, пора и службу тащить, дорогой»… Я в отчаянии начал ей затирать уши про свой невероятный шум в сердце, про то, что неплохо бы дождаться доктора из Ташкента, но это было уже бесполезно. Она взяла стетоскоп, послушала меня, затем попросила присесть раз десять. После чего еще раз послушала и спросила: «Сам будешь себя слушать или мне поверишь, что после небольшой нагрузки весь

твой шум исчезает? Я тебя понимаю, но отдохнул ты достаточно, а как на турнике крутился, ну просто загляденье было. Я давно уже за тобой наблюдаю, так что имей совесть, в понедельник я тебя выписываю, дай другим отдохнуть».

Возразить было нечего. К слову, позднее мне пригодился этот метод, когда меня упорно не хотел пропускать хирург при прохождении ВЛЭК для занятий парашютным спортом. В две минуты после такой демонстрации вопрос был решен положительно. Я украл у кого-то в санчасти панаму подходящего размера, переклеймил ее, заодно разжился и приличными ботинками и решил принять жизнь такой, какой она есть.

Парад

Вернувшись в роту я застал там перемены. Казарму уже отремонтировали, жили мы теперь в ней.

Новостью оказалось и то, что наша часть обязана была выставить сводный батальон для участия в военном параде, ежегодно проводящимся в Ташкенте в честь 7 ноября, если кто не помнит, это была очередная годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. И на неделе должны были состояться смотрины, где специальная комиссия должна будет отобрать бойцов, которые будут участвовать в этом параде и еще взвод запасных бойцов, способных заменить заболевших или выбывших по той или иной причине. Тренировки должны были продолжаться два месяца. На это время участники парада и запасные освобождались от всех занятий, работ и нарядов и должны были только и делать что тренироваться, а остальным пришлось тащить наряды, ходить в караул, на кухню и хозработы. На боевую учебу решено было забить большой болт. Прокатиться в Ташкент мне конечно же хотелось бы, но цена была неимоверна высока — шагистику я ненавидел с детства. Поэтому выбор мой был сделан сразу. На отборочном «дефиле» я прошагал под барабан так, как будто с детства был болен церебральным параличом и нарушением координации движения, и меня отсеяли при первом же отборе. Потянулась бесконечная вереница нарядов: дневальным по роте, кухня, КПП, караул, снова дневальным и так до бесконечности. Но, поскольку внимание начальства было сосредоточено исключительно на священной корове подготовки к параду, то контроль над остальными был значительно ослаблен. К тому времени я обнаружил, что в нашей героической части есть библиотека и старался все свободное, да и не очень время проводить там, когда это было возможно. Также я сблизился с двумя русскими ребятами, попавшими сюда из Баку — Юрой Ляпаевым и Владиком Бабаевым. Оба они были в «парадной» команде, но мы всегда находили время для общения. Юра был хорошим спецом в области электроники и многим моим знаниям в этой области я обязан именно ему. Владик был просто ненапряжным, хорошим человеком, с которым было приятно общаться.

Еще одной приятной новостью было то, что из госпиталя наконец-то выгнали симулянта Леху. Он стоически переносил лошадиные дозы антибиотиков и витаминов, которыми его усиленно нафаршировывали там для поправки здоровья, таблетки можно было выбрасывать, а вот от уколов спастись было

невозможно. Но улучшения, к удивлению докторов, так и не наступало. Поскольку Леха перележал в госпитале все мыслимые и немыслимые сроки, врачи решились на последнее средство, чтобы вернуть армии бойца. Подозреваю, что это была чистейшей воды провокация, но со слов Лехи, обставлено все было максимально серьезно. В один прекрасный день в госпиталь заехало очередное ташкентское светило военной медицины и устроило мега-обход. Не обошел он стороной и Лехину палату. Когда местный лечащий врач отчитался ему по диагнозу и ходу лечения, светило подошло к Лехе и спросило, не чувствует ли он улучшения самочувствия. Леха, естественно, закатил глаза и молвил: «Ой, доктор, что-то мне все хуже и хуже…». «Ясно, тяжелый случай, придется делать пункцию, наверное, послезавтра начнем, готовьте больного….» — сказал доктор и стремительно вышел. На следующий день Лехино здоровье стало стремительно улучшаться практически до полного выздоровления, и через пару дней его выписали, к моей радости. Увы, радость эта длилась недолго. Отметить такое событие мы зашли в «Чайник», где взяв разбавленного компота и мокрых пряников начали отмечать столь неординарное событие. Лехин вид мне не понравился. Был он какой-то вялый, что ли. Понять его было можно, возвращаться из госпиталя в часть, не есть самое счастливое событие для молодого бойца, но когда Леха не допил компот, а потом и отказался от своих пряников, я забеспокоился. Раньше такого никогда не случалось. Дальше события разворачивались поистине с военной быстротой: по дороге в казарму Лехе приспичило зайти в сортир (тот самый, у караульного помещения). Вышел он оттуда с лицом приговоренного к смертной казни. Я спросил, в чем дело. В ответ Леха показал мне листовку, которыми были оклеены все стены во всех наших сортирах, предостерегающую бойцов красной армии от инфекционных заболеваний, в частности, от гепатита. На ней здоровенными буквами были описаны симптомы этого заболевания, в частности пожелтение белков глаз, бесцветный кал и пенящаяся моча очень темного цвета. «У меня все сходится, посмотри на мои глаза» — попросил Леха. Я посмотрел — белки его глаз были откровенно желтыми. В тот же день его снова госпитализировали, практически до конца учебки, теперь уже с настоящим гепатитом, которым его в госпитале и заразили, надо думать.

На период подготовки к параду от нашей роты остался незадействованным взвод, который теперь называли хозвзводом. Я начал откровенно холявить, например, выяснилось, что мои скромные размеры и бараний вес позволяют свободно пропустить

зарядку. Койка моя (а теперь я спал на верхнем ярусе) почти не прогибалась под моим весом, достаточно было распластаться по ней и создавалось полное впечатление, что на ней никого нет, только слегка скомканное одеяло. В суматохе подготовки к параду контроль был сильно ослаблен, поэтому мне часто удавалось пропустить зарядку, валяясь в это время на койке в пустой казарме, пока все бегали. Нужно было только стараться не обнаружить себя случайным движением. Когда все возвращались, я тихонько выскальзывал из под одеяла и смешивался с толпой.

Чертовщина

В период моей жизни в учебке в жизнь вносили немного разнообразия разные странные штуковины.

На территории нашей части находилась еще одна небольшая часть, государство в государстве. Это было сооружение, похожее на старинную восточную крепость, обнесенную толстенным каменным забором четырехметровой (а то и больше высоты, даже не забором, а крепостными стенами, прямоугольной формы в плане, размером где-то 100 на 250 метров. По углам возвышались две башенки, увенчанные полусферическими серебристыми куполами, метра 4 в диаметре, напоминающие купол планетария. Около одной из башенок стояла здоровенная спутниковая антенна в виде тарелки, которая каждый раз смотрела в разные стороны. Населена эта таинственная часть была странными неразговорчивыми военными с черными погонами и медицинскими эмблемами. Попадали они туда через маленькую железную калитку, оснащенную глазком и звонком вызова, перед тем как кого-то пропустить туда, дежурный пару минут изучал визитера через этот глазок. Калитка была почти рядом с крыльцом нашей казармы, поэтому я хорошо запомнил это. Выступы на стене, снабженные вентиляционными решетками, указывали на наличие подземных этажей в этом сооружении. У нас этих людей называли «звездочетами» и «змееловами» (за медицинские эмблемы). Как-то ночью меня растолкал Леха (мы тогда спали на улице) и показал рукой в сторону крепости. Мне открылась феерическая картина: в кромешной тьме было видно, как у обеих башенок по меридиану появились едва светящиеся щели сквозь которые со странным звуком вырывались яркие, хорошо видимые в темноте лучи сине-зеленого цвета, похоже лазерные, ибо они не расширялись, и уносились куда-то в небо. Скорее всего не уносились, но особенности восприятия глазом ярких вспышек таковы, что мне казалось лучи улетают в небо словно копья. При этом башенки время от времени вращались и изменяли направление лучей. Хорошо видимая в темноте белая тарелка тоже непрестанно двигалась. В общем, Джордж Лукас со своими звездными войнами нервно курил в сторонке. Продолжалось все это с полчаса, после чего все стихло, башенки закрылись и перестали вращаться. На следующее утро плац был покрыт тушками птиц, обгоревших как головешки. Мы их убирали оттуда. Видели это многие, случалось это только по ночам, иногда в вечернее время, после наступления темноты. Каждый по своему толковал это странное явление, кто-

то говорил, что это наши сбивают американские спутники, кто-то говорил, что разговаривают с марсианами, я же решил, что это станция спутниковой связи и слежения. Наверняка остронаправленный модулируемый луч передавал пакетную информацию на спутники. Место было идеальное, почти круглый год безоблачно и безосадочно.

В другой раз, уже в августе я видел нечто, напоминающее НЛО. Вечером я обратил внимание на непривычно здоровенную и бледную полную луну, потом сообразил, что это вовсе не луна, луна оказалась на своем месте, а какой-то светящийся бледно-желтым светом диск, который был непонятно каких размеров и непонятно на каком удалении, но визуально раза в два больше луны. Я обратил на это чудо внимание своего сослуживца, одного эстонского парнишки, который был рядом. Он тоже подтвердил, что видит это странное явление. Затем диск стал менять форму, превращаясь в эллипс, сплющиваясь сверху и снизу и одновременно тускнеть. Наконец от него осталась едва различимая горизонтальная полоска, которая вскоре тоже исчезла.

Сдуру я рассказал дежурному по роте (я был дневальным) об увиденном, а парень, который был со мной подтвердил. Тот растрепал остальным, в общем, все кончилось тем, что позвонили из штаба и долго расспрашивали об увиденном тоном врача-психиатра. С тех пор я зарекся кому-либо рассказывать о подобных вещах. А ребята еще неделю подкалывали меня после этого, ехидно спрашивая, что же мы там такое курили?

Воровство

Воровство в учебке процветало вот такущими розами, без преувеличения. Как, впрочем, и во всей непобедимой и легендарной. Не знаю, как в армиях других стран, там не служил, но у нас — это одна из славных традиций, передающаяся из поколения в поколение, которую вряд ли удастся искоренить в ближайшем обозримом будущем. Воровали все: начиная от иголок и ниток и заканчивая дизель-генераторами. В тумбочке ровным счетом ничего нельзя было оставить: письма от родных и близких (особенно ценились письма от девушек, их можно было позже вклеить в дембельский альбом на соответствующее место, если в письме адресата не называли по имени, а так чаще всего оно и бывало), фотографии (опять тех же девушек), зубные щетки, зубная паста, подшива, мыло и мыльницы, а также прочие нехитрые аксессуары солдатского быта. Из мыльниц получались неплохие подложки для значков, каковые военнослужащие срочной службы в большинстве своем старались нацепить на грудь в самых немыслимых количествах и комбинациях. До определенного срока все, что имело какую-нибудь ценность, следовало таскать с собой, как можно равномернее распределив это по карманам. Несмотря на все усилия, карманы раздувались до невообразимых размеров, вызывая праведный гнев отцов-командиров. По их мнению, советский солдат должен был выглядеть несколько иначе, вернее, совсем не так, как он обычно выглядел. Приходилось искать компромиссы.

При получении любая деталь форменной одежды клеймилась определенным образом: водным раствором хлорки и спичкой на внутренней стороне любой ее части надписывался номер военного билета. Ткань выцветала и номер хорошо сохранялся. Надо сказать, что помогало это слабо, я часто встречал одежду с красивыми прямоугольными дырами на подкладке, как раз там, где должно было размещаться клеймо. Сдать что-нибудь на хранение в каптерку тоже не было панацеей, вещи таинственно испарялись и оттуда.

Сам я тоже не был ангелом. Когда у меня в очередной раз сперли панаму во время похода в городскую баню (на территории гарнизона таковой не было), я обратился к комвзвода, который нас туда и обратно вел и сообщил о своем горе. На что получил следующий ответ: «Не у тебя украли, а ты проебал! Прояви солдатскую смекалку!». Минут десять, пока народ перекуривал у входа, я соображал, как же мне ее так проявить? В этот момент в баню зашла очередная партия жаждущих омовения, я

нахальнейшим образом стремительно вошел в раздевалку и под недоумевающим взглядом бойца, караулящего одежду, начал перебирать все висящие в шкафчиках панамы, пока не нашел «свою». Это была панама подходящего размера, имеющая явные следы изменения маркировки. Подойдя к бойцу я показал ему панаму и гневно спросил: «Интересно…ля, как это моя панама оказалась в этом шкафчике? Отвечай, б…..!!!!!» Боец стушевался, начал что-то мямлить, что он вроде не при делах, тогда я вышел со словами: «Передай этому п…….у, что я его обязательно найду и мы еще поговорим!» и стремительно вышел из помещения. Как раз вовремя, наши уже построились. Наш старлей-взводный, увидев меня уже в панаме растянул губы в улыбочке и молвил: «Ну вот, а ты еще спрашивал! Становись в строй». Сколько панам и других вещей в тот день поменяли своих хозяев я не знаю, но моя проблема была решена. Главное — напор, наглость и полное сознание своей правоты. Эти качества и отличают советского бойца, надо думать.

Лехе повезло меньше в плане проявления солдатской смекалки — он в свое время не постеснялся полностью упереть х.б. вместе с панамой вместо украденных у него, кроме того, с маркировкой упертых им вещей был полный порядок, а хозяином вещей оказался упертый маленький узбек, который не поленился обойти классы во время занятий, где и выкупил через некоторое время Леху во время перекура. Он отозвал его в сторонку, о чем они разговаривали я не знаю, но минут через пять оба обменялись кителями и панамами (видимо узбек тоже «проявил солдатскую смекалку», но качество вещей его не устроило) и разошлись по мирному. Леха почему-то смущенно хихикал. Я спросил, чему он так радуется? Леха сообщил, что двумя днями раньше обратил внимание на утолщении в одном из швов, воспользовался бритвой и изъял оттуда целых три рубля, скатанных трубочкой и зашитых на черный день, надо полагать. Именно эти деньги мы вчера проели в «чайнике». Претензий по поводу денег узбек не высказал, потому что хорошо понимал, что это бесполезно.

Как-то меня и еще двух человек припахали навести порядок в ротной каптерке. Вспомнив, пропаже скольких вещей я обязан этому помещению и его хозяину, я нисколько не стесняясь, улучив удобный момент, повзаимствовал у каптерщика пар десять черных хлопчатобумажных носок, равномерно распределив их под одеждой, а заодно и пару тюбиков отвратительной, но жизненно необходимой зубной пасты «Жемчуг» (паста эта, помимо своей основной функции обладала еще одним замечательным свойством: будучи нанесенной на место будущего

синяка не позднее минут пяти-десяти после удара, она если не гарантированно предотвращала образование гематомы, то сильно уменьшала последствия). Никакие угрызения совести меня при этом не мучили. Трофей мы поделили с Лехой.

Полагаю, введение персональных, закрывающихся на замок металлических ящиков-рундучков, какие я видел в кино про учебку для американских морских пехотинцев, если и не решило бы, то хотя бы здорово снизило остроту проблемы, но у нас такого я нигде не видел. Воровство в нашей армии скорее напоминало спорт, чем осуждаемое обществом явление. «Тихо спиздил и ушел — называется нашел» — есть подозрение, что я знаю где родилась эта поговорка. Однако не следует путать «солдатскую смекалку» и банальное крысятничество — когда проявляется ловкость в отношении своих товарищей, которые тебя хорошо знают и, возможно, доверяют. За это (если конечно ловили за руку) всегда наказывали хорошо всем известными методами.

Про то, как напаривала и без того небогатых солдат буфетчица, я уже рассказывал, а вот чудеса, творившиеся на гарнизонной почте не описывал. Иногда родители посылали мне деньги — трешку, пятерку, за что я им был очень благодарен. Кстати, мы помирились с отцом буквально через две недели после моего ухода в армию, в переписке он извинялся передо мной, а я, в свою очередь, перед ним. Воистину, любовь к ближнему прямо пропорциональна квадрату расстояния между ним и тобой.

Один раз, узнав, что я призван в армию, даже моя бабушка (царствие ей небесное) прислала мне трояк, оторвав его от своей и без того небогатой пенсии. Об этом я узнал из ее письма, но денег в конверте не оказалось. Скорее всего вытащила наша почтальонша (она одна работала на почте), хотя и не факт. Я знал, что это не первый случай пропажи денег, ребята кивали именно на нашу почтовую работницу, но поймать ее за руку, а уж тем более что-то доказать было невозможно — правила почтовых отправлений снимали с нее любую ответственность за отправку наличных обычным письмом. Бабушку я расстраивать не стал, сообщив ей, что деньги я получил, поблагодарив и попросив больше никогда не присылать больше денег, ибо я в них просто не нуждаюсь и все необходимое у меня есть.

Все, что я описал выше — детский сад по сравнению с тем, что я увидел, попав после учебки в полк, но об этом, как водится позже, дабы не нарушать хронологическую

последовательность повествования.

Тем временем наступила осень, что выразилось только в том, что у нас отобрали предмет нашей гордости — «афганские» панамы (ловкие и предусмотрительные люди успели, вовремя узнав о предстоящем переодевании, панамы вовремя «потерять», я же к таким, увы, не относился), а также весьма неудобные и тяжелые, но красивые с виду (при соответствующем уходе) шнурованные ботинки, и выдали банальнейшие сапоги-кирзачи, пилотки (шапки выдали уже перед отправкой в полки) и шинели. Есть подозрение, что единственной армией в мире, в которой в конце двадцатого века использовалось форменное обмундирование времен первой мировой войны осталась наша непобедимая и легендарная. Начнем с сапог. Сапоги — довольно удобная обувь, при условии, что сшита она индивидуально, из качественных материалов, с безукоризненным соблюдением технологии пошива. У Лехиного дедушки, прошедшего войну, и до сих пор находящегося в добром здравии (дай Бог ему и дальше здоровья) имеются офицерские сапоги военных времен (наши или немецкие — того не ведаю) Которые до сих пор служат ему верой и правдой.

То же безобразие, в которую обували солдат русской, а затем и советской армии не выдерживает никакой критики и годится лишь для сельских механизаторов в период распутицы. Частичным оправданием служит тот факт, что армия наша всегда была многочисленная, рекрутского типа, когда солдат загонялся в армию насильно, а поэтому в сохранности своего имущества особо заинтересован не был. Методы ведения военных действий тоже не блистали полководческим талантом, расход личного состава в бою был велик, а хороших сапог на всех не напасешься. Да и зачем что-то менять, если и так сойдет?

Про портянки я лучше вообще промолчу. Ибо не сдержусь.

А вот шинель — это песня. Когда-то шинель была в своем роде передовым решением: ее можно было одеть, ей можно было накрыться, да и еще бог знает для чего использовать. Но ее время прошло безвозвратно и место ее — в музее, да на кремлевских курсантах, охраняющих мавзолей с мумией бывшего вождя. Ну, еще генералы любят шинель, особливо ежели с папахой. В основном так называемые «паркетные генералы», коих у нас большинство. Но там и шинели не те, доложу я вам.

Советский же солдатик, одетый в складывающиеся гармошкой сапоги, в кургузой шинелишке, в безразмерной шапке-

ушанке, с вещмешком-«сидором» образца 1892 года за спиной, являет из себя настолько комичное и печальное зрелище, что иной раз плакать хочется, когда на вокзалах встречаешь такое чудо в сопровождении красавца-офицера, разряженного в пух и прах. Когда же эти бедолаги начинают стрелять у прохожих сигареты, хочется отдать им все деньги и снять последнюю рубашку — так на жалость пробивает. Везет тем, кто вышел ростом и фигурой — таким любая одежда к лицу, но таким, увы, не всем повезло родиться. Служивые как могут облагораживают это произведение неизвестного кутюрье, во всевозможных местах ушивая то, что следует ушит, делая вставки там, где надо расширить, вставляя пластиковые вставки там, где морщится и всяческим иным образом модернизируя этот конструктор «сшей сам» для кружка домоводства. После такой модернизации даже самый чахлый боец выглядит просто орлом, если все сделано правильно. Правда, иногда фантазия художника принимает столь воспаленные формы, что после модернизации было непонятно, военнослужащий армии какого государства, а то и какой планеты перед тобой находится. Обшитые по периметру парашютной стропой погоны и петлицы, плетенные из нее же аксельбанты, увенчанные выточенными из латуни в ПАРМе финтифлюшками, ярко белые подкладки из целлулоида под шевроны и значки, подкладки под погоны из нержавеющей стали. Сапоги обрезались, разрезались вдоль голенища, в пробитые отверстия вставлялись люверсы, сквозь которые продевались роскошные шнурки. Затем они проходили тройную обработку мастикой, наносимой при помощи горячего утюга. Шедевры получались — Зайцев и Юдашкин отдыхают однозначно. Слава Богу, вышли из моды пулеметные ленты, носимые крест-накрест на специальных крючочках, а то и их можно было бы лицезреть на этой странной одежде.

Особенно этим грешат, не в обиду будет сказано, жители сельских районов Украины, да и наши тоже иной раз не отставали. Для некоторых жизненно важно вернуться домой максимально расфуфыренным в пух и прах, очевидно сказывается природный инстинкт, заставляющих самцов в брачный период выглядеть как можно более цветасто и привлекательно. Хотя я могу и ошибаться. Но ответственно заявляю, что в последние полгода службы любому уважающему себя хохлу (опять-таки, без обид) было однозначно не до самой службы — во всевозможных подсобках и каптерках титаническими усилиями многих людей тайно создавалась чудо-юдо-супер-пупер-мега-форма.

Командование, в свою очередь, любые попытки модернизации старается решительно пресечь, распарывая,

выдирая, отрывая, расшивая и возвращая одежде ее преждний, совершенно уебанский вид. Но победы в этой бесконечной битве пока не одержал никто, прямо-таки единство и борьба противоположностей на практике. Конспирация блюдется свято, система знаков, паролей, явок и подстраховок заставляют позеленеть от зависти саму «Коза-ностру».

Однако, я немного отвлекся.

Моя шинель, будучи одета на мою, отнюдь не атлетическую фигуру, просто волочилась подолом по земле. Путем опроса сослуживцев, выяснилось, что у кого-то есть шинелишка того же размера, но ему коротковата. В течение вечера с помощью хитроумной многоходовой комбинации из трех последовательных обменов удалось-таки подобрать нечто, более-менее подходящее. Таким же образом утрясся вопрос с шапкой.

Погоревав немного по поводу утраченного боевого вида, я решил, что худа без добра не бывает, и душевное равновесие восстановилось.

Совершенно забыл рассказать и еще об одном интересном событии, которое приключилось еще в середине лета. К нам прибыли какие-то интересные дядьки в штатском, перед которыми все наши командиры вытягивались чуть ли не по стойке смирно, которые свободно шлялись по расположению части, заходили в казармы, присматривались к бойцам. Затем всю нашу роту собрали в одном месте, где перед нами выступил один из этих людей. Он отрекомендовался представителем Института Авиационной и Космической медицины и сообщил, что набирает контингент для дальнейшего прохождения службы в этом заведении. Он рассказал, какие всевозможные блага ждут счастливчиков, попавших служить в это престижное заведение: общежитие (а не казарма) с комнатами на два человека, отсутствие формы как таковой — все ходят в спортивных костюмах и кроссовках, отсутствие всяческой строевой подготовки и иной муштры, все находится практически в центре Москвы, увольнения чуть ли не каждый день по завершении рабочего дня, а самое главное — интересная и очень ответственная работа (о службе и не упоминалось). О характере «работы» штатские умалчивали. Единственным и необходимым условием для этого было железное, стопроцентное здоровье, ну и желание, конечно. Но у кого же такого желания не могло возникнуть после такого рассказа? Я сразу понял, что ни медиком, ни космонавтом мне стать не грозит (здоровье у меня вовсе не железное, плюс близорукость) и даже не стал дергаться,

а вот некоторые ребята (чуть больше половины роты) изъявили желание поучаствовать в мероприятии. Хотя с них и взяли подписку о неразглашении (с их слов), но в курилках полушепотом обсуждалось, какие вопросы и тесты проходили испытуемые. Их крутили на вращающемся стуле, проверяли дикцию (" шасси выпущены, три зеленые горят"), слух, зрение, зубы, короче, обычная ВЛЭК, только с пристрастием. Из нашей роты отобрали двух человек (первая рота, как-никак), одного литовца, фамилию которого я не помню и еще кого-то, из остальных и того меньше, в общей сложности не больше десятка изо всей учебки. Они собрали вещи и уехали. Больше я о них ничего не слышал.

Зато гораздо позже, в одной из желтых газет, «КП», кажется, я прочитал статью об этом институте, написанную якобы со слов такого же бойца-срочника, при сходных обстоятельствах отобранного из учебки (какой — не указывалось) медкомиссией этого института. Из статьи следовало, что эти ребята становились попросту подопытными кроликами в медицинских экспериментах, испытаниях образцов нового снаряжения, техники и еще бог знает чего. В частности, описывался эксперимент, когда испытуемые (добровольно согласившиеся на эксперимент, ибо им пообещали увольнение в запас по окончании эксперимента и денежную сумму, на которую можно было в те времена купить автомобиль «Волга» и еще кое что до кучи) должны были длительное время провести в полностью неподвижном состоянии. Многие якобы стали инвалидами, некоторые даже погибали. Не знаю, можно ли верить этой статье, напечатанной в такой газете, но многие факты сходились. Других подтверждений этой версии я, увы не имею, опровержений — тоже. Если вдруг среди читающих эту писанину найдется человек, имеющий достоверную информацию и не стесненный обещаниями и подписками о неразглашении, я с удовольствием выслушал бы его или прочитал где-нибудь об этом заведении.

Стало заметно попрохладнее, днем температура редко поднималась выше +35, ночью холодало до +10. Прошел первый (и последний за время моего нахождения в учебке) дождь, настоящий такой, проливной, с серым небом, прямо как дома, даже ностальгия накатила по нашему калининградскому, серому небу и сырой погоде.

Начался осенний призыв, в часть стали прибывать толпы новобранцев, больше всего из соседних республик. Наши старослужащие из постоянного состава учебки (как стало потом

известно, не отправленные в строевые части «стукачи», «обиженные» и просто люди, родители которых нашли путь к сердцу замполита роты через его кошелек и просили оставить на прежнем месте до конца службы. По прибытии в полк меня расспрашивали насчет них старослужащие и я получил исчерпывающую характеристику на каждого) устроили нам «перевод» из «духов» (0–6 месяцев службы) в «молодые» (6-12 месяцев службы), утверждая, что для полноценного «перевода» каждому из нас необходимо обязательно получить несколько раз ремнем (бляхой) по жопе. Лично я засомневался в истинной эффективности такого метода и от «перевода» отказался. Иные же умники добровольно приходили к ним и умоляли ударить их бляхой. Было смешно. Впрочем, насильно никого не заставляли.

Я так и не научился курить, что было очень кстати, жалко было смотреть на несчастных курильщиков, которые безмерно страдали от дефицита курева (стоило денег). Когда кто-то закуривал, к нему тут же подходил еще один раб никотина и преданно глядя в глаза спрашивал: "Покурим?". Тот либо соглашался, либо отвечал: "Уже курю с тем-то", и показывал глазами в его сторону. Отказывать без причины было западло со стороны курящего, курить же одну сигарету более чем на двоих — жлобство со стороны просящего. «Обиженным» и и чмырям никто курить не давал, а если и давали добрые люди, то только когда никто не видел, да они и не подходили на людях. Делиться с ними тоже было западло. Мне же эти проблемы с курением были абсолютно пофиг.

Да простит меня читатель за практически тюремный жаргон, но советская тюрьма и советская армия (не знаю как сейчас) были весьма близки по некоторым критериям.

Вскоре, в конце октября, все наши «парадники» уехали на свой парад и наступила полная лафа.

В очередной раз выписали из госпиталя Леху, с которым я и проводил все свободное время, сидя в дальней курилке и философствуя на разные темы. После возвращения с парада Юры Ляпаева и Владика Бабаева мы с Лехой они хорошо дополнили нашу компанию. Теперь нас была уже почти «банда». К нарядам мы уже привыкли, чистить картошку по ночам (раньше чистка картошки сводилась к открытию трехлитровых жестяных банок с уже очищенной и плавающей в страшно соленой воде картошкой, к осени начали привозит настоящую, ее приходилось действительно чистить) было даже прикольно, тем более, наутро

давали отоспаться, а по ночам привозили свежих «духов», только что с гражданки, они как раз проходили мимо столовой и часто угощали нас домашними продуктами, а желающие выцыганивали у них «траву», бухло, насвай и прочие радости жизни.

Экзамен

Буквально через день после возвращения «парадников» прошел слух о скором распределении нас в части для дальнейшего прохождения службы. География была обширной и весьма пугающей. Шепотом назывались разные города: Чита, Хабаровск, Волгоград, Рига, Шауляй (как мне туда хотелось, о Калининграде или Черняховске я даже не мечтал), Каунас, Москва и подмосковье, Цхакая, Тбилиси, Грозный (охо-хо!), Киев и еще куча всяких разных городов Советского Союза. Были как и откровенные дыры, вроде побережья Охотского моря или Чукотки, так и поистине райские, по слухам, места… Про Цхакаю говорили, что это почти что рай на земле, чистый воздух, курорт, край виноделия и шашлыка. Хуже всего отзывались о подмосковной Кубинке: по слухам там царило засилье не то уставщины, не то дедовщины, не то и того и другого вместе. Те же слухи утверждали, что даже в туалет там обязательно было ходить строевым шагом, а по территории передвигаться только бегом. Никто не хотел попасть на Кубинку.

Всех, разумеется, волновало, куда ему суждено будет отправиться. Один из взводных, не хочу упоминать его фамилию, хотя и вспомнил ее, тонко намекнул своим подопечным, что отправка в определенное место определенного бойца по его желанию будет стоить немножко денег, поэтому просил всех желающих поторопить своих родных с переводом. Я об этом узнал гораздо позже из письма одного парнишки, с которым мы тоже были в хороших отношениях в учебке. Он как раз служил в том взводе, а потом его оставили в постоянном составе, потому что он был водителем. Я был более чем удивлен таким известием, тем более что их кэпа я никогда не заподозрил бы в подобном — будучи ответственным, он часто приносил в казарму гитару и приятным голосом пел вышибающие слезу песни, в основном про Афган. Поймали его за руку, когда родительница одного из бойцов, который заплатил ему денег, подняла бучу, потому что бойца отправили в совсем другое место. Некрасивая история, но не верить тому парнишке у меня нет оснований. Что стало с кэпом впоследствии, я не ведаю.

Наши подозрения утвердились, когда на следующий день, когда нам объявили о предстоящем экзамене непосредственно по специальности, которой мы должны были настойчиво овладевать в учебке. Мой взвод должен был получить звание механика по авиационному вооружению третьего класса. Всех, не получивших

классности, то есть не сдавших экзамен, грозились распределить в роты охраны. Людям, имеющим водительские права, можно было не волноваться — свое место в автопарке они всегда бы нашли.

Правда, я довольно смутно себе представлял, что я смогу рассказать, а тем более показать на этом экзамене, ибо учеба наша, прерываемая парадами, нарядами и хозработами была столь непродолжительной, что спросить с нас было практически нечего. Тем не менее, экзамен состоялся.

Сказать, что это был цирк с медведЯми — ничего не сказать. Экзамен состоял из двух упражнений: практического задания и устного экзамена, когда нужно было ответить на несколько вопросов, на выбор экзаминатора. Практику сдавали парами. Я тут же «спарился» с Лехой. Нам достался блок НУР УБ-16, который нам предстояло подвесить на наш многострадальный МиГ-23 за определенное время. Минут пять мы бестолково пытались и так и сяк приставить злополучный блок к балочному держателю, надеясь, что произойдет чудо и он приклеится сам, но у нас почему-то ничего не получалось. Отведенное время истекало, а мы как Бивис и Баттхэд из известного МТВшного мультика тупо возились с блоком, иногда переговариваясь фразами: "Эээээ….типа…чувак, давай дернем за эту штуковину… может он встанет….Да нет, упырь, не сюда… Переверни его другой стороной… Блин… не лезет…". Потом мне пришло в голову, что наверняка нам потребуется какой-нибудь ключ, потом я заметил какие-то странные тросики с красными флажками… потом…. Потом время наше кончилось. Наш боевой прапор-преподаватель смотрел на нас с жалостью и скорбью, скрестив на груди руки. Ему положительно было стыдно за своих учеников, которые пытались воткнуть УБ-16 на авиационное пусковое устройство, предназначенное для подвески ракет (это я теперь уже знаю). Он отобрал у нас блок, попросил его подержать с тыльной стороны и ловко, в два приема воткнул его в нужное место, подсоединил разъем, обжал струбцинами, после чего посмотрел на нас, морщась как от зубной боли и поставил по тройке в ведомость… "За ваши голубые глаза…" — объяснил он свое решение… "В полку все равно научат…"

С устным экзаменом дело обстояло проще, я кое-что помнил из конспектов, а в детстве много книжек прочитал, знал чем фюзеляж отличается от лонжерона, а центроплан от кессона, в общем, мне поставили твердую четверку. Через 15 минут я стал специалистом третьего класса по авиационному вооружению. Леха, к моему удивлению, тоже. Его помиловали за его жалостный рассказ о том, как он практически всю учебку

провалялся в госпитале с тяжелыми, практически неизлечимыми заболеваниями. Впрочем, ему это практически не пригодилось — почти всю службу этот пройдоха, умению которого найти себе теплое местечко я всегда поражался и завидовал, провел на КДП, выполняя там непосильную работу планшетиста.

Отправка

На следующий день я, предварительно набравшись храбрости, переступил порог кабинета командира нашей учебной роты, капитана Ермакова и испросил у него разрешения обратиться. Он разрешил. Тогда я и изложил нашу совместную просьбу, отправить меня, Леху, Бабаева и Ляпаева хоть к черту на рога, но чтобы непременно вместе. Ротный удивился, но, поскольку был в добром расположении духа, обещал подумать. Радостный, я выскочил от него и сообщил друзьям хорошую новость. Вопрос казался почти решенным. И мы, накупив в «чайнике» всяких разных вкусностей отправились в дальнюю курилку, подальше от казармы, обсудить и отметить это событие. И это было нашей грубейшей ошибкой.

Я конечно понимал, что отправка неминуема, но того, что она произойдет через час совершенно не ожидал. Тем временем уже дважды объявлялось ротное построение, дважды недосчитывалось нас четверых, дважды почти вся рота отправлялась на наши поиски, но дойти до дальней, замаскированной за строениями и деревьями курилки ума не хватило ни у кого. Тем временем я прямо-таки спинным мозгом почувствовал неладное и предложил пройтись в расположение роты узнать, нет ли чего нового. Когда мы явились, состоялось уже третье построение, на которое мы также умудрились опоздать. Ермаков был весь красный от гнева, но ничего не сказал. После того, как все собрались, был оглашен список. Само-собой, вчетвером вместе нас уже никто никуда не отправлял. Юру с Владиком (повезло ведь) распределили на аэродром летного училища в какую-то станицу Тацинскую, под Волгоградом (во всяком случае, сошли с поезда они в Волгограде), Леху — в Лиелварде, недалеко от Риги. Я стоял, весь взмокнув и ждал, когда назовут мою фамилию. И услышал ее. Ротный, еще раз повторил ее, внимательно посмотрел на меня взглядом, не обещающим ничего хорошего, и произнес: "А вот этого распиздяя — на Кубинку, Московской области, Одинцовского района. Пусть послужит!"

Солнечный свет померк в моих глазах, земля зашаталась под ногами, а внутренний голос паническим голосом заорал: "П……ц!!!! П……ц!!!! П……ц!!!!". Но что-либо предпринимать было уже поздно. Худшие мои предчувствия сбылись. Я счел это знаком судьбы. Уж если кому и было суждено отправиться на эту самую Кубинку, так это конечно же мне, карма у меня такая…

Немного утешало, что я еду туда не один, а в компании с парнишком-узбеком из моего взвода, но утешение это было слабое.

Мы переоделись в парадку, получили сухпай на три дня, проездные и иные документы, укомплектовали свои вещмешки, и в сопровождении нашего старлея-взводного двинули на вокзал, где были посажены на поезд, следующий в Москву, кажется из Ашхабада. Как не ненавидел я место своего шестимесячного заточения, все же было немного жаль покидать место, где прошло полгода, может быть не самых лучших, моей жизни.

Впереди снова была неизвестность, нехорошие предчувствия терзали меня. И не напрасно — самое веселое было, конечно же впереди.

На сем первая часть повествования заканчивается. Продолжение, надо думать, следует.

Часть 2, однако

Турпоездка

Обустроившись в вагоне, мы первым делом распотрошили содержимое своих вещмешков и закатили пир на весь мир. Тот, кто когда-либо видел содержимое советского армейского сухого пайка, должен знать, что оно вполне съедобно, за исключением, пожалуй, твердейших и неизвестно в каком году засушенных "сухарей ржаных армейских", которыми без труда, при наличии определенной сноровки, крушить кирпичи. Очевидно, пищевая ценность этих изделий заключалась в толстом слое пенициллина, их покрывавшего. Возможно, в голодные годы или в блокированном немцами Ленинграде такой сухарь мог спасти человеку жизнь, но мы почли за благо отправить это лакомство

в мусорный ящик, должно быть, зажрались окончательно. Уничтожив почти половину запасов, мы даже не задумались над тем, что некоторым из нас предстояло почти трое суток неизвестно чем питаться. Но неожиданно свалившаяся на нас какая-никакая свобода окончательно притупила инстинкт самосохранения и способность мыслить рационально. Утоленное чувство голода вызвало вполне объяснимую дремоту, и мы дружненько завалились спать, благо вагон был не общим, а плацкартным. Давненько мне не приводилось кататься на поезде на столь дальние расстояния, и я с интересом рассматривал из окна вагона края, где пробыл полгода и практически ничего толком не видел из-за забора части. Затем меня сморил сон.

Утром я с удивлением обнаружил за окном снег. Точнее, это был не снег, а так — небольшие островки, которые не успел выдуть ветер. Это, однако, свидетельствовало о том, что за окном похолодало, в то время как на момент отправки в Чарджоу было 24 градуса. Ночью, правда, холодало так, что подмерзали мелкие лужицы.

Никто не орал "подъем!", никто не пытался выгнать на зарядку, жизнь определенно налаживалась. За окном тянулись унылые казахские степи.

Юре и Владику следовало сходить ночью в Волгограде, и мы проводили время в философских беседах, наслаждаясь последними часами общения. Мне, узбеку, фамилии которого я уже не могу упомнить, и еще двум ребятам нужно было ехать до Москвы.

Волгоград поразил меня здоровенной плотиной, по гребню которой проходили железнодорожные пути, как мне показалось.

Наутро, оставшиеся уже вчетвером мы поняли, что запасы

съестного подошли к концу. Денег у меня почти не осталось, у других с этим было не лучше.

К середине следующего дня голод начал конкретно заявлять о себе. Я лежал на второй полке и с тоской смотрел, как упитанная тетя безуспешно пытается впихнуть что-нибудь из еды в толстощекого мальца, который воротил нос от всего: и от предложенного яичка вкрутую, и от аппетитной курочки, и от огурчиков-помидорчиков. В воздухе умопомрачительно пахло едой. Должно быть, взгляд мой был настолько красноречив, что тетя, перехватив его тут же поинтересовалась, не голоден ли я. Я собрал в кулак все силы и сдавленным голосом ответствовал, что нет, не голоден. "Да я же вижу" — всплеснула руками тетя, "как же не голоден, когда вон у тебя щеки ввалились, бедные солдатики, чем вас там кормят!!! Ну-ка быстро слезай вниз!!!" Оценив сконцентрированные на мне волчьи взгляды моих попутчиков, я не стал заставлять себя упрашивать второй раз, но предупредил на всякий случай, что я не один. "Да тут на всех хватит, зови своих товарищей, я уж давно вижу, что они не спят, а только притворяются". Товарищи, звучно клацнув зубами, устремились к ней. Я мигом оказался внизу, чтобы не отстать. Тетка извлекла откуда-то безразмерную сумку, набитую всевозможной снедью, которой бы хватило на взвод таких оглоедов как мы и принялась угощать нас, постоянно причитая о недокорме военнослужащих срочной службы и об их зажравшихся командирах. Она так разволновалась, что произвела настоящий переполох среди соседей по вагону, которые активно начали откликаться на ее крики, что "тут солдатики с голоду помирают", что на оставшееся время пути проблема продовольствия была решена окончательно и полностью, благо мы были единственными «солдатиками» во всем вагоне. Увидав, как мы с аппетитом наворачиваем теткины разносолы и ее не то сын, не то внук тут же обнаружил явные признаки аппетита и начал трескать все подряд. Тетка была в восторге — одним метким выстрелом она убила двух зайцев. Давненько я не видел такого единения народа и армии, честное слово. За окном после Волгограда началась настоящая зима, везде были наметены здоровенные сугробы, шапки деревьев окутаны пушистым снегом.

Наступили последние сутки нашего путешествия, следующим утром мы должны были быть в Москве. Так оно и случилось.

Выгрузившись на казанском вокзале я впервые ступил на территорию этого города. Раньше мне никогда не доводилось здесь бывать. Узбек утверждал, что в Москве у него живет сестра

и предлагал нам завалится всей толпой к ней в гости на денек-другой. Я резонно ему возразил, что вряд ли его замечательная сестра будет в восторге, ежели ее любимый братец завалится к ней в компании еще трех таких же мушкетеров, тем более, если она живет не одна. Узбек задумался, но мысль погостить у сестры накрепко засела в его голове. Он начал изобретать всевозможные хитроумные варианты осуществления своей затеи, но командировочное предписание и остальные документы были у нас с ним одни на двоих, ибо как мы ехали в одну и ту же часть, один же я ехать не мог — мне непременно задали бы вопрос о местонахождении напарника. Да и он без документов и в форме стал бы легкой добычей первого же патруля. В конце-концов мы уговорились на том, что вместе доедем до Белорусского вокзала, откуда нам следовало ехать на электричке до станции Кубинка, а там уж определимся с расписанием, прикинем что к чему и примем какое-нибудь решение. В городе было на удивление легко ориентироваться, мы спустились в метро, пересели на кольцевую линию, а затем интуиция подсказала мне, что название станции «Белорусская» имеет непосредственное отношение к Белорусскому вокзалу. На вокзале мы проникли в воинский зал и расселись там. Я отправился к билетным кассам, быстренько переписал расписание электричек интересующего меня направления. Осталось только вернуться к своим, но по пути меня поджидала засада. Проклятая близорукость и невнимательность сыграли со мной коварную шутку: я беспечно продефилировал мимо комендантского патруля с цельным подполковником во главе, совершенно не заметив его. И соответственно не отдав честь. За что тут же был окликнут, но, погруженный в свои мысли и оклика не услышан, остановился я только тогда, когда меня догнал один из солдатиков-патрульных и сообщил, что меня зовет начальник патруля. Неотдатие чести со слов подпола было чудовищным преступлением, граничащим только с изменой Родине. Я был доставлен в комендатуру вокзала, где у меня отобрали военник и посадили в ожидании своей участи на скамейку. Вскоре я предстал пред несветлыми очами военного коменданта вокзала. Мое объяснение насчет близорукости никого не удовлетворило и мне полчаса выговаривали о том, что начинать службу с подобных поступков — верный путь в дисбат, грозились отправить в какие-то Алешинские казармы, хуже которых может быть только исламский ад, а также доложить моему командиру, правда, не сказали, какому именно. Я что-то лепетал в свое оправдание, но потом понял, что скорбное молчание, изредка прерываемое словами "виноват, товарищ полковник", можно существенно сократить время экзекуции. В

конце концов командантe успокоился и вопросил мои командировочные и проездные документы. Пришлось сознаться, что документы у Узбека, который с тремя моими товарищами дожидается меня в воинском зале. В месте с комендантом мы прошли в зал, где все четверо были самолично им посажены в ближайшую Можайскую электричку, как раз стоявшую у пригородного перрона и с наилучшими пожеланиями отправлены в дальнейший путь. Мечта Узбека повидаться с сестрой в этот день так и не осуществилась, хотя возможно это спасло его от еще больших неприятностей. На полпути к Кубинке двое наших попутчиков сошли на одной из станций и мы с Узбеком остались вдвоем. Доехав до станции Кубинка, мы вышли из вагона и остановились в нерешительности. Куда идти дальше в наших бумажках не было указано, а никакой воинской части вблизи визуально не наблюдалось. Проблема разрешилась просто: какой-то старлей, проходивший мимо, в ответ на наш вопрос махнул в сторону автобусной остановки. "Дождетесь автобуса, сядете, остановка "Новый городок", выйдете у КПП, там памятник в виде самолета. Там разберетесь". Так мы и поступили.

Кубинка

На КПП нас усадили в помещении комендатуры, где мы дождались представителя той части, в которой нам предстояло служить, который и отвел нас в расположение. Это была трехэтажная казарма из белого кирпича. Здание выглядело сравнительно недавно построенным (по строительным меркам). Около входной двери висела красная стеклянная табличка, на которой золотыми буквами было выведено "Войсковая часть N 54876". Как выяснилось, это и был знаменитый гвардейский истребительный авиаполк имени Маршала авиации Советского Союза Ивана Никитича Кожедуба. Лиц офицерского состава было в несколько раз больше, чем нас, «двухгадюшников». Меня определили во вторую эскадрилью. Узбека — не то в первую, не то в третью. Обе они находились на третьем этаже. Вторая — на втором. На первом находилась ТЭЧ (она же "течь"). Меня заботливо принял каптерщик, эстонец по фамилии Калюстэ, козел, как впоследствии выяснилось, редкостный. Он забрал у меня мою парадку и я переоделся в повседневную форму (днем позже мне выдали ПШ — полушерстяная форма одежды, обычно на зимний период). Калюстэ спросил, не привез ли я с собой водки, козырной жратвы или еще чего-нибудь экзотического из Туркмении и очень удивился, когда я ответил отрицательно. Мне показали мою койку и тумбочку. Койки, к моему удивлению, оказались одноэтажными, довольно редко расставленными, с неудобной сеткой из витых пружин, спать на ней было весьма неудобно — задница свисает в нижней точке, а голова и ноги — в верхних. Места было — мама не горюй. Все меня удивляло в моем новом месте пребывания: дневальный, который сидел верхом на тумбочке и болтал ногами, читая какую-то книгу, народ шлялся по казарме в тапочках, несколько человек внаглую спали, целиком накрывшись одеялом, при появлении какого-то офицера дневальный не вскочил по стойке смирно, и не заорал «смирно», а лишь на секунду поднял глаза и опять углубился в чтение. Офицер же (лейтенантик какой-то), лишь кивнул ему в знак приветствия и промчался в туалет, куда видимо и стремился попасть. Если где на свете и существовал Устав, то это место не имело к нему никакого отношения. В казарме было тепло, даже жарковато.

Поход на ужин удивил меня еще больше — никто не строил весь личный состав, люди, которые были в наличии и желали отужинать, лениво позевывая, собирались, выходили на улицу (обычно из эскадры набиралось не более 10–11 человек),

образовывали что-то вроде колонны по два и ежась от холода топали в столовую по каким-то козьим тропинкам, протоптанным в снегу. Ни о каком строевом шаге и речи не шло. Отдавать честь встречным прапорщикам нужным не считалось, это было западло, да и они не требовали. Встречные в чине от лейтенанта до капитана удостаивались вялого движения руки, какое делаешь, отгоняя муху. Майоры и выше были счастливчиками, которым честь отдавали почти правильно, мах рукой делался чуть резче. Словом, Уставом здесь и не пахло, наврали мне все про Кубинку. Посмотрим, как тут с дедовщиной. Пока что проявлений таковой я не встретил.

Столовая удивила еще больше. Столы на 6 и на 4 человека, стеклянная посуда (которая месяца два спустя была все же заменена на алюминиевую, а стальные ложки-вилки на аналогичные из того же металла) и самое главное — раздатка, прям как в обычной столовой, не хватало лишь кассового аппарата. Все питающиеся брали подносы (здесь их называли «разносы», подносом именовался удар, произведенный в соответствующую часть лица, черпак же следовало называть "разводягой"), шли вдоль раздачи, накладывали на них все полагающееся и шли занимать свободный стол, дабы заняться трапезой. Можно было подойти и во второй раз, если не наелся, но компот, масло, сахар и яйца (яйца выдавались по воскресениям) можно было получить только один раз — черти раздатчики хорошо запоминали лица проходящих и при повторном получении этих деликатесов могли возникнуть проблемы. В остальном же ограничений не было, во всяком случае, до некоторых пор. Все это приятно поразило.

После возвращения с ужина в казарму я впервые увидал нашего старшину — сравнительно молодого прапорщика-белоруса, который, выгнав из каптерки Калюсту, зазвал меня туда, осмотрел мои вещи и порасспрашивал о том, о сем. Далее, народ в тапочках вяло построился вдоль «взлетки», произвел перекличку и получив команду «отбой» так же вяло разбрелся спать. Прапор ушел домой. Я не верил своим глазам, после учебки видеть такое было немного странно.

Засыпал долго, сказывалось обилие впечатлений, но в часа два ночи был разбужен Гаврюшей — мешкообразным нескладным парнем из Уссурийска. Гаврюша был недавно произведен в «черпаки» — то есть, считался прослужившим уже год. Спросонья я ничего не соображал и даже не сразу понял что от меня хотят, когда он привел меня в бытовку (место для

глажения одежды, пришивания пуговиц и всяких прочих подобных вещей, снабженное гладильными досками и утюгом) и сообщил, что я должен вылизать линолеум в этой комнате от следов резиновых подошв сапог при помощи тряпки, щетки, мыла и алюминиевого таза с водой. Пока я тормозил, рассуждая, что же мне следует сделать — дать Гаврюше в ухо за столь оскорбительное предложение, совершенно не подходящее к данному времени суток, или же приступить к работе (хрен знает, какие здесь на самом деле порядки и обычаи, да и Гаврюша не казался слабым челом), в бытовку вошел еще один зольдат (рядовой Узбяков, имени его, к сожалению не запомнил, «дедушка», прослуживший полтора года) и напомнил Гаврюше о неком Законе (про который я больше нигде и никогда не слышал), запрещающем эксплуатировать и прессовать «молодых» ("чижей", «шнурков», «салабонов» — где как звали, отслуживших всего полгода) в первую ночь (блин, прямо как право первой ночи звучит). В связи с этим Гаврюша со вздохом взял тряпку, щетку и самолично принялся за пол в бытовке, а я отправился спать.

С утра меня обрадовали новостью о том, что я назначен в наряд, в патруль. Патруль — это такая группа военных человеков в составе одного офицера, вооруженного пистолетом Макарова (чаще огурцом в кобуре) и двух зольдатенов, вооруженных штык-ножами, которая шляется по гарнизону, по возможности пресекая все неуставные действия остальных военных (в основном рядового и сержантского состава), как то: несанкционированный заход за воображаемую демаркационную линию, разделяющую служебную и жилую зоны гарнизона, нарушение уставной формы одежды (расстегнутый воротничок, висящий на яйцах ремень, ушитую шапку и все в таком духе), и вообще за нахождение в неправильном месте в неправильное время (все было весьма условно, большое значение имела личность нарушителя). Пойманным нарушителям (в основном это были салаги вроде меня) грозила как минимум мокрая приборка помещения комендатуры. Если же задержанных не было, прибираться должен был сам патруль (исключая начальника, конечно), но на моей памяти не было ни одного патруля без задержанных.

Двое суток без смены (народа катастрофически не хватало уже в то время) мы шлялись в патруле. Было нежарко, но на свежем воздухе я чувствовал себя великолепно, решив, что если служба пойдет так и дальше, опасаться мне нечего. События предыдущей ночи все же тревожили меня, но ночевали мы в комендатуре и использовать меня на ночных работах в казарме не получилось.

Вернувшись на вторые сутки из патруля я тут же был назначен в наряд по кухне и чистил картофель до трех часов ночи. Была и приятная сторона этого дела — за столь самоотверженные действия при двухдневном отлове нарушителей воинской дисциплины (за нарушителем бегал исключительно начальник патруля, мы лишь изображали бег) и чистке национального белорусского национального продукта я был зачислен в группу, которая была премирована поездкой в Москву на какой-то рок-концерт. Это было неслыханно, но приятно. Вернувшись ночью из столовой, я получил парадку и утром мы выехали в столицу.

Концерт проходил в спорткомплексе "Крылья советов", если не перепутал, обещали "Коррозию металла", но почему-то ее не было, зато в числе остальных банд выступала группа «Манго-манго», которая мне понравилась, я горжусь, что хоть раз слушал ее вживую. На время я даже забыл, что нахожусь в армии. Но вечером, к сожалению, пришлось это вспомнить.

Вернувшись из увала, переодевшись, я почувствовал себя слишком спокойно и тут же был наказан за беспечность. Меня позвали в ленинскую комнату, где один из «дедов» — «француз» Насуров (черных здесь было принято политкорректно называть «французами», на что они обижались не меньше чем на слово "чурка") объяснил мне, что я должен написать ему письмо. "Какое письмо?" — изумился я, — "мы же рядом сидим?". "Пысьмо ат маэй лубимий дэвушка, шнюрок!" — ответствовал «француз». Через минут пять диалога стало ясно, что я должен был написать этому урюку письмо, якобы написанное его любимой девушкой и адресованное ему. Это конечно была не стирка чужих портянок, но задание это совершенно не соответствовало моему менталитету, тем более, что признать себя девушкой, хотя бы и гипотетической, мне совершенно не хотелось. Да и внешний вид этого монстроподобного чувака вряд ли возбудил бы чувства даже самой завалящей девушки, не будь она из одного с ним аула. Кстати, об ауле — это был самый что ни на есть табасаранец, про которых я писал раньше — малочисленный и гордый народец, живущий в горах Кавказа и не признающий ни советской власти, ни электричества.

Само собой я отказался от столь заманчивого предложения. Отказ мой имел самые печальные последствия. В тот же момент я был отволочен в курилку, располагавшуюся рядом с туалетом и там жестко отметелен. Били, впрочем, несильно, без оттяжки, скорее для профилактики и психологического воздействия, без желания добить или убить, не оставляя особых следов, избегая ударов непосредственно по лицу

и стараясь, чтобы я как можно больше летал из угла в угол, не получая каких-либо серьезных повреждений. Тем не менее, эффект был достигнут, после экзекуции я сидел на полу в углу курилки, приняв позу эмбриона, утирая кровавые сопли, скрипя зубами, с удивлением наблюдая свои оторванные пуговицы, разбросанные по полу и тихо охуевал от произошедшего. Было больновато и страшно обидно. Физическое сопротивление было бессмысленно, во-первых, я не Брюс Ли, а во-вторых, это только усугубило бы мои страдания. Со всего этажа приходили люди, желающие взглянуть на залупившегося молодого собственными глазами. Как в зоопарке, блин. Только жЫвотным в этом зоопарке был я.

Тут же я был посвящен в так называемую "политику партии". Собравшиеся в курилке авторитетные деды расписывали мне все прелести жизни "по понятиям" и рассказывали ужасы жизни "по уставу". Надо сказать, их трение по ушам, да еще в три голоса, здорово воздействовало на сознание. Продолжалось это около часа, как мне показалось. После профилактической беседы, посчитав ее время более чем достаточным, мне был задан вопрос, как я желаю жить: по понятиям или по уставу? Я разъяснил воспитателям, что в принципе, местный уклад жизни не отрицаю, но писать письма Насурову от его "любимой девушки" и выполнять прочие унизительные поручения отказываюсь, и буду отказываться впредь. Насуров, присутствующий при том, начал рваться ко мне, уверяя, что тут же убъет меня на месте, остальные его удерживали "типа из последних сил". После этого в курилку был приглашен «черпак» по имени Олег (тихий такой парнишка из Крыма, фамилию приводить не буду) и тут же был показательно отметелен пред моими очами за то, что не выполнил свою обязанность по доведению до меня основных принципов местного уклада жизни. В общем, дело заваривалось нешуточное. Я уже начал жалеть о выбранной мною линии поведения, которая сулила довольно мрачные перспективы на ближайшее время. Но менять ее уже было бессмысленно, да и попросту вредно.

Через некоторое время это занятие надоело даже дедам и я был отпущен в бытовку для приведения себя и одежды в порядок. Мне обещано было продолжение банкета и дано время подумать до завтра.

Завтра тоже ничего хорошего не случилось, я был назначен в наряд по эскадрилье дневальным. Вечером, стоя около тумбочки, я размышлял о печальных перспективах своего бытия, когда случился очередной инцидент — мне было предложено

"предьявить фанеру к осмотру", то есть встать по стойке смирно и получить удар кулаком в грудь. В голове у меня слегка переклинило, я схватился за штык-нож и пообещал воткнуть его в пузо первому, кто возжелает моей «фанеры». Это была удачная находка, небогатые бойцовские качества отлично можно было компенсировать имитацией состояния аффекта — "включать психа". Поскольку актер из меня получился гораздо лучше, чем мастер кунг-фу, угроза была принята вполне серьезно. Втроем у меня насилу отобрали штык-нож, я же, дико вращая глазами, жутким голосом обещал устроить нынче же Варфоломеевскую ночь длинных штык-ножей, короче, кривлялся по полной программе, а Насурову пообещал первым выпустить кишки. Эффект был колоссальный, даже я не ожидал такого. Меня срочно сняли с тумбочки, заменив другим дневальным и даже попытались успокоить, утащив под руки в ленкомнату, где я для закрепления эффекта ногами перевернул на всякий случай один из столов. Грохот был — мама не горюй! В этот момент с метеопоста в казарму вернулся Ризван Надибаидзе, здоровенный такой грузин, имеющий в казарме изрядный авторитет. Ему сообщили о случившемся, после чего он пожелал иметь со мною личную беседу. К тому моменту я уже «успокоился», беседа проходила в той же ленинской комнате. "Это правда, что ты нож вытащил и хотел Насурова зарезать?" — спросил Ризо. «Правда» — ответил я, шмыгая носом и прикидывая дальнейшее развитие событий. "А чего же не пырнул его?" — спросил Ризо. "Не успел, наверное" — ответствовал я, "плохо помню". "Никогда не доставай нож, если не уверен, что сможешь ударить. Достал — бей." — посоветовал мне Ризо. "Никто тебя больше прессовать не будет, но ты сам выбрал жизнь "по уставу" — , голосом Иосифа Виссарионыча вещал он. "Но если я увижу, что ты будешь кому-то бегать за сигаретами, стирать за кого-то или заправлять чью-то постель — я сам лично начну тебя чморить. Я за тебя подписался. Ты хоть и слабый, но или смелый, или просто дурак. Время покажет. А сейчас иди умойся и тащи службу, только без истерик". Вот такой получился у нас разговор. Честно говоря, ожидал я совсем другого, поэтому не знал, радоваться мне или горевать. К отбою пришел старшина. Должно быть, у него были в казарме свои глаза и уши и знал обо всех моих приключениях, потому что на следующий же день я был снабжен командировочным предписанием, в котором мне было велено прибыть в воинскую часть (номера не помню, но в этом же городке, всего за пару домов от полковой казармы) для дальнейшего прохождения службы и отправлен туда с богом. Видимо по словам «стукачей» я оказался чистый псих и прапор

решил от меня избавится, тем более, что подходящий повод нашелся. Прибыв в указанное место, я обнаружил там самый что ни на есть «карантин» — место, куда на пару месяцев загоняют «духов» — только что прибывших с гражданки рекрутов. Там они проходят "курс молодого бойца", учат уставы (смешно), после чего им традиционно дают несколько раз пульнуть из автомата на стрельбище и отправляют в подразделения, а «карантин» расформировывают. Я был назначен на должность командира отделения — «комода» в одном из таких "карантинов".

Карантин

Карантин занимал верхний этаж двухэтажной казармы, принадлежащей батальону связи. Связисты сейчас все жили на первом, а переход между этажами был забит фанерой (как потом выяснилось — не очень плотно). Казарма была большая, койки двухэтажные, стояли очень плотно. 1-я учебная рота (везет же мне на первые) насчитывала около 120 человек, в основном все призывники из Казахстана. Это были казахи, казахские немцы и русские из хулиганских городов вроде Джамбула, были и несколько узбеков и азербайджанцев. Но в основном — нормальные ребята. Сержанты местные приняли меня на удивление хорошо, несмотря на то, что я был на полгода младше их призывом. Мне выделили койку на первом ярусе в самом дальнем от входа углу казармы и объяснили мне мои обязанности. Они были не столь уж и обременительные. Теперь я должен был по вечерам тренировать своих подопечных на подъем-отбой, а в случае, если бойцы не укладывались в положенные 45 секунд, повторять процедуру. Если количество тренировок превышало 4–5 за вечер, следовали наказания в виде физических упражнений, в основном отжимания от пола. Раз — опустились, два — поднялись, полтора — застыли на полусогнутых локтях. Мне не очень нравилось быть истязателем, тем более меня самого еще совсем недавно дрючили подобным образом, но выбирать не приходилось. И все же командир из меня поначалу получился некудышний, «добренький». Но дядьки-сержанты не давали расслабиться. По утрам я бегал с бойцами на физзарядку, подгоняя отстающих. В 15-градусный мороз это бодрило. Утром, вечером и в обед каждый водил свое отделение в столовую. «Духов» кормили отдельно, накрывая для них столы заранее. Один из командиров должен был перед этим проконтролировать, чтобы количество порций соответствовало числу людей. На плацу упражнялись в строевой подготовке. Иногда гоняли личный состав на различные работы, в общем, все как и в учебке, только более скучно, рутинно и менее продолжительно. Через неделю комроты забрал у меня военник, а на следующий день я узнал о том, что мне присвоено звание младшего сержанта. Пришлось прикупить в военторге лычки и под чутким руководством других сержантов разместить их на погонах. Хохлы отчаянно завидовали и удивлялись, не видя на моем лице особой радости — получить хотя бы ефрейторскую «соплю» было заветной мечтой каждого из них, а тут две — и никаких эмоций.

Приближался Новый год, 1990-й. Накануне праздника мои бойцы учудили несколько залетов. В углу казармы располагалось бытовое помещение, где стоял «титан» — устройство для подогрева воды. Вездесущие «духи» обнаружили в углу, за «титаном» объемистый полиэтиленовый пакет, непонятно как туда попавший, полный четырехкопеечных презервативов советского производства, причем им было не меньше десяти лет, судя по маркировке. О находке своей они распространяться не стали, а перед ужином стали надувать изделия N1, класть их на раскаленную батарею, а затем, открыв форточку, выпускать на улицу. Поскольку за бортом было уже -20, если не больше, эти «стратостаты» со свистом улетали в темное небо. Там они или лопались или в еще надутом состоянии опускались на землю, когда остывали. Не знаю, на какую высоту они поднимались, но дул слабый ветерок, как раз в сторону жилой зоны и полгородка оказались украшены надутыми и не очень, висящими на деревьях и лежащими на земле резиноизделиями, что привело в ярость обитателей жилой зоны. Когда на следующий день «подарки» начали приносить домой дети, в известность был поставлен комендант гарнизона. Реакция последовала незамедлительная — по месту нахождения и углу разлета кондомов четко вычислялась наша казарма, в которую тут же нагрянул патруль и в качестве вещдока изъял оставшиеся презервативы. Весь день 1-я рота под доблестным руководством ее сержантов цепью ходила по жилой зоне, собирая презервативы. Виновники были вычислены и сурово наказаны.

Второй случай произошел 31 декабря. Накануне бойцы через нас обратились к комроты с просьбой разрешить им организованный выход в «стекляшку» — гарнизонный универмаг с целью затаривания предметами нехитрого воинского быта. Кэп дал добро и мы весь день отделениями водили бойцов строем на затарку в этот «супермаркет». Карманы многих после этого выглядели слегка располневшими, чему я не придал особого значения. Как выяснилось, зря. На следующий вечер, заступив дежурным по роте, я наткнулся в хозпомещении на жестяное ведро, полное пузырьков от одеколона «Саша». Я удивился, но так и не додумался связать эти два факта. Гром грянул вечером, на вечерней поверке — процентов двадцать личного состава были просто пьяны. Строй просто колыхался. Ротный был в ярости, рвал и метал. Одеколоном пахло от всех. Особо отличившихся алкоголиков было решено лечить трудотерапией — всю ночь они должны были натирать пол мастикой. Кэп, старшина и взводные покрутились еще минут десять, предупредили нас, чтобы мы

зорко следили за личным составом и сами ничего не натворили, пообещав самые страшные кары в противном случае, и слиняли по домам, где уже был накрыт стол и ждали семьи.

Через некоторое время в казарме установилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием наказанных алкоголиков. Однако, через некоторое время появился один из сержантов — казах Бейсенбаев и велел провинившимся заканчивать, мыть руки и валить спать. Причины такой доброты скоро выяснились: меня позвали в кубрик, в наш сержантский уголок. Мне велели поручить дневальным: а) закрыть входную дверь в казарму на ножку от стула, б) то же самое сделать с дверью с лестницы, в) вывернуть на полоборота все лампочки в кубрике, кроме одной, над нашим уголком, а на плафон навесить застегнутый китель, дабы свет падал только вниз. Все было тотчас исполнено. Дневальному на тумбочке было велено бдеть во все глаза и в случае тревоги громко орать "смирно".

Я же был приглашен в уголок, где между наших коек стояли две табуретки с нехитрой закуской, запивоном и большой бутылкой водки. Хохол — сержант Дейнеко достал присланное ему накануне сало (один из немногих виденных мной достойных представителей этой великой нации, который не трескал его в одиночку в каптерке). Я попытался от водки отказаться, мотивируя это тем, что я не пью, да и статус дежурного по роте обязывает хранить трезвость, но мои доводы показались неубедительными. "Ты что же, не хочешь с нами за Новый год пить, да и лычки твои мы до сих пор не обмыли. А начинать все равно когда-то надо." — молвили мои сержанты и налили мне полкружки водки. Делать было нечего, я выдохнул по совету сослуживцев побольше воздуха и набравшись храбрости одним махом осушил кружку. Это был мой алкогольный дебют. Водка обжигающей волной прошлась по пищеводу и я решил, что сейчас мне немедленно станет плохо. Когда-то в девятом классе я отведал коньяку на одном из выездов на природу и с тех пор алкоголь в любом виде внушал мне стойкое отвращение. Водки я же не пробовал никогда. Перед моим носом откуда-то материализовался бутерброд, заботливо приготовленный сослуживцами и я немедленно его уестествил. Стало заметно теплее, легче и веселее. Движения стали плавными, а мысли просто образцом четкости и кристальности. В голове приятно зашумело. Не так уж она и страшна, эта водка, подумалось мне. Потом мы выпили по второй, по третьей, потом еще сколько-то раз, точно не помню, стало совсем весело, и я не сразу понял, что

случилось, когда вдруг из коридора раздался какой-то шум, над нами внезапно погас свет, а дневальный в коридоре заорал «смирно» не своим голосом. Я, цепляясь плечами за койки и опрокидывая табуретки, ломанулся в коридор. Там я застал следующую картину: в коридоре стоял собственной персоной майор Кобелев с первого этажа, из батальона связи, который в этот день был дежурным по части, сопровождаемый двумя солдатами и прапорщиком. Оказывается, придя с проверкой и найдя нашу дверь на улицу чем-то подпертой изнутри (стулом из ленинской комнаты), он приказал отодрать лист фанеры, отделяющий переход между первым и вторым этажами и пролез со своими спутниками через образовавшееся отверстие. "Дух"-дневальный, конечно же закемарил на тумбочке и ничего не слышал. Проснулся он лишь тогда, когда от сильного рывка снаружи стул, запирающий дверь на лестницу, вылетел из-за дверной ручки и грохнулся на пол. Я слегка зигзагообразной походкой подошел к Кобелеву и стал докладывать, приложив руку к пустой голове. К моему ужасу язык слушался меня с трудом, поэтому я произнес что-то вроде: "Таращщ мрррррр, ик, за врмя маво джурства, ик, прашшшествийнислучилассс, ик……". Кобелев некоторое время молчал, испепеляя меня взглядом, солдатики за его спиной откровенно хихикали, а прапор сочувствующе смотрел на меня. "Не случилось, говоришь?" — тоном, не предвещающим ничего хорошего. "Ну пойдем, посмотрим, как ты службу несешь, сержант…" — добавил он, нажимая на последнее слово и я понял, что сержантствовать мне осталось совсем недолго. "Включай свет в кубрике!" — приказал он. Я щелкнул выключателем, но, само собой, ничего не произошло, только в дальнем углу кубрика что-то неярко засветилось, указывая майору путь к месту воинского преступления. "Фонарь!" — приказал майор, и прапорщик тут же подал ему большой мощный гэдээровский фонарик.

Майор присел и начал медленно освещать пространство под койками. Я с ужасом увидел, как под одной из коек скрючилось на чье-то тело в белом нательном белье. Это был сержант Дейнеко, который то ли спьяну решил, что спрятаться под кроватью будет лучше, чем лечь в свою койку и притвориться спящим, то ли просто не успел этого сделать, во всяком случае, даже наутро он так и не смог объяснить своего странного поступка. Дейнеко, пойманный лучом фонаря, плавно, соблюдая все меры предосторожности и маскировки, пополз на четвереньках, стараясь выйти из освещенной зоны, а когда майор крикнул "Стой, б….дь!!!", ломанулся как заяц, сшибая и переворачивая все на своем пути, на глазах у изумленного майора

запрыгнул в свою койку и притворился если не мертвым, то как минимум спящим. Майор сказал прапору: "Иди, поднимай его…", а сам направился к нашему углу. Там, источая неземные ароматы, делали вид что спали остальные сержанты. Поведя носом, майор, имевший репутацию трезвенника и коммуниста, тут же определил что все пьяны. Опытным взглядом он окинул кубрик и двинулся к нише, в которой на длинной палке в ряд висели шинели и стал с проворством старого таможенника что-то искать. Обнаружив бутылку водки и четыре источающих соответствующий аромат кружки, он поднял над головой это доказательство и произнес: "Ну все, п……ц тебе, дежурный!!!". Это был полный провал. Были подняты из-за новогоднего стола ротный, взводные и старшина. Они сидели в канцелярии с недобрыми лицами, не предвещавшими ничего хорошего. Все сержанты, стояли перед ними по стойке «смирно». Положение спас старшина, который спросил майора громогласным голосом "Которые из них пили, товарищ майор?" Кобелев указал на меня и Дейнеко. "И от этих тоже пахнет" — указал пальцем майор на остальных сержантов. "Сейчас проверим" — забасил старшина, который к этому моменту сам изрядно принял на грудь. "Иди сюда" — поманил он меня пальцем, и, сунув мне под нос пустую кружку, приказал: "Дыхни!". Когда я дыхнул, старшина, поднес кружку к носу и понюхал. "Этот вроде трезвый" — удивленно сказал старшина и протянул кружку Кобелеву. Тот брезгливо отмахнулся — после старшины там ловить было уже нечего, запах его выхлопа глушил все в округе. Точно таким же образом были протестированы на предмет опьянения и остальные. Разумеется, по методу старшины мы оказались трезвы аки фарфоровые изоляторы на телеграфных столбах. Дейнеко, осмелев, внезапно заявил, что искал под кроватью пуговицу. Дневальный сообщил, что ему стало страшно и он самовольно закрыл обе двери на стул, не предупредив меня. Негорящие лампочки тоже объяснили каким-то немыслимым образом, а китель на единственной горящей лампе, оказывается, просто сушился. Кобелев понял, что мудрый старшина с молчаливого согласия ротного просто парит ему мозги и откровенно отмазывает нас, пообещал доложить куда следует о порядочках в нашей казарме и удалился в свою дежурку на первый этаж. Наши же командиры ушли продолжать праздновать Новый год, пообещав назавтра попереубивать нас всех за пьянку в казарме и испорченный вечер. Впрочем, разборка и санкции были не столь ужасными, с утра у начальства болела голова и, утром в казарму пришел только старшина, привычный к любым дозам алкоголя. А через пару дней, когда разговор все же состоялся, он был не так уж и ужасен. Но с ночными праздниками

в казарме пришлось на время завязать. Других последствий для нас это не имело. Так я встретил Новый год.

Ничего особо интересного после нового года не происходило в нашем карантине, строевые занятия, припашки. Жизнь текла почти монотонно.

Одно же событие, однако ж, заслуживает отдельного упоминания. После нового года на наш аэродром стали один за другим садиться борта из какой-то горячей точки, не то из Армении, не то из Азербайджана, которые сотнями привозили беженцев. Это были несчастные, полуодетые люди, очень много детей, некоторые были ранены. Борта садились с интервалом чуть ли не в час, их было много, на дембазе постоянно находилось большое количество машин скорой помощи, которые тут же увозили раненных и обмороженных, людей как-то пытались одеть, многие были слишком легко одеты. Карантин не раз поднимали ночью для разгрузки их вещей. Картина, я вам скажу, весьма унылая — всюду женский плачь, орут грудные дети, внутренность дембазы напоминала цыганский табор. Мы таскали чемоданы, мешки, тюки, коробки, все, что успели с собой прихватить беженцы. Пару раз наезжало телевидение, тогда присутствующие офицеры разгоняли солдат, хватались за эти чемоданы и мешки и с усердием их таскали, стараясь попасть в объективы телекамер. Как только киношники разъезжались, все возвращалось на свои места. Справедливости ради стоит заметить, что не все офицеры так поступали, но ловких людей было много. Из привезенной для помощи беженцам гуманитарки постоянно что-то пропадало неизвестно куда. В общем, стандартный бардак начала девяностых. Очень угнетающе действовало на мозги.

Вскоре наши «духи» приняли присягу. К этому событию понаехало множество их родителей, гарнизонная «дурка» (так называли гостиницу, совмещенную с офицерским общежитием для несемейных, действительно полный дурдом, находилась прямо напротив "стекляшки") была переполнена, снимали комнаты у местных жителей. Родители, родственники и друзья, само собой, понавезли любимым чадам всевозможной жратвы, бухла и травы. В ночь после присяги в соседнем карантине произошел дикий случай: к одному парнишке вместе с родителями приехала его девушка, которую он якобы ночью тайно умудрился протащить каким-то образом в казарму. Там вроде была устроена грандиозная пьянка, после чего, перепившись, парень пустил столь же пьяную свою подругу

буквально "по кругу", поделившись ей с оголодавшими сослуживцами. Сам я свидетелем не был, к счастью, но надо полагать, зрелище не из легких. Сержанты похвастались как-то. О каких-либо громких последствиях этого дела я, однако, не слышал. Может быть ЧП были никому не нужны (да и сейчас тоже), а может сержантики из соседнего карантина просто заврались, выдав желаемое за действительное. Но слышал я эту байку от разных людей и в разное время, многое сходилось.

После присяги «духов» стали распределять по подразделениям, а через три дня наш карантин расформировали. Мне отметили командировку и отпустили на все четыре стороны. Я, честно говоря, не знал, что мне делать. В голову лезли разные лихие мыслишки. Накануне я получил письмо от Лехи (мы обменялись домашними адресами, мать переслала мне его письмо), из-под Риги. Леха писал, что служба там не сахар, однако рассказал интересную историю, которую я сочту нужным поведать. Со слов Лехи, главный физкультурник их полка одно время буквально терроризировал все подразделения на предмет выявления бойцов, умеющих играть в шахматы. Народ шарахался от него в разные стороны, интеллектуалов среди них было немного, а имеющиеся ловко маскировались. Лехе же было интересно, тем более он знал, чем отличается пешка от ферзя, и он признался, что имеет к шахматам некоторое отношение. Начфиз страшно обрадовался и сообщил Лехе, что ему нужно выставить от части команду на шахматный турнир ВВС ПрибВО, который должен был состояться в Шауляе. Лехе оформили командировку, переодели в парадку, посадили в АН-2 и, через пару часов он уже был в Шауляе. Поселили его в офицерской гостинице вместе остальными приехавшими на слет спортсменами-шахматистами. Ему была выдана увольнительная чуть ли не на неделю, дабы перед турниром будущий чемпион смог ознакомиться с достопримечательностями города. Что Леха и сделал. Причем неоднократно.

На турнире Леха успел сделать два хода, один из которых был традиционный «E2-E4», после чего его соперник майор поставил ему совершенно детский мат, ибо был мастером своего дела. Вылетев из четвертьфинала, Леха совершенно не расстроился, а снова пошел шляться по городу. Явившись в условленный срок на аэродром (а может и опоздал чуток), он узнал, что самолет улетел без него, его даже не хватились. Распиздяйство в рядах ВВС СССР всегда было на высоте. Ему присоветовали подойти на железнодорожный вокзал и обратиться к военному коменданту оного, чтобы он помог Лехе получить

воинское требование и проездные документы до родной части. Придя на вокзал, Леха увидел стоящий возле перрона пассажирский поезд, кажется Рига-Калининград, не помню точно, который в те времена проходил через Шауляй, и, с его слов, повинуясь какому-то странному порыву, зашел в один из вагонов. Через несколько минут поезд тронулся, проводники не обращали на солдатика ни малейшего внимания, а чтобы не мозолить глаза, он потихоньку перемещался из вагона в вагон. Самым удобным местом был вагон-ресторан, там никому в голову не пришло бы спросить у солдата документы и билет, и можно было посидеть. Немного денег у него было, и он спокойно доехал до Калининграда, благо границ и таможен тогда еще не было. В Кениге ему удалось без приключений добраться до дома, избежав столкновения с патрулями и переодеться в гражданку. Три дня жировал Леха на домашних харчах, пока не появился его старший братец, который, узнав историю Лехиного «отпуска», в довольно резкой форме посоветовал Лехе срочно возвращаться в часть, дабы не навлечь на свою голову всевозможных неприятностей. Ему был куплен билет, и он был зверски отправлен обратно в Ригу. По приезду Леха был сильно удивлен тем, что никто даже не думал его искать.

Прочитав еще раз Лехино письмо, я задумался. Ситуация у меня складывалась совершенно идентичная. В карантине всем было совершенно пофиг, куда я направлюсь. В казарме же родного полка меня тем более никто не ждал в ближайшее время. Сложность же заключалась в том, что на улице стоял редкостный дубак, на мне была вовсе не парадная форма одежды, увольнительные документы отсутствовали, а для того, чтобы сесть на поезд, следовало сначала попасть в Москву, на Белорусский вокзал., ибо на Кубинке калининградский поезд (точнее оба) не останавливался. Приличной гражданки у меня тоже еще не было, друзей, у которых ее можно было бы одолжить, я еще не завел. Шанс залететь был слишком велик и я с большой неохотой отказался от столь заманчивой затеи.

Времени было вагон, я зашел в парикмахерскую, где более-менее привел в порядок свой изрядно заросший кочан, затем перекусил в чайнике и засел в библиотеке. Возвращаться в казарму родного полка мучительно не хотелось. Судя по всему, ничего хорошего меня там не ждало. Однако к вечеру голод дал о себе знать и я поплелся в родные пенаты, чтобы не опоздать к ужину.

Мое появление в начесанной шинели, зверски ушитой и отглаженной шапке и с сержантскими лычками на погонах

вызвало сначала немую сцену в казарме (в карантине у меня было достаточно времени и мудрых наставников, чтобы привести свою форму в божеский вид, соответствующий гордому званию хоть и младшего, но сержанта). Сидящий верхом на тумбочке дежурный по эскадре (дневальные шуршали, наводя порядок, такое часто практиковалось) щелкнул отвалившейся челюстью и с идиотской улыбкой в шутку заорал «смирно». Полказармы сбежалось посмотреть на возвращение блудного попугая

Мой старинный недруг, Насуров, почесал затылок, а потом изумленно заорал: " Нэх@я сэбэ, я пачты гот праслужиль и еще ифрэйтар, а ему сэржанта далы! Гдэ Аллах? Гдэ справэдливасть?". Кстати, впоследствии парнем он оказался неплохим, только темноватым и слишком вспыльчивым.

Похоже, Ризо сдержал свое обещание, на меня никто явно не наезжал, народ вел себя вполне доброжелательно. Похоже, что битва за выживание если и не отменялась, то по крайней мере откладывалась на неопределенное время. Моему появлению обрадовались еще и потому, что теперь было кого ставить в наряд дежурным по эскадре, было кого посылать в караул у знамени части (это был пост, на который ставили исключительно ефрейторов и сержантов, если была такая возможность, впрочем) да и вообще, лишняя пара рук и ног всегда приветствовалась — работы хватало.

Деды критически осмотрели мой прикид, поцокали языком, осмотрев не по сроку службы ушитую шапку, немного подтянули ремень и в целом остались довольными видом новоиспеченного сержанта. После ужина они пообещали мне подарок по случаю возвращения — ночной наряд на чистку картошки в столовой в компании таких же «молодых» как и я. А народу нашего призыва в эскадру за время моего отсутствия прибыло изрядно. Работать мне было не в падлу, зато это была хорошая возможность познакомиться со всеми новоприбывшими. Часов до двух ночи мы ковыряли проклятые глазки (саму картошку чистила, а больше портила чудо машина, напоминавшая большой электронаждак, установленный вертикально, мы лишь дочищали после нее). Зато отожрались на славу — в столовой было чем поживиться.

О столовой стоит сказать отдельное слово. Это было здоровенное мрачное и высокое одноэтажное здание, выкрашенное в серый цвет. Поварами работали в основном узбеки и несколько человек гражданских — толстые крикливые бабищи с красными распаренными лицами, каждый вечер сгибавшиеся под тяжестью огромных сумок и авосек, которые тащили домой. Я как

то даже позавидовал им — мне бы хотелось иметь хотя бы ноги такой толщины, какой у них были здоровенные ручищи. Встретиться с такой теткой в темном переулке было страшновато — укатала бы враз. К тому времени стеклянная посуда (как выяснилось, память о какой-то показухе) напрочь исчезла, ложки и вилки стали алюминиевыми, да и посуда тоже. Качество жратвы заметно ухудшилось. Как-то я забрел в цех, где стояли здоровенные котлы и непосредственно изготовлялась эта самая пища и веселый узбек-повар на моих глазах открыл крышку одного из них и преспокойно выжал в чай тряпку, которой только что протирал пол. "Диля цвэта" — сказал он и добавил "никаму не скажи, пиздули палучышь!" и подмигнул мне. Дня три я к чаю не прикасался, но потом просто забил на это. Точно так же было и с жареной рыбой, когда мы, находясь в очередном наряде по столовой, решили ей поживиться в кладовой, от которой у нас оказались ключи. Открыв дверь и включив свет, я сначала не поверил своим глазам — на противнях с рыбой сидело десятка два здоровенных крыс и неторопливо жрали эту самую рыбу. На наше появление они отреагировали довольно вяло — неспешно разбежались кто куда, волоча в зубах недоеденные куски. Армейские столовские крысы (как впрочем и их двуногие родственники) отличались невероятной наглостью и почти полным иммунитетом к человеку — они никого не боялись, были толсты, задасты, я самолично дал однажды пинка одной особо раскормленной особи, зад которой попросту застрял в дыре, куда она пыталась скрыться. На заднем дворе столовой (редкостный свинарник) они вообще чувствовали себя полноправными хозяевами, даже тетки-поварихи их боялись.

Главной фигурой после начальника столовой в столовой был хлеборез. Он распределял хлеб и масло. Сколько я не видел в своей жизни солдатских столовых (а видел я их предостаточно) хлеборез никогда не был русским или прибалтом — обязательно либо выходец из средней Азии, либо дитя кавказских гор и пастбищ. Однажды мне довелось разговаривать с хлеборезом-осетином, который, по его словам, служил в армии уже третий раз. Это объяснялось просто: младшие братья должны были учиться, а ему настолько понравилось в армии, что, отдохнув немного, он снова отправлялся в военкомат вместо очередного своего брата, даже фотографии менять не нужно было в военнике, так как они были очень похожи. Жил он прямо в столовой, имел свободный выход в жилую зону и за территорию гарнизона, родня снабжала его деньгами — что еще нужно? Хлеборезом он становился, практически сразу попав в часть. Жизнь в родном

ауле была гораздо более скучной и однообразной. Возможно он и не врал, кто знает. На этом, пожалуй, о столовой будет достаточно.

Я перезнакомился с ребятами — все были из разных учебок, но ни одного из моей. Народ попался нормальный, из разных городов, но все вменяемые.

Исключение составил только один хохол с Донбасса, высокий, худой как Кащей, с лицом, похожим на череп, туго обтянутый кожей и большими, черными как донбасский антрацит глазами. У него явно было не все в порядке с головой. Он с первых дней постоянно твердил о создании какого-то подполья "против дедов", рассказывал совершенно невероятные истории о том, как он участвовал в каком-то национально-освободительном движении на Украине, нес чушь про какие-то засады с пулеметами на председателей горисполкомов, про горы трупов, заживо сваренных им лично коммунистах, короче, был конченым долбоебом и бакланом, на мой взгляд. Было смешно смотреть, как этот «подпольщик» на следующий день бежал за сигаретами для кого-то из дедов в летную столовую или в чепок, умудряясь купить пачку ТУ или «Родопи» за полцены и при этом принести сдачу. Деды ценили такого незаменимого кадра. Иногда, вечером, во время распития принесенного из ТЭЧ спирта или масандры они подымали этого чувака и просили (отказываться было чревато) рассказать им пару историй из его участия в ОУН или как оно там называлось. А для настроения и смеху наливали ему. Опьянев, этот дятел начинал нести такую пургу, что даже предлагал показать пару секретных ОУНовских приемов рукопашного боя дедам, которые охотно соглашались испробовать на себе мощь этого непобедимого стиля. Грохот мослов борца за независимость о деревянный пол казармы был слышен и в кубрике ТЭЧ, на первом этаже, и даже в комнате дежурного по части, но пили только тогда, когда дежурный был «свой», так что опасаться было нечего. Однажды, после такой вечеринки, пьяного в дугу подпольщика развеселившиеся деды уложили на мемориальную койку Героя Советского Союза — старшего лейтенанта Образцова Бориса Александровича, которая стояла на специальном постаменте в торце «взлетки» и всегда содержалась в образцовом порядке, а над койкой имелся плакат с описанием подвига Героя. Каково же было удивление старшины, когда он увидел полуодетого дрыхнущего борца за свободу, безмятежно храпящего на неприкосновенной койке Героя. Старшина редко когда занимался воспитанием бойцов лично, но в этот день было сделано исключение, а кулак у него был весьма

тяжел.

Однако, у нашего антикоммуниста был неплохой талант в рисовании, поэтому он часто проводил время в каптерке или ленкомнате, выполняя заказы по оформлению дембельских альбомов и это у него неплохо получалось.

Через неделю после возвращения в казарму я загремел в санчасть. Выполняя задачу доставки обеда нашему ДСП (здесь и далее — дежурному по стоянке подразделения), который нес службу с 8 утра и до 8 вечера на стоянке, до которой от гарнизона было километра четыре, я умудрился обморозить себе ухо. Было холодно и дул резкий ветерок, а я все никак не решался распороть свою ушитую шапку, чтобы прикрыть мерзнущие уши. Потом уши перестали мерзнуть, а когда я вернулся в казарму и схватился за них, оказалось, что они стали жесткими как фанера и нифига не чувствовали. Я испугался и стал их яростно растирать, чего делать было категорически нельзя, одно ухо вроде бы отошло, а второе распухло как добрый вареник и нестерпимо болело. Я пытался крепиться изо всех сил, но вечером в столовую, где мы опять чистили картошку, пришел наш старшина, оценил взглядом мой распухший орган слуха и несчастную физиономию, весело заржал как конь и отправил меня в санчасть. Там я был немедленно госпитализирован, и провалялся примерно с неделю. Неплохо отоспался, а также завел полезное знакомство — со мной в палате лежал паренек с узла связи, я помог ему отразить наезд каких-то казахов, мы познакомились и разговорились, после чего перед выпиской он сдал мне страшную военную тайну, благодаря которой я мог при удачном стечении обстоятельств прямо из казармы позвонить себе домой, в Калининград. Наш дивизионный коммутатор имел позывной «Кассета», дозвонившись до него, следовало неразборчиво представиться и начальственным басом затребовать «Завет», если хитрость прокатывала, дальше все было делом техники: следовало у Завета попросить соединить с Жетоном, а того, в свою очередь, с Балладой и попросить Балладу соединить с любым городским номером. Эта штуковина была совершенно бесплатна и я не раз ей пользовался впоследствии, при разговоре слегка мешало странное эхо, видимо связь была релейная и жутко шифрованная. Жаль, что иногда на Кассете сидела старая тетка, которую совершенно нельзя было провести, она обязательно переспрашивала фамилию и воинское звание звонящего, сверялась со списком допущенных лиц и не найдя там такого, посылала в известные места. Молодые же девчонки не утруждали себя возней со списком и часто соединяли без проблем. Я был

весьма признателен этому парню, а военную тайну раскрываю только сейчас, по истечении срока окончания подписки о неразглашении.

Вернувшись из санчасти, я был удивлен очередной новостью: наш полк переселили в соседнюю казарму на первый этаж, где раньше был карантин. Пришлось изрядно потесниться, чтобы всем хватило места, койки стали двухъярусными. Наша же казарма должна была быть в кратчайшие сроки отремонтирована и готова к приезду какой-то американской делегации, который планировался весной. Чего только нам не пел наш полковой политрук, расписывая прелести нашей будущей жизни: ленкомната должна была вскоре называться комнатой психологической разгрузки, там планировалось установить цветной телевизор, видеомагнитофон, мягкие диваны, аквариум с рыбками, клетку с кенарями и чуть ли не резиновую бабу должны были завести для всех желающих. Было твердо обещано, что в свободное от службы время мы будем разгуливать по казарме в махровых халатах и банных тапочках. Возможно, всем этим планам и суждено бы было сбыться, только в верхах что-то переиграли и в конце концов эта не то делегация, не то комиссия поехала совершенно в другое место. Но об этом немного позже.

Нас стали припахивать на полеты. Ну, припашкой это можно было назвать лишь с большой натяжкой, мне было очень интересно заняться настоящим делом. Да и посмотреть было на что. Поначалу я ходил наблюдающим за шасси. Должность эта была неофициальной, но, как показала практика, довольно нужной. Нужно было сидеть на СКП (стартовый командный пункт или дальний старт) в стеклянной будке на втором этаже и всю смену пялиться в ТЗК, высматривая наличие вышедших стоек шасси у самолетов, заходящих на посадку. Ежели шасси наличествовали, следовало переключить трехпозиционный тумблер в соответствующее положение, на КДП загоралась зеленая лампочка, давая знать, что все в порядке. В противном же случае загоралась красная лампочка и раздавался звуковой сигнал. Если же никакого сигнала не было, а самолет на глиссаде висел, руководитель полетов приказывал своему помощнику, который сидел в этой же будке, дать по шеям заснувшему за биноклем наблюдающему. Красным тумблером мне пришлось воспользоваться только один раз — заходил на посадку командир первой эскадрильи, подполковник Баженов. Створки ниш шасси у него были распахнуты настежь, а стойки почему-то не вышли. Я протер глаза, убедился, что зрение меня не подвело и жмякнул

соответствующий тумблер. Старлей — помощник РП аж подпрыгнул в своем кресле, кинулся ко мне, посмотреть, не ошибся ли я. Убедившись, что все так и есть, он гад, схватил тангенту радиостанции и напрямую обратился к Баженову (ПРП был тоже из первой эскадрильи) по имени-отчеству, сообщил ему о неисправности и заодно представился, короче, это называлось у нас "рвануть жопу". Прогиб, надо полагать, был засчитан. Баженов сделал проход над полосой, поставил кран на уборку, а затем снова выпустил ноги, которые на этот раз вывалились без проблем, развернулся и красиво, с виража, сел. От наглости и находчивости ПРП офигел даже руководитель полетов, который смог только пробормотать по селектору "далеко пойдешь, старший лейтенант…". Впрочем, старлею этому в конце полетов был сделан заслуженный втык. Почувствовав себя героем, он так разошелся, что, увидев заходящий на посадку МИГ-23, который облетывали после капремонта на заводе в Старом Городке, и который по его мнению шел значительно ниже глиссады, он ляпнул в микрофон позывной пилота Мига и порекомендовал ему добавить оборотов. РП не выдержал и в прямом эфире отчитал лейтенанта, не стесняясь в выражениях, ибо глиссада у 23-х на самом деле была более низкой и пологой, а посадочная скорость выше. Миг сел с солидным перелетом.

Перед сменой я получал на КДП ракетницу и 10 патронов к ней, пять красных и пять зеленых — гонять птиц. У торца полосы стояли какие-то пугала, но птицы чаще всего использовали их в качестве насеста. Блестящие ленты средств объективного контроля тоже помогали мало. Поэтому у торца полосы расхаживал солдатик-отстрельщик с ракетницей, который шугал птиц, если их появлялось слишком много, а мы гоняли птичек с крыши СКП, на которую был выход прямо из нашей будки. Один раз я дежурил с ПРП из нашей эскадры и тот пригласил меня во время перерыва на крышу — популять из ракетницы. Была весна, снег стаял, а прошлогодняя трава здорово высохла на ветру. Я взял ракетницу обеими руками, как ковбой в вестерне и пальнул куда-то вдоль земли. Ракета упала в траву как раз за торцом полосы и сухая трава тут же загорелась. Очаг угрожающе разрастался, появился густой дым. Я со спринтерской скоростью одолел дистанцию от СКП до торца и с трудом затоптал пламя. Когда я вернулся, я был весь в саже, вонь кострища от меня была жуткая, а подошвы сапог еще дымились. ПРП ржал от души.

Немало веселили и солдатики-отстрельщики. Они то и дело норовили попасть под садящийся самолет, я лично видел,

как передний пневматик прошел в метре от головы бойца, а затем воздушная подушка повалила его на бетон. ПРП не выдержал, сбегал до торца и собственноручно набил раздолбаю морду. Зимой был забавный случай: когда перед началом первой смены полетов, часов в шесть утра взлетал разведчик погоды — обычно наша «спарка». Отстрельщик хоть и был закутан в шинельку, но видать мерз на ветру. Спарка вырулила на исполнительный, после чего экипаж стал наговаривать утреннюю молитву в эфир — "Сегодня такое-то число, столька-то времени, разведка погоды первой смены… бла-бла-бла….", это длилось около минуты, потом они запросили взлет, вышка медлила с разрешением, короче самолет несколько минут стоял на исполнительном и молотил двигателями на малом газу. Обрадованный отстрельщик подошел сзади и стал нежиться в теплых струях выхлопных газов. Я обратил внимание ПРП на идиота за самолетом, но тот лишь махнул рукой — мол, будет урок дураку. Когда взлет разрешили, пилот зажал тормоз и дал РУДы вперед, обороты стали плавно расти, а любитель тепла был поднят в воздух и кувыркаясь полетел, смешно болтая руками и ногами. Он пролетел наверное метров десять, после чего воткнулся головой в здоровенный сугроб, наметенный тепловыми машинами при чистке полосы. Где-то с минуту я наблюдал в ТЗК за дрыгающимися из сугроба ногами и уже хотел бежать на помощь, но боец выбрался самостоятельно. В мощную оптику хорошо видно было его ошалевшее лицо, по-моему, он не сразу понял, что произошло. Мы хохотали от души.

Завтрак обед и ужин наблюдающему, как и ПРП приносили из летной столовой. Это было здорово — хоть раз-два в неделю пожрать по-человечески. Наблюдающим я ходить любил.

Начальство наше также озаботилось о том, чтобы личный состав срочной службы чувствовал, что мы служим в ВВС, а не в какой-нибудь пехоте и организовало для нас курсы переучивания, на которые мы, «молодые» ходили где-то с месяц. Здесь в мою голову вложили все, что я должен был постичь за полгода учебки. После сдачи зачетов сдавшим присваивалось гордое звание действительного механика самолета третьего класса и разрешение работать на стоянке и на ЦЗ. Я был в числе сдавших.

Зимой работать на бетонке было не сахар, но это была настоящая работа, чем я страшно гордился. В дни полетов механиков не ставили в наряды, они были на полголовы выше остальных «молодых». «Деды» в полетах не участвовали, это для

них было западло.

Я был приписан к борту N43, техник мой был старший лейтенант Козенко (надеюсь, уже полковник) добрейшей души человек, борт был изделием 9-12, то есть МИГ-29А. Это было существенно, так как именно в этой модели имелся замечательный десятилитровый бачок в правом наплыве крыла, где плескалась веселая жидкость, именуемая «массандрой» и состоящая из спирта и дистиллированной воды. Зимой, когда на бетонке был жуткий дубак, а от ветра укрыться было негде, после полета самолета на пилотаж можно было взять колпачок от ШРАП (разъем такой, штепсельный), используя его в качестве стакана, нажать на заправочный клапан спиртовой системы в нише правой основной стойки шасси и нацедить грамм 50 веселой согревающей жидкости. В среднем за смену производилось 4–5 вылетов, так что к концу смены можно было реально нагрузиться.

На меня, как на механика возлагались разные обязанности: расчистка стоянки и плоскостей от снега (ну, это святое), чехление-расчехление, все заглушки, контроль масла двигателей и КСА, заправка топливом, воздухом и маслом, тормозной парашют и буксировка. Было еще куча мелких обязанностей — летом протереть керосином козырек остекления кабины от намертво влипших туда мошек, святой обязанностью также была доставка кассеты со считанной информацией бортовых самописцев на объективный контроль, да и вообще, нам вменялось делать все, чего технику в голову взбредет.

Моему технику что-нибудь плохое в голову взбредало очень редко.

Интереснее всего была буксировка. Я должен был сидеть в кабине самолета и в случае отсоединения водила — здоровенной такой оглобли на колесиках, изо всех сил жать на рычаг тормоза, который был похож на велосипедный и находился на рукоятке управления самолетом. И ни в коем случае больше ничего не трогать (ага, как же!).

Как-то раз, когда полеты были назначены на первую смену, то есть с раннего утра, случился невиданный туманище. Полеты вроде хотели даже отбить, но на метео сказали, что через час туман рассеется и было решено вытаскивать технику на ЦЗ. Наш борт буксировали крайним, я забрался в кабину и тут техник приказал мне включить аккумулятор и БАНО (бортовые навигационные огни) в режим попеременного мигания. Я возликовал, включение аккумулятора означало, что почти вся ботовая сеть самолета находится под напряжением. И я начал с

энтузиазмом изучать назначение всяческих многочисленных кнопочек и тумблеров, обойдя своим вниманием лишь зачекованные в нерабочем положении держки катапультирования. Занятие было приятным. Нажав на кнопку "контроль ламп" я добился того, что кабина стала похожа на новогоднюю елку — засветились все лампы, табло и подсвечиваемые кнопки. Далее мои шаловливые ручки прошлись по прибору тестирования различных систем и я выполнил полный цикл тестов. Поигравшись механизмом электротриммирования руля направления я таки добрался до кнопки выпуска тормозного парашюта на рукоятке управления двигателем. Сзади раздался глухой звук, я слегка испугался, но ничего страшного не случилось, и я успокоился, продолжая настойчиво овладевать матчастью. Тягач впереди внезапно остановился и заглох. Безуспешно попытавшись тронуться несколько раз, водила открыл капот «Урала» и стал что-то там ковырять. Но это не помогла. Едва тронувшись, тягач тут же глох. Техник мой тоже вышел из кабины тягача размять ноги. Они уже вдвоем попытались выяснить неисправность, но у них опять ничего не получилось. Я, ничего не подозревая, сидел у себя в кабине. Техник по привычке стал обходить самолет, и застыл с раскрытым ртом — позади самолета зеленой колбасиной вытянулся в струну за что-то зацепившись на земле тормозной парашют. Заправленный самолет весил 18 тонн, усилие разрыва фала ТП было велико, естественно тягач глох. Если убрать из последовавшей за этим речи техника все идеоматические выражения, то можно сказать, что он промолчал. Я узнал о себе и своих ближайших родственниках немало нового и интересного. Пообещав совершить со мной половой акт в извращенной форме, Козенко с позором высадил меня из кабины, заставил водителя сдать назад, отцепил парашют и, вручив мне эту гору авизента-66, послал пешком на ПТС, где эти парашюты укладывали, это было довольно далеко и катило за наказание. Пришлось идти. Но техник мой был человеком добрым и отходчивым, поэтому не сдал меня начальству, а через неделю и вовсе забыл об этом инциденте и снова доверил буксировку.

С тормозным парашютом мне не повезло еще раз, уже значительно позже.

Шли полеты, вторая смена. Меня утром сняли с наряда, отправили на полеты — людей не хватало. Вечереет, холодает. У меня по плану 4 вылета, после чего я должен чехлиться и идти спать. А спать хочется зверски, на ходу засыпаешь. Заруливает борт после четвертого вылета, уже около 10 вечера, холод

зверский, техник меня пинками выгоняет из чехлов, где я закутавшись как медведь в берлоге, урываю поспать по 15–20 минут. Я в состоянии зомби заправляю перелац топливом и воздухом, ставлю ТП, ставлю заглушки на ВЗ, ВВЗ, сопла, ПВД, КОЛС, затаскиваю тяжеленный основной чехол на спину и начинаю его расправлять. Тут к нам радостно скачет летчик, размахивая ЗШ, которому разрешили слетать на нашем борту пятым вылетом. Это была совершенно безрадостная для меня перспектива, техник тоже не в восторге — со стоянки мы теперь уйдем после всех. Пока все будут буксироваться, нам еще придется ждать возвращения борта. Грустно.

А теперь о главном:

По технологии ТП (тормозной парашют) ставлю я, а техник обязан проверить. Ставить его несложно: открываешь лючок между двигателями снизу, вставляешь колбасину ТП в контейнер сзади, чеку в прорезь продеваешь, закрываешь резиновый колпак, фиксируешь его рычагом, выдергиваешь чеку — крак, пружина внутри контейнера распрямляется, затем лезешь в лючок руками, цепляешь серьгу фала ТП на замок и ключом на 12 закрываешь его, после чего надо подергать фал, убедившись, что серьга в замке, а не где-нибудь еще. Вот подергать-то я и забыл, а серьга соскочила, замок я закрыл пустым. Точно помню, что не подергал, а тогда просто забыл проверить. Расписался в ЖПСке, техник тоже подмахнул, нормально все. Миг 29-е у нас всегда при посадке использовали ТП, в отличии от «сушек» 27 и 25-х, которым это было без надобности, раз в месяц распускались для профилактики.

Ну, отлетал наш сокол свои 40 минут, заход, касание, кнопка выпуска ТП, но вместо привычного "т-р-р-р-р-р-р-р…." — тишина, и скорость не снижается, полураспущенный ТП валяется на полосе в районе дальнего старта, а самолет несется по полосе. Щитками на пробеге пользоваться нельзя — нижний цепляет бетонку. Короче, не доехал наш ераплан метров 20 до противоположного торца, остановился, летчик сидит в непонятках, зато я в понятках, весь сон из головы выдуло, адреналин сразу прыснул в кровь. Технарь подходит, вопрошает, кто парашют ставил, кто ж кроме меня, говорю, мог ставить, я конечно. И замок не проверил, каюсь, готов понести заслуженное наказание. Технарь к начальнику АТО убежал, возвращается и говорит мне: "Никому ничего не говори, парашют ставил я, тебя вообще рядом не было. Понял?" Понял, говорю. Тут борт заруливает, летун слегка бледный вылезает, требует ЖПС, пишет замечание — предпосылка к ЛП, кругом кипеш, командиры забегали, кучей возле пепелаца собрались, совещаются.

"А не нажал ли ты, любезный, кнопку сброса ТП перед тем как его выпустить?" — летуна спрашивают.

"Да вы что, ребята, сапсем озверели, мне такое говорить? У меня первый класс и все такое, я что, совсем на идиота похож?

Убеждали его, убеждали — ни в какую, требует расследования.

Ну, борт на стоянку, изъяли документацию, приехала специальная комиссия, весь борт облазили, что-то меряли, записывали, уехали. Борт через неделю до полетов допустили, а еще через неделю из жутко вумного НИИ пришла бумага с результатами расследования данного ПЛП. Оказывается, обнаружен якобы баг в электросхеме, из-за которого возможно самопроизвольное открытие замка ТП в случае, если его устанавливали при включенном аккумуляторе. Что якобы в данном случае и имело место быть. А поскольку доработка данной серии 9-12 нецелесообразна, ибо ресурс планера у них уже почти все скоро будет, то спустили сверху директиву — всем эксплуатантам данной серии ТП ставить только при выключенном аккумуляторе, что соответственно удлиняло время подготовки борта, всем гемор страшный, тогда даже какое-то соцсоревнование было на скорость подготовки, все результаты к чертям. Жуть!!!

Через месяц-другой на эту директиву потихоньку забили, тем более, что за рюмкой мой технарь намекнул товарищу на истинную причину такого явления, в общем спустили на тормозах.

Довелось мне испробовать на себе мощь авиационных двигателей. Как-то наша эскадра летала во вторую смену вместе с третьей, я, опять же сонный, топал себе тихонечко на объективный контроль с кассетой, да и не заметил СУ-24, которому не хватило отбойника, и который в это время как раз запустился и газовал на колодках. Вдруг стало тепло и тихо, меня оторвало от земли и я красиво полетел, прижав к груди кассету, затем плюхнулся на наст и проехал метров 20 на пятой точке. Хорошо что дело зимой было, а то бы сточил я себе все что можно.

Мне рассказывали поучительную историю про одного «молодого», который был впоследствии переведен на подсобное хозяйство, кормить свиней, для его же безопасности. Когда этот боец был на полетах, с ним случались всякие веселые и не очень истории.

То не до конца зафиксированный штуцер магистрали воздуха высокого давления отскакивал ему в лоб, то он забывал

после заправки стравить оставшийся в шланге воздух и опять получал по лбу, ходил он всегда в синяках, его даже бить не надо было, он все неприятности доставлял себе своими же руками.

Попав на ЦЗ зимой, этот тип заметил, что бойцы, которым обычно не хватало места в кабинах машин, греются интересным способом: снимают валенок, одевают его на выхлопную трубу автомобиля и минуты две держат, а потом горячий и воняющий солярой валенок одевают обратно на ногу. Иные расстегивали ширинку «ползунков» и запускали горячий воздух прямо в штаны. Особо ленивые просто прислонялись жопой к трубе работающего двигателя. Так и решил он поступить, когда замерз. Изо всех машин он почему-то выбрал АПА на базе «Урала», единственного в автопарке бензинового «Урала». У него была конструктивная особенность — выхлопная труба электрогенератора была соосно вварена в выхлопушку основного двигателя, а когда генератор запускали, то в вечернее время можно было наблюдать хвост фиолетового пламени из этой трубы, сантиметров 40 длиной. Вот к этой-то трубе боец и прислонил свою задницу. Генератор был запущен. Вид бегущего по ЦЗ бойца, из жопы которого клубами валил дым (тлели ватные «ползунки» качественно и дымили тоже нешуточно) не оставил равнодушным ни одного человека на стоянке, все просто попадали со смеху. А тут еще кто-то решил помочь парню и, схватив с водила углекислотный огнетушитель, затушил его. В результате наш герой получил и ожог, и обморожение.

Ну и заключительным аккордом во всей этой истории был случай с письмом, которое этот служака отправил своему другу, но умудрился неправильно указать то ли адрес, то ли индекс и письмо вернулось. Любопытные деды, пользуясь отсутствием адресата письмо распечатали (оставим это на их совести) и внимательно изучили сей манускрипт. Из письма значилось, что служба для этого бойца — сплошной рай. Он увлекательно описывал свои полеты на суперсекретном истребителе, рассказывал как гоняет всю казарму, метелит без разбору всех дедов, ходит по вечерам ловить рыбу на Москву-реку, а по вечерам к нему толпами приходят местные девушки. Деды были возмущены настолько, что после традиционной мануальной терапии заставили нашего героя пару часов сидеть с импровизированной удочкой из прутика, нитки и английской булавки над очком и "ловить рыбу", чтобы хотя бы что-то из его письма было правдой. Через определенное время он должен был орать на всю казарму "Клюет!!!" и изображать вытаскивание трофея рукой из очка. Внезапно пришедший в казарму старшина, услышав дикий крик из туалета, заинтересовался его

происхождением и застал бойца за этим странным занятием, устроил разборку, но, когда ему показали письмо, долго ржал, никого наказывать не стал и сплавил рыболова на подсобное хозяйство. Ну да хватит об этом парне — ему и так досталось.

В свободное время на полетах я всегда торчал в кабине своего или соседнего борта, расспрашивая технарей об устройстве того или иного агрегата, они охотно рассказывали, ток что через пару месяцев кабину 29-го я знал почти назубок, мог самостоятельно запустить двигатели, и, возможно, как мне тогда казалось, даже взлететь. С другими типами самолетов дело обстояло немного хуже. Техники из соседних эскадрилий неохотно пускали в «кабинет» и еще более неохотно давали пояснения.

Летом полеты превращались в приятнейшую процедуру. Было тепло, около «высотки» росла живая изгородь из черноплодной рябины и мы поглощали ее горстями, отчего руки, языки и губы становились черными. Можно было расстелить чехол и валяться на нем, глядя в небо и мечтая о далеком, но неотвратимом дембеле. Мы ходили в легких темно-синих технических куртках и штанах, и технических легких туфлях. На голову полагался берет, но его никто не одевал. Все остальные времена года кроме начала осени и конца весны приходилось испытывать всякие неудобства, в основном погодно-климатические.

Летчики наши всегда здоровались с технарями за руку, мы тоже не были исключением. Это было приятно. Несколько раз мы протаскивали на ЦЗ фотоаппарат «Смена» и делали паршивенькие снимки, хотя это строго запрещалось. Командир эскадрильи Александр Петрович Шишкин (отчество могу переврать за давностью лет) — интеллигентнейший человек, насколько это возможно для военного, смотрел на наши забавы сквозь пальцы, хорошо понимая цену здешних «секретов». Впрочем, когда снаряжалось дежурное звено или под самолет цепляли какую-нибудь спецштуковину, он честно предупреждал, что если увидит аппарат — пообрывает руки фотографу. Я даже как-то умудрился выпросить на пару минут у нашего комэски ЗШ-5 — это такой шлемофон защитный, и сделал несколько козырных снимков в кабине. Жаль, что пленку мы все же умудрились испортить слишком горячим проявителем. Большинство наших остальных летунов были исключительно мировыми ребятами, многие прошли Афганистан. Им было

совершенно не зазорно заскочить в казарму в свободную минутку и срубиться с бойцами в настольный теннис, например. Мы же, как приходится с сожалением признать с высоты прожитых лет, вовсе не ценили такое отношение к себе. Есть такая поговорка: "Куда солдата не целуй — у него везде задница." Увы, отчасти это было правдой. Мы были отнюдь не ангелами.

Хотя полеты были светлой стороной моей жизни, должна была быть и темная. И это были показы. Приезд очередной делегации на показ (демонстрацию) боевой техники оборачивался жутким гемором для всех, кто в нем участвовал и готовил. Честно скажу, что красить траву и пришивать листья к деревьям не доводилось, но вот белить снег — это было. Готовился какой-то жуткий мега-показ, должно было присутствовать высшее командование (какое именно — не уточнялось) и начался настоящий групповой мазохизм. Генералы с печатью хронического недосыпа на лице раздавали звиздюли полковникам, те в свою очередь майорам и подполковникам, далее страдали лица младшего офицерского состава, даже обычно клавшие на всех и вся прапора проявляли нечеловеческую активность в попытках заставить трудиться солдатиков. Российский солдат, как известно, чрезвычайно смекалист по части уклонения от какой бы то ни было работы, поэтому усилия начальства удваивались, утраивались, пока вожделенный результат не достигался хотя бы в первом приближении. Все это сопровождалось матом, криком и угрозами, вплоть до потери погон. Вот кому уж не была страшна потеря погон, так это нашим срочникам, которые не могли дождаться, когда же этот славный момент наступит.

Всю ночь на демонстрационной базе гудели тепловухи, пытаясь сдуть двухмесячной давности ледяные торосы, стучали ломы, скрежетали лопаты и поднимался пар от дыхания сотен людей, делавших пятилетку за два дня. Заборы облагораживались путем разбрызгивания на них слабенького цементного раствора — все это облупливалось за несколько дней, но именно эти несколько дней бетонный забор имел пристойный, однообразно серый вид. Работающие тепловухи покрывали обочины дорог и рулежек равномерным слоем копоти, и вот тут кому-то в голову пришло, что это может не понравиться гипотетическому начальству, посему бойцам было приказано обелить снег, путем его переворачивания деревянными снеговыми лопатами. Там, где не помогало и это, щедро разбрызгивалась известь. Площадка перед дембазой была частично заасфальтирована, а частично покрыта аэродромной плитой. Обычно чистили только плиты,

чтобы не попортить асфальт ломами, но тут родилась гениальная полководческая идея очистить все. Была подогнана тепловая машина, мы, разинув рты, столпились вокруг и началась чистка. Машина ревела, но толстый слой льда, накрепко сцепленный с асфальтом, не поддавался. Машина ревела еще сильнее — лед не сдавался. Машина тряслась изо всех сил, демонстрируя всесокрушающую мощь старенького авиационного двигателя, установленного на платформе позади кабины и случилось чудо — крупные куски льда как птицы полетели, отрываясь от земли. Была лишь одна неувязочка — лед сошел вместе с асфальтом. Весь остаток вечера мы грузили результаты труда зверского механизма на бортовые тягачи, которые вывозили все это добро на свалку. На следующий день я впервые в жизни увидел, как укладывают асфальт на приличном морозе. Глядя на иссупленно борющихся со стихией и собственной недальновидностью людей, я с гордостью осознавал, что армию эту победить просто невозможно, настолько могуч был ее порыв. Далее было все стандартно — спешно обновлялась разметка РД и ВПП, отмывался керосином заляпанный и исшарканный подметками пол ангара дембазы, вонь при том стояла нестерпимая, а от паров керосина кружилась голова. Кому-то в голову пришла мысль, что высокое начальство может удостоить своим посещением гарнизон и (не дай Бог!) казармы и солдатскую столовую. И борьба за абсолютную чистоту, параллельность, перпендикулярность и однообразие вспыхивала с новой силой.

В конце недели, ушедшей на приведение дембазы и городка в уставной вид все были совершенно измучены и обессилены. Меня поставили в оцепление вокруг дембазы, где я мерз несколько часов, пока, наконец, вереница автомобилей не отъехала от этого сооружения и не скрылась за воротами КПП. То самое высокое начальство то ли совсем не приехало, то ли не пожелало тратить времени на осмотр образцового порядка, наведенного где только возможно. Таких зимних авралов было несколько, и воспоминания о них до сих пор гоняют мурашки по моей спине. Летом все было несравненно проще, снега не было, трава росла сама, а там, где она расти не желала, мы аккуратно выкладывали грунт пластами дерна с травой, откуда-то привезенного на грузовиках. Впрочем, на новом месте трава как правило не приживалась даже с дерном и начинала уже через пару дней предательски желтеть.

Были на показах и курьезные случаи. Как-то группа военных из Индонезии возжелала воочию убедиться в несокрушимой мощи наших военно-воздушных сил. Для

демонстрации несокрушимости было решено использовать козырного туза — бомбардировщик СУ-24 третьей эскадрильи, способного привести в трепет самого храброго воина одним своим видом. Была осень, накрапывал мелкий дождик, делегация находилась на верхней смотровой площадке, спрятавшись под бетонным козырьком, по краю которого проходил водосточный желоб, наполнившийся за много лет всяческой дрянью — грязью, мохом и еще чем-то, почти до краев. В положенное время Сушка взлетела, но так как нижний край облачности был весьма низок, а видимость из-за дождика еще ухудшилась, гости ничего толком не разглядели кроме воинственного рыка двух мощных двигателей где-то вверху. Тогда руководитель показа уговорил руководителя полетов сделать проход над ВПП на приличной скорости и небольшой высоте, дабы окончательно убедить басурман. И, когда это случилось, прогнившие кронштейны желоба не выдержали тяжести и на индонезийских военных посыпалась вся эта гадость, а полуоторванный желоб, угрожающе раскачиваясь, повис над их головами. Это произвело неизгладимое впечатление на гостей, которые, несмотря ни на что, остались очень довольны. Сам я, к сожалению, этого не лицезрел, но рассказывали об этом случае много, так что здорово смахивает на правду.

Один раз, стоя в оцеплении показа уже летом, я находился метрах в сорока от вертолета МИ-26, здоровенной транспортной бандуры. Он тоже участвовал в программе показа. Когда эта штука запустилась, мне пришлось снять фуражку и отойти подальше, но вот когда экипаж увеличил шаг несущего винта перед взлетом, я спокойно, под углом почти 45 градусов лежал спиной на создаваемом винтом потоке воздуха, отраженного от земли. Лежать на груди было невозможно — мелкие камешки и песок так больно били по лицу, что терпеть было сложно. Когда же пилоты изобразили режим висения на высоте нескольких метров, мне пришлось ретироваться за металлический ангар — меня бы попросту унесло бы. Не знаю как на гостей показа, а на меня эта летающая мясорубка произвела должное впечатление.

Я еще много раз присутствовал на подобных мероприятиях, хоть и не в качестве гостя, но каждый раз было очень интересно — до этого я ничего подобного никогда не видел.

Я видел «колокол» в исполнении Анатолия Квочура. Видел самого Виктора Пугачева, который был от меня в десятке

метров. Уж не знаю, каким ветром его занесло на Кубинку, но, приземлившись, он подрулил к ЦЗ, припарковался, как дамочка у супермаркета, по диагонали перед строем наших самолетов и выскочил из своей «сушки» на подставленную стремянку в кроссовках, штанах от комбеза и белой футболке, блин, как из «Жигулей» вылез, только что дверкой не хлопнул. И пока подъехавшая тэзуха заправляла его самолет, непринужденно беседовал с тут же окружившими его людьми, здоровался, раздавал особо ретивым бойцам автографы прямо в военник, короче вел себя естественно и непринужденно. И минут через пятнадцать, помахав всем рукой, так же стремительно улетел, сделав после взлета прощальный вираж над аэродромом.

Однажды, когда я сиживал наблюдающим, на очередной показ прилетел «Руслан» — наблюдать его посадку было настоящим удовольствием. Здоровенная махина вынырнула из облаков столь неожиданно, а размеры ее столь велики, что я инстинктивно отшатнулся от ТЗК. С законцовок его крыла стекали, как мне показалось, целые потоки воды, образовывая два здоровенных шлейфа. Я потом имел возможность облазить это судно, и чем ближе я к нему подходил, тем больше поражали воображение его размеры. Грузовая кабина больше напоминала туннель метро, чем себя саму.

Видывал и ТУ-160, но, к сожалению, не застал момент его взлета, дабы лично лицезреть "лисий хвост".

Так что впору сказать спасибо тому военкому, который вписал мою фамилию в нужное место.

Служба

Однако, сказать, что мое времяпрепровождение на Кубинке состояло сплошь из показов и приятных знакомств было бы не совсем верным — это наиболее яркие впечатления, но не самые частые. Основную же часть занимала безвкусная серая жвачка, именуемая службой.

Меня стали ставить в наряд дежурным по эскадрилье, где я приводил в бешенство тех, у кого принимал дежурство своей дурацкой привычкой лично пересчитывать и сличать по номерам оружие в ружпарке — это было не принято, а процесс передачи затягивался на несколько часов. Но, поскольку к оружию у меня всегда была нездоровая тяга и большое уважение, им приходилось терпеть. Впоследствии, это два раза избавляло меня от неприятностей, когда я обнаруживал пропажу очередного штык-ножа в процессе приемки ружпарка от предшественника. На все остальные уставные условности клался большой болт — дежурный немилосердно дрых как всю ночь, так и свои положенные четыре часа утром. Иногда, когда спать не хотелось, я подменял дневальных и давал им выспаться, всю ночь сидя на стуле у тумбочки и пописывая письма на родину. Впрочем, такую вольность я мог себе позволить уже гораздо позже, ближе к завершению своей военной карьеры.

Как я раньше говорил, священной обязанностью молодых ефрейторов и сержантов был караул у знамени части. Знамена находились в глубокой боковой нише, в конце коридора первого этажа штаба полка, их было четыре штуки, они стояли в высоких стеклянных пирамидках по углам помоста, специально для той цели сооруженного. Часовой стоял на квадратной площадке в центре этого помоста. Площадка была сконструирована так, что как только часовой сходил с нее, в караульном помещении, находящемся за фанерной выгородкой в торце того же коридора, противно звенел звоночек. Тот же звоночек звенел, если часовой нажимал ногой на маленькую кнопочку, расположенную на площадке. Это было сделано на случай, если на часового будет совершено нападение или ему захочется отлить. Последнее происходило гораздо чаще, а вот случаев нападения никто не припоминал. Начкаром и заодно разводящим был кто-то из полковых прапоров. Прапор обычно сразу же заваливался спать на топчан, отвлекаясь лишь на прием пищи и туалет, а менялись мы сами, по крайней мере, пока в штабе не было народу или какой-нибудь проверки. И бодрствующая и отдыхающая смены

беспробудно дрыхли и разбудить их могла только атомная война или частые звонки, подаваемые обеспокоенным отсутствием смены часовым. Когда звонки не помогали, часовой сходил с поста и начинал дубасить ногами в дверь караулки. Обычно это помогало. Ночью стоять на посту было необязательно: если автомат с примкнутым штык-ножом аккуратно вставить штыком вниз в щель между площадкой и полом в определенном месте, то тяжести оружия было достаточно, чтобы концевик под площадкой оставался в разомкнутом положении. А часовой обычно садился на ступеньки и занимался чем душа желала: читал, пел, курил, разговаривал, принимал и передавал предметы, только что не отправлял естественные надобности. Не рекомендовалось спать сидя, могли прийти с проверкой. Но многие забивали на это, тем паче такая вероятность была невелика, а чтобы разбудить помощника дежурного по штабу, который на ночь запирал входную дверь на щеколду, требовалось поднять такой грохот, который будил и часового на знамени. И все же один раз я попался, но об этом расскажу позже.

Жратву караулу у знамени поставляли из летной столовой, это был плюс — ее можно было есть с удовольствием. В шкафчике с посудой мирно шуршали тараканы, это был фактически отдых для молодого зольдата. В конце службы мы дошли до того, что ночью крамольно пили пиво на ступеньках прямо напротив боевых знамен, заедая его вяленой рыбой. Что чувствовали при этом овеянные боевой славой знамена — не знаю, но, наверное, это было нехорошо.

Два раза в месяц наш полк заступал в гарнизонный караул. Случалось это преимущественно в выходные. Мы подменяли роту охраны, которая в выходные отдыхала (ну, отдыхал там только тот, кому было "положено"). Меня, как сержанта, тут же назначили в разводящие. Если между выходами на пост у караульного еще была возможность поспать, то у разводящего — это уж дудки. Расстояния были такими, что когда мы возвращались со смены, через 15 минут нужно было будить следующую смену. На разводящих также лежала обязанность контроля доставки жратвы из столовой и ее честный дележ. Всего разводящих было три, один контролировал завтрак, другой обед, а третий — ужин. Смена выглядела следующим образом — ГАЗ-66 подъезжал к территории поста, часовой выпрыгивал из кузова и шел искать предыдущего часового, который обычно где-нибудь спал. Если находил, они менялись, сменившийся запрыгивал в кузов «шишиги» и мы ехали дальше. Если же часовой спал так крепко, что не слышал подхода машины, мы,

исключая водилу, высыпались из кузова и цепью шли по объекту, громко ругаясь и находили часового. Если у него удавалось во сне изъять оружие, следовали "профилактические мероприятия" — избиение его «черпаками» за нечуткий сон на посту.

Как-то раз, когда наш полк очередной раз заступил в караул, а было это в начале весны, я в состав караульной команды не попал. В ночь в субботы на воскресение меня грубо растолкали и минут через пять я сообразил, чего от меня требовалось — ползти в оружейку и получить оружие и боеприпасы. Судя по нешуточному переполоху, случилось что-то серьезное. По дороге, в кузове «Урала» нам объяснили, что случилось нападение на пост и нас подняли на усиление постов. Приехав на место, я узнал, что случилось. Молодой зольдатик, стоящий на складе ОПС, открыл ураганный огонь из своего АКМ по якобы выскочившей невесть откуда группе людей. Разумеется, он ни в кого не попал, да я, честно говоря, сильно сомневаюсь, что вышеуказанные люди там вообще были. Не нашли ни трупов, ни раненных, ни свежих следов. Что же касается здоровенных дыр в заборе и проволочном ограждении — они там были всегда. Скорее всего, «духу» с перепугу померещилось что-то. И я как раз попал на усиление именно на этот пост. Я стоял в паре с Серегой Ильиным — хитрым хулиганом из Джамбула, который, по его собственным словам, не прочитал ни одной книги, кроме Уголовного Кодекса. Мы шатались по территории поста, считая дырки, проделанные пулями в разнообразных ящиках, сваленных в штабеля и накрытые маскировочными сетями из под которых и выбежала, по словам «духа» толпа численностью не менее взвода. Я насчитал несколько пробоин в ящике, в котором, судя о надписям, покоился запасной радиолокационный прицел к самолету МиГ-23. Боюсь, дорогую штуковину пришлось или ремонтировать или списать.

Боец на патроны не поскупился и высадил веером от пуза весь рожок, а второй с перепугу просто не смог вставить дрожащими руками.

Серега, крепкий задним и иным умом заметил шляющегося по территории складов кошака и предложил мне поупражняться в стрельбе. Суть его плана состояла в том, что можно безбоязненно поднять хай, попалить из автомата, а в крайнем случае предъявить кошачий труп и сослаться на страшный испуг и неожиданность. По Серегиной задумке, в лучшем случае нас должны были поощрить за бдительность. Я резонно возразил, что по моему мнению ничего, кроме звиздюлей, мы не получим — все и так на взводе. Да и несчастное

животное было жаль. Затем я сменился, а под утро Серега, который уже стоял в паре с другим усиляющим, все же устроил на посту жуткую пальбу, наверное, ему удалось договориться с напарником. Когда рассвело, всю команду усиления отпустили обратно в казарму и даже дали выспаться участникам событий.

На следующий день комполка Бычков застроил всю срочную службу на плацу и с хмурым лицом приказал всем "козырных стрелков" выйти из строя на три шага. Но, к всеобщему изумлению, вместо того, чтобы показательно поиметь виновников переполоха за бестолковую пальбу и нанесенный материальный ущерб, всем троим стрелкам была объявлена благодарность за бдительность и отличное несение караульной службы, а также десятисуточный отпуск на родину, не считая дороги. Ильин был прав, я как всегда стормозил. Полк подавленно молчал, глядя на радостные лица отличившихся.

Через две недели, когда пришла пора заступать в очередной караул, среди срочников была замечена невиданная активность и сознательность — в караул хотели все, включая «дедов», чего раньше не наблюдалось никогда. Само собой, как только над постами сгустилась тьма, сразу же раздался первый выстрел на одном посту, и понеслась! Палили почти все. Очереди вспарывали ночную тьму, звучали одиночные выстрелы там и тут, судя по звукам, шел ночной бой с количеством участников не менее батальона. Караульная шишига не успевала метаться от поста к посту, спасая подвергнувшихся неожиданному нападению часовых. Ночью в караулку приехал заспанный и злой комполка, застроил всех отдыхающих и бодрствующих перед караульным помещением и заявил, что если он услышит хоть еще один выстрел и ему не предъявят труп супостата, то он лично набьет стрелявшему морду и определит за каждый спаленный патрон на сутки на гарнизонную гауптвахту. О чем велел передать всем, кто должен был вернуться с постов. Даже усиление поднимать не стали. Сколько в эту ночь было израсходовано боеприпасов — одному Богу известно. Построение полка на следующий день после этого караула было менее веселым, отпуска никому не дали, благодарности тоже не вынесли. После этого бестолковая пальба по ночам прекратилась.

В это же время был учрежден еще один наряд, который не предусматривался ни одним уставом. Назывался он "сторожевой пост". Дело в том, что какие-то лихие люди стали по ночам «бомбить» гарнизонные магазины. Посему каждую ночь по установленному маршруту шлялись два бойца, вооруженных штык-ножами и вроде как караулили магазины. Раз в час они

обязаны были отмечаться в комендатуре у дежурного помощника коменданта, а остальное время фактически были предоставлены самим себе. Можно было сходить в поселок Герцено, на стадион, где тусовались гарнизонные бляди, вообще, куда угодно. Я не раз был в этом замечательном наряде. У нас в эскадре был еще один грузин — Гия Цамалаидзе, который довольно хорошо ко мне относился и часто, назначая себя в сторожевой пост, брал в напарники меня — кому-то же надо было ходить по маршруту и отмечаться в комендатуре, пока Гия в это время шлялся бог весть где. Он говорил по русским с сильным акцентом и все время заявлял: "Йа нэ дьедушька — йа дьядья Гия!!!". Смешно было смотреть, как он пытался свести знакомство с какими-то девчонками, заговаривая с ними о прекрасной погоде, чем вызывал у них приступ истерического смеха.

Правда, через год этот наряд был упразднен, когда за кражей из магазина были застигнуты врасплох не кто иные, как сами «сторожа». К счастью, они были не из нашей части.

Очень популярны были всяческого рода «разгрузки». Один раз, разгружая вагоны с дынями, прибывшими для военторга, мы так обожрались их, что меня еще неделю подташнивало при виде дынь. Разгружали сок в здоровенных трехлитровых банках, по четыре банки в картонной коробке, перебив при этом уйму банок, а после такой разгрузки все помещение сушилки в казарме было заставлено банками с соком и уже пустыми, я лично упер две банки. Один раз случилась совсем уж экзотическая разгрузка — прилетел ИЛ-76, битком набитый персиками, некоторые ящики уже начинали течь, необходимо было срочно пускать их в продажу, чтобы не пропало все. Всю ночь мы разгружали злополучный самолет, обжираясь при этом персиками, а когда не могли есть, играли перезрелыми персиками в снежки, не обращая внимания на визги кладовщицы.

Приходилось участвовать и в других ночных забавах — наш президент Горбачев в то время достиг своего апогея целования взасос с друзьями-американцами, и на Кубинке должна была проходить выставка для комиссии наблюдателей за сокращением вооружений. Несколько дней транспортники со всей страны, жить которой стараниями этого меченного лысого хрена оставалось уже совсем недолго, свозили порезанные на части ракеты, фюзеляжи истребителей, куски вертолетов и прочий металлолом. Пару раз нас гоняли на дембазу, помогать разгружать все это добро. В 76-м иле были электроприспособления для разгрузки шрота на бетон, а дальше

мы тащили все это на руках, облепив здоровенную железяку как муравьи. В одну такую ночь я едва не улетел в Мурманск. Мы решили сачкануть от этой трудотерапии и по открытой аппарели забрались в один из илов, где и засели, скрываясь от посторонних глаз. Я откинул три седушки, что шли вдоль бортов, положил на них свернутый чехол, накрылся другим чехлом, да так и заснул. Когда борттехник перед запуском повыгонял всех на бетон, меня он не заметил. Лишь чудом, уже на предварительном старте, он еще раз спустился осмотреть грузовой салон и заметил торчащий из-под чехла сапог. Я был с позором и матюками выгнан на бетон и долго шел от предварительного старта до дембазы пешком. Веселые они люди — эти транспортники.

Подходила к концу так называемая «стодневка» — период между датами когда до приказа министра обороны остается сто дней и выходом самого приказа. Некоторые мои сослуживцы по вечерам читали дедушкам дембельскую сказочку, стоя на тумбочке. Я своих заслуженных пиздюлей за отказ читать этот бред уже получил, да и репутация человека слегка не дружащего с головой в момент ярости за мной все еще ходила по пятам, я был избавлен от этой идиотской обязанности. Кстати, Дядя Гия сыграл в этом не последнюю роль, за что ему спасибо. В своем отказе читать эту херню я был не одинок, некоторые ребята тоже имели покровителей или хорошие физические данные — с ними тоже предпочитали не связываться без серьезных на то оснований. Тем более, что «чтецов» было предостаточно.

В один прекрасный весенний день прошел слух о выходе приказа, что подтвердила принесенная кем-то газета и началось всеобщее ликование, хотя первая партия дембелей отправлялась только в конце мая, а уж мне-то о дембеле думать было совсем рано. Но все равно, настроение было приподнятым. В каптерках стоял свист ремней — дедушки «переводили» в «черпаки» вчерашних «молодых», а «духов» производили в «молодые». Я решил для себя, что получить по жопе несколько раз бляхой от ремня не стоит сомнительного удовольствия почувствовать себя «переведенным» и от экзекуции отказался. Дядя Гия и тут не подвел, он под каким-то благовидным предлогом заманил меня в каптерку, где он залез на табуретку, роясь в верхних стеллажах и попросил подать ему что-то с полу. Ничего не подозревая, я отвернулся и тут кожаный ремень (слава Богу, не бляхой) чувствительно щелкнул по моей заднице. Я подскочил, развернулся и увидел коварного Гию, сияющего от удовольствия и протягивающего мне свой изрядно потертый кожаный ремень в обмен на мою «деревяшку». Так я стал "черпаком".

Ночью еще вчерашние «черпаки» устроили какой-то адский ритуал перевода себя в «деды», их через три подушким «дубасили» по заднице ниточкой, а под койкой лежал «молодой» и должен был громко орать, изображая крики от боли. Затем все новоиспеченные «деды» и «дембеля» жутко перепились и начали «ровнять» молодую поросль. Ведьмин шабаш нервно покурил бы в сторонке перед этим жутким ночным светопредставлением, которое прекратил своим появлением прибежавший на крики и грохот табуреток дежурный по полку. После чего все уснули.

В начале мая нас опять перевели в нашу родную, отремонтированную казарму. Осмотрев качество ремонта, я сильно удивился, на кой черт ее вообще нужно было ремонтировать? Кроме адского холода и жуткого запаха краски ничего особо не изменилось. Все сладкие песни о комнате психологической разгрузки, видеомагнитофонах и телевизорах так и остались песней, как этого и следовало ожидать. Спать по ночам приходилось под двумя одеялами, отопление выключили, а в апреле было довольно прохладно. В «отремонтированной» казарме дуло во все щели, все было заляпано побелкой, краской, короче, еще месяц пришлось потратить на приведение всего этого в порядок.

Появилось первое молодое пополнение. Меня и моего одногодку Климова из Архангельска назначили в команду обеспечения обстрела молодых. Климыч раздавал патроны, набивая их по 8 штук в рожки, а я с важным видом метил пробоины в мишенях и записывал в тетрадь результаты. С нами приехала еще толпа полковых прапоров и офицеров, человек 10–15. После того, как молодые отстрелялись, нам с Климычем выдали по рожку патронов и мы забавно постреляли по баночкам и бутылочкам. Господа офицеры раздали себе по два рожка и расстреляли экскаватор, стоящий на гарнизонной свалке рядом со стрельбищем, предварительно заслав туда на разведку бойца, чтобы убедиться, что там нет людей. Пули пробили стекла, кабину и трубки гидросистемы, после чего экскаватор как живой опустил ковш до самой земли, умирая. На следующий день гражданские, разравнивавшие этим агрегатом свалку, устроили жуткий скандал, но правды так и не доискались — военные умели хранить обет молчания.

К тому времени в эскадре, да и в полку у меня появились друзья. Оба были москвичи, Вовка и Стас. Оба уже были женаты,

и с учетом этого обстоятельства переведены служить поближе к дому. Распространенный миф о том, как в войсках не любят москвичей и повсеместно их чмырят, мягко говоря, слегка преувеличен. Все зависит от характера и физических возможностей человека. Стас был существом мирным, избегал драк и до самого конца пытался урегулировать любую проблему мирным путем, за что неоднократно страдал. Вовка же напротив, при малейших признаков проявления неуважения к своей персоне сразу бил в бубен. Примечательно, что знакомство мое с Вовкой началось, как водится, с драки. Что-то мы там не то друг другу сказали, слово за слово — и понеслась. У меня не было шансов — Вовка имел какой-то там разряд по боксу и в драке разбирался гораздо лучше меня. Пропустив первую торпеду я, очертя голову, кинулся в контратаку, всю мощь вложив в удар возмездия, который пришелся точно в голову бедному Стасу, имевшему неосторожность полезть нас разнимать. К счастью, я не был Майклом Тайсоном, и Стас остался жив. Ввиду такого обстоятельства драка была прекращена, и мы занялись реанимацией Стаса. В тот же вечер я заступил в караул у знамени, а по возвращении Вован зазвал меня в курилку, где сообщил, что был не совсем прав в тот раз и предложил закорешиться. Воистину, хорошая дружба начинается с драки.

Были и другие ребята, с которыми у меня были нормальные отношения. Но наш стратегический блок с Вовкой и Стасом продержался вплоть до увольнения из славных рядов ВС. Я периодически наезжал к ним, когда бывал в Москве, но на данный момент телефоны и адреса их изменились, было бы здорово снова сконтачиться, возможно, прочитав эту писанину, они и откликнутся. Во всяком случае, хочется на это надеяться.

Вовке и Стасу пришла в голову замечательная идея — я ни разу не слышал ни о чем подобном. Они предлагали мне стать пайщиком-концессионером своей затеи со сьемом жилой комнаты у какой-нибудь бабульки — божьего одуванчика в частном секторе, в жилой зоне гарнизона. Вован к тому моменту был водилой у полкового начальника инженерной службы и мог свободно появляться где хотел. И такая бабулька была им найдена. У нее был деревянный одноэтажный дом, в котором она предложила нам комнату с условием, что мы пообещаем не водить туда блядей, не жрать водку и не барагозить. Мы заверили ее, что все будет в порядке, так оно и было, ну, разве что за исключением небольших доз алкоголя, которые мы себе иногда позволяли в нашем жилище. Комнатенка была маленькая, там

имелся диван, трюмо с зеркалом и тумбочка. Здесь можно было хранить личные вещи, которые нельзя было держать в казарме, гражданскую одежку, жратву, деньги — все что угодно. Бабулька была от нас в восторге, особенно после того, как раздухарившийся Вован по доброте душевной порубал все колоды, в изобилии водившиеся на бабкином дворе на аккуратные дровишки и сложил их в поленницу. Иногда мы таскали доброй бабушке воду, помогали по хозяйству, если было свободное время. Платили мы за все это удовольствие тридцать или сорок рублей в месяц. На троих выходило терпимо, да и бабке какое-никакое подспорье. Туда можно было прийти после наряда отоспаться, чтобы не попасть под припашку в казарме, можно было свалить в самоход, предварительно переодевшись, много чего полезного сделала для нас идея Вовки и Стаса.

Единственным неудобством было то, что в доме в изобилии водились крысы — здоровенные пасюки, которые не боялись ни Бога ни самого черта. В нашем присутствии они вылезать стеснялись, лишь топотали как слоны под настилом пола, в полостях стен и над головой, а в наше отсутствие уничтожали любую жратву, не запертую в тумбочке. Один раз я с удивлением обнаружил прогрызенную насквозь и выпотрошенную жестяную банку тушенки, которую я забыл убрать в тумбочку. В другой раз эти твари сожрали тюбик зубной пасты вместе с фольгой. Наш проект держался в строжайшей тайне, хотя многие со временем и догадывались о нашей тайне, принятые меры конспирации позволили не засветить «хату» до самого дембеля. Кстати, я подобрал тогда достойную смену из младшего призыва, представил ребят бабульке и надеюсь, что наша точка хорошо им послужила.

Лето практически вступило в свои права. Было тепло, летом служба не казалась такой занудной и однообразной, работать на бетонке было почти удовольствием, поэтому я старался как можно чаще бывать на полетах. Соответственно и насмотрелся всякого. Это лето было богато на всевозможные авиационные происшествия. Счет открыл СУ-17 третьей эскадрильи, которого при посадке сложились почему-то не вставшие на замки основные стойки шасси. Поднимая снопы искр, самолет протер о бетон свой подвесной топливный бак, но не загорелся. Подлетевшие пожарные машины тут же залили его пеной, летчик отделался легким испугом. Далее эстафету подхватил АН-12 Тушинской транспортной эскадры — эти ребята сели с горящим четвертым двигателем, зрелище весьма впечатляющее — остановившийся зафлюгированный винт и

шлейф черного дыма, волочащийся за самолетом, прямо как в кино про войну. Следующей отличилась наша славная вторая эскадра — наш МиГ-29 произвел касание на заторможенные основные стойки шасси. Основные пневматики тут же лопнули и самолет сточил магниевые диски примерно на треть, пока не остановился. Опять-таки, обошлось без жертв и разрушений. Первая эскадрилья тоже не осталась в стороне — экипаж су-27 «спарки» произвел героическую посадку на одном двигателе — на втором сработал пожарный датчик.

Однако одно происшествие, точнее, катастрофа, которое случилось, если мне не изменяет память, 4 июня, заслуживает отдельного описания. Я как раз стоял дежурным по эскадре, и храпел свои законные 4 часа утром (ночью я, правда, тоже немилосердно дрых) когда меня разбудил помощник дежурного по полку и сообщил, что забирает у меня всех дневальных, как и весь свободный народ в казарме. Мне же придется самому стоять (точнее сидеть) на тумбочке ввиду исключительности обстоятельств. Когда я спросил его, что случилось, он поведал мне о том, что полчаса назад самолет третьей эскадрильи упал в лес за поселком Герцено. Пилот погиб.

Из каптерки вылез заспанный Гия, которого тут же загребли для той же надобности — разбирать обломки. Я никогда еще не был на «яме», черт меня дернул предложить Гие мое место на тумбочке в обмен на то, что я поеду вместо него. Гия с радостью согласился и я вместе с остальными получил ОЗК (общевойсковой защитный комплект) и нас погрузили в кузов «Урала», который довез нас до места катастрофы.

Картина представилась глазам мрачная: на опушке леса на вершине дерева висел тормозной парашют, далее начиналась свежая просека, которая постепенно углублялась — в начале были срезаны только верхушки деревьев, в конце просеки деревья были изломаны и выворочены с корнем. Пахло гарью, керосином, в некоторых местах еще что-то дымилось. Поляна в конце просеки была усыпана искореженными до неузнаваемости обломками, в которых трудно было опознать части того, что еще недавно было штурмовиком СУ-25. Более менее сохранилась бронированная кабина, которая валялась отдельно, в некоторых приборах даже стекла остались целы, двигатели, находящиеся в бронированных гондолах тоже можно было опознать, более менее уцелели стойки шасси с пневматиками. Все остальное идентификации не поддавалось — это был разбросанный по всей поляне искореженный алюминиевый хлам, перемешанный с расщепленным деревом и свежевзрытой землей. Пушка ГШ-302

была завернута в бараний рог, я даже не поверил сперва своим глазам. По всему лесу был разбросан ее боекомплект, то и дело приходилось отлавливать очередного пацаненка, пытающегося утащить 30-миллиметровый патрон в качестве сувенира. Самолет упал на лес в перевернутом положении, вниз кабиной. Катапульта сработала то ли от удара, то ли пилот в последний момент успел рвануть держки. Думаю, он сознавал, что катапультирование в перевернутом положении с такой высоты — верная смерть. Но если бы он остался в кабине, его бы буквально размазало — возможно, в последний момент он подумал о людях, которым придется собирать его тело по частям, и значительно облегчил им работу. Тело было относительно целым, только без одной ноги. Ногу нашли неподалеку. Слава Богу, это случилось еще до моего приезда. Это был майор Кириллов, говорят, хороший мужик, хотя лично с ним мне общаться не довелось. На земле у него осталась жена и двое детей. Ему не хватило нескольких метров, чтобы при выполнении фигуры высшего пилотажа избежать столкновения с деревьями. Поговаривали о невыставленном на давление аэродрома барометрическом высотомере, но на самом деле я так и не узнал, что там накопала впоследствии комиссия.

Нас построили в цепь и мы двинулись вперед, прочесывая лес, квадрат за квадратом. Задачей был поиск боеприпасов, НАЗа, и фрагментов тела. Не пройдя и десяти метров я наткнулся на здоровенный шмат мяса с куском кожи, по которому уже ползали муравьи. Меня едва не вывернуло наизнанку от этого зрелища. Я сообщил о своей находке и ее забрали, упаковав в нумерованный полиэтиленовый пакет. Еще я нашел с дюжины две патронов к пушке, растресканный защитный шлем и контейнер от НАЗа, носимого аварийного запаса, уже кем-то выпотрошенный. Видимо, кто-то успел побывать на месте катастрофы раньше приезда поисково-спасательной группы. Да и сейчас вокруг места крушения как шакалы бродили какие-то старые пердуны в гражданском, с допотопным прибором радиационного контроля, все рвались замерить уровень радиации. Их уговаривали уйти, но они огрызались, и все старались прорваться через оцепление. Ушли они только тогда, когда один из них своей настойчивостью вывел из себя начальника оцепления и схлопотал наконец по роже. Неподалеку был пионерский лагерь, говорили, что пока он пустовал, видимо эти деятели были оттуда. Недавно прошел теплый летний дождик, вылезло солнце, в лесу щебетали птицы — это никак не вязалось с видом зрелища искореженной техники. Несколько часов мы бродили по лесу, собирая все, что могло представлять интерес для комиссии по расследованию, затем нас сменила другая группа. В этот день я просто не смог есть, и еще

неделю от вида мяса меня мутило.

Потом мне еще долго приносили всевозможные обгоревшие платы, на предмет определения их ценности или с предложением купить, я считался чуваком, «шарящим» в электронике (один раз «починил» наш телевизор, заменив сгоревшую лампу каскада строчной развертки, которую украл из точно такого же телевизора в комендатуре, когда был в патруле). Меня уверяли, что золота-серебра в этих микросхемах столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Я обычно рекомендовал им отнести это туда, где они это взяли.

Такая вот грустная история.

Однако, жизнь продолжалась. Мне все настойчивее хотелось побывать дома, но отпуск даже и не маячил на горизонте. Я же пока не совершил ничего героического, чтобы удостоиться этой чести. А хотелось очень. Вся моя голова была целиком занята этой мыслью. И однажды случай представился. Командиру нашей эскадрильи было присвоено очередное воинское звание — подполковник. Я узнал об этом в строевой части у знакомого писаря. Приказ по полку еще не был зачитан, но, думаю, Шишкин уже знал об этом. В моей голове созрел коварный план и я тут же попытался его осуществить. Заявившись в штаб эскадрильи, я испросил у комэски разрешения побеседовать с ним. Он не отказал. Тем более, здороваясь с ним, я назвал его "товарищ подполковник", хотя на погонах его пока что была одинокая майорская звезда. Прогиб был засчитан, шеф даже не смог скрыть легкую улыбку. Я в общих чертах изложил ему свою грустную историю, придуманную накануне, про девушку, которая перестала писать письма (наглая ложь, до армии никакой девушки у меня не было, о чем я ничуть не жалею), про долг, которые один мой знакомый, оставшийся на гражданке и не думает возвращать (это было отчасти правдой, правда сумму я немного завысил), про упадок душевных сил и жуткую депрессию, меня охватившую (ну, тут я душой не покривил, надо сказать). Шишкин выслушал мой бред, потом перебил и спросил: "Сколько ты уже прослужил? Год? То есть, в принципе, если за тобой не водится залетов, ты вполне имеешь право на заслуженный десятидневный отпуск. Давай, не грузи меня своими проблемами и езжай. Только не набедокурь там, если с девушкой и долгами не наврал. Скажи старшине, чтобы зашел сегодня ко мне." Я не поверил своим ушам, искренне поблагодарил нашего понятливого комэску и окрыленный унесся в казарму. Вечером следующего дня я уже трясся в можайской электричке, дующей в направлении Москвы, при полном параде, отказываясь поверить в

реальность происходящего. В кармане у меня был отпускной билет и требование на получение билета. В душе что-то пело, а встречный ветерок из окна трепал мои волосы. Я еду в отпуск!!! Кто был — тот поймет.

На Белорусском вокзале я успел схватить билет в воинской кассе на отходящий через несколько минут калининградский поезд, заскочил в последний, общий вагон и поезд тут же тронулся. Народу было много, но в Смоленске очень много народу вышло, в Кениг мы приехали в полупустом вагоне. Мы — это потому, что я познакомился с нашим калининградским парнишкой, который тоже ехал в отпуск, только с Сахалина. Мы весело провели время в поезде, дорога пролетела практически незаметно. Удивило только лишь то, что при проезде через Литву в вагон заявились какие-то странные, разнаряженные как клоуны люди военного вида, которые объявили себя "саттрутникаме литоффской покраничной слюшшпы и тамошни" и бегло просмотрели у нас документы. Впрочем, этим все и ограничилось. В Кениг поезд прибыл уже ночью, зверски пахло цветущими липами, я отвык от этого запаха — и в Кубинке и в Москве его постоянно заглушала керосиновая гарь и выхлоп дизелей. Телеграммы я не давал, ключей от дома у меня не было, поэтому, когда я вышел из такси, было немного стремно — а ну как мои куда-нибудь уехали? Но все оказалось в порядке — я свалился как снег на голову, учинив дома страшный переполох.

Десять дней отпуска пролетели незаметно — я шарахался по друзьям, пытался кадрить девок, которые почему-то не укладывались передо мной в штабеля, вызывая мое искреннее недоумение, короче, занимался всем тем, чем и следовало бы заниматься молодому зольдату, отпущенному домой. В последний день мы с корешами устроили такую пьянку, что голова у меня болела даже тогда, когда я вернулся в часть. С девками, к сожалению, ничего не вышло, должно быть я слегка утратил квалификацию коварного соблазнителя за год службы. Возможно, это даже было и к лучшему. Однако, отпуск быстро закончился, будто его и не было. Обратную дорогу описывать не буду, ибо чувствовал я себя как герой фильма "Вокзал для двоих", который ехал в тюрьму.

Прибыв в родную часть, я отметил, что отпуск имеет свои отрицательные стороны — здорово успеваешь отвыкнуть от всего этого дурдома, приходится заново адаптироваться.

Снова понеслись наряды, полеты, караулы и бесконечные припашки. Иногда житие разнообразилось драками и разборками,

а также нечастыми пьянками. За время отсутствия моего в отпуску в казарме появилось много нового народа — кто из карантина, кто из учебок.

Об одном парнишке хотелось бы рассказать поподробнее. Это был невысокий крепких хлопец, утверждавший, что он ни кто иной, как самый настоящий донской казак. Звали его Женя Танага. Перевели его к нам из Калинина (ныне Тверь) из роты охраны. Он был на полгода младше меня призывом и сразу стал головной болью для наших «дедушек» — побои он переносил стойко, при возможности старался дать сдачи и абсолютно не признавал "политики партии". Позже я узнал, откуда у него такой богатый опыт жизни в коллективе, но об этом позже. Могу лишь сказать, что как-то раз в наряде по кухне мы с ним вроде как подрались, и я зарядил ему кулаком прямо в лоб. К моему удивлению, он не потерпел никакого ущерба (лоб был хорош) а я неделю ходил с распухшей и посиневшей кистью. Впрочем, как известно, добрая драка часто является началом хорошей дружбы. Мы были если не друзьями, то как минимум в приятельских отношениях. О себе Женька рассказывал мало и неохотно. Его приписали к СБВ — склад бомбового вооружения, там он и трудился.

Где-то в конце лета — начале осени он через голову нашего комэски и его непосредственного начальника обратился к командиру полка — уже полковнику Бычкову (я ему и присоветовал использовать момент, когда комполка находился в хорошем расположении духа по поводу очередной звездочки) и со слезами в глазах рассказал страшную историю о том, что его брат, который служит в Москве, попал в автокатастрофу и лежит в Бурденко практически присмерти. И умолял Бычкова выдать ему увольнительную хотя бы на три дня, чтобы навестить брата, может быть, в последний раз. Сердце полковника размякло и он собственноручно подписал ему отпускной на трое суток. Разумеется, на вопрос, где он собирается жить в Москве, Женька бодро отбарабанил адрес своей тетки, якобы живущей в Москве. Третья улица Строителей, дом 6, квартира 12 или что-то в этом роде. И уехал. Через трое суток он в часть не явился. Решили выждать еще пару дней, мало ли что случилось — все-таки у парня горе. Когда же его отсутствие перевалило за неделю, все зашевелились. Начальник СБВ поехал в Москву, где выяснил, что адреса, указанного Женькой, в природе не существует. Он не поленился заехать в госпиталь имени Бурденко и выяснил там, за последний месяц военнослужащие, пострадавшие в автоавариях туда не попадали. Отправили запрос в Калинин, по старому месту службы и пришедший ответ просто убил всех наповал. В депеше

сообщалось, что рядовой Танага на прежнем месте службы три(!) раза убегал из части, и колесил по всему Союзу, в конце концов всегда приезжая в родную станицы с мудреным названием, где у него действительно жила тетка. Детство у Женьки было трудное, отца он практически не помнил, мать пила а ему, как старшему, приходилось заботиться о младших брате и сестренке. Заработать деньги он мог только воровством, чем и занимался. В конце концов его поймали, определили в спецшколу для малолетних преступников, где он хорошо усвоил основные законы жизни — там было очень несладко. Но даже оттуда он пробовал сбежать. Его подопечных отдали под опеку тетке, а мать, вроде бы, лишили родительских прав — точно уже не помню. Сразу по окончании спецшколы его сбагрили в армию, от греха подальше, где началось самое веселое. Гипертрофированное желание свободы материализовалось в три побега. Все три раза его ловили, но один раз он умудрился сбежать от своих конвоиров прямо в аэропорту, откуда его хотели отправить попутным бортом министерства обороны. Пару недель его ловили в местных плавнях в кооперации с тамошней милицией, пока он не оголодал и не отважился ночью заявиться к тетке, где его и спеленали совместными усилиями. Каким образом ему удалось избежать дисбата — загадка для меня до сих пор. После крайнего побега его, предварительно снабдив хорошей характеристикой и скромно умолчав о причинах перевода, сбагрили к нам.

Начальник СБВ вместе со своим помощником получили в военной прокуратуре ордер на арест Жени, вороненые наручники и отправились в ту самую далекую станицу. Предварительно войдя в контакт с местными ментами, они окружили хату и вощли вовнутрь. За столом сидел Женька и дул горилку с салом. Завидев начальников, он не растерялся, и, высадив задницей окно, был таков. Однако местные менты, наученные горьким опытом, стратежно перекрыли все возможные пути отхода и поймали беглеца прямо в огороде.

Заковав его в наручники и усадив в поезд, герои с победой отбыли в город-герой Москву.

Вагон был плацкартный, ехать было долго, поэтому начальник приковал беглеца наручниками к откидному столику, а своего помощника услал в вагон-ресторан за огненной водой. Последняя была найдена и доставлена, а также распита в соответствии со всеми русскими традициями. После чего оба погрузились в сон, уронив головы на столик, к которому был прикован Женька. Оба проснулись от сильного неудобства, причиненного наручниками, одна половинка которого находилась защелкнутой на руке капитана, вторая на руке его

помощника, а цепка была пропущена между стенкой вагона и стойкой складного столика. Женьки не было. Конвоирам повезло, за пару часов пути поезд не сделал ни одной остановки. Кое как найдя ключи, подняв в вагоне страшный переполох, военные бросились на розыски, прочесывая весь поезд, где в одном вагоне в туалете и был обнаружен беглец, пытающийся выбраться через окно туалета и на ходу спрыгнуть с поезда. На сей раз его повязали окончательно и бесповоротно.

Когда его привезли, все были уверены, что три расстрела — это самое легкое наказания за такой дерзкий поступок. Однако, помариновав его две недели на губе, к нашему удивлению Женьку снова вернули в полк. Уж не знаю, о чем с ним там говорили, но больше бежать он никуда не пытался.

Кстати о губе: за два года службы я в общей сложности получил 54 суток ареста, из которых не отсидел ни одних. Мне просто фантастически везло, всякий раз, когда меня в очередной раз пытались упрятать на губу, обязательно что-нибудь случалось. То наша губа была на ремонте, а везти меня в Малые Вяземы (жуткое место, судя по рассказам там побывавших) не получалось — не было бензина для машины. То падал очередной самолет, и про меня просто забывали в запарке. В итоге на губе я так и не посидел, о чем я, кстати, вовсе не жалею.

Придя в себя после отпуска, я решил, что пора искать теплое место для приятного проведения остатка службы. Мои попытки попасть на ЗКП (запасной командный пункт) потерпели провал, на тренажер отправили от греха подальше служить бойца, которого заподозрили в стукачестве (надо сказать, что главный обвинитель — мерзкий жирный армянин по фамилии Аганджанян, как я узнал позже, сам был отменным стукачом… пардон, осведомителем), и в казарме ему жизни не было бы. В сауну при спортивной роте неизвестно за какие заслуги отправили тихого скромного хохла — Мишку Бабича, где он и жил, изредка заходя в казарму за почтой. Каптерщиком назначили Климова, писарем — Игоря Филинова, а вот я так и не нашел себе спокойного места. Поразмыслив, я решил, что мне остается одно — стать вечным ДСП. ДСП — это вовсе не пиломатериал, как вы подумали, а дежурный по стоянке самолетов подразделения. Ходишь себе по стоянке в техничке с ружжом и типа охраняешь. Стоянка наша находилась на опушке леса, километрах в четырех от казармы, сразу за пятым КПП и вообще, за территорией нашего гарнизона. Летом ДСП просто отдыхал. Зимой было сложнее. Около шлагбаума,

перегораживающего въезд на территорию стоянки стояла остекленная будка, снабженная скамейкой, столиком и двумя электрокалориферами. Поскольку потребителей было много, а кабельная сеть хилая, в холодную погоду калориферы были еле теплыми. Согласно уставу, наряд в ДСП должен был сменяться каждые сутки. На практике было несколько иначе — назначались пара человек вечных ДСП, которые сами разбирались между собой, кому когда дежурить. Подымался ДСП в 5 утра, шел в столовую завтракать (для ДСП и причих ранних пташек был специальный распорядок работы столовой), брал сухпай (булку черного и батон белого хлеба и масло, как правило, остальное в пищу годилось мало), получал оружие и плелся в караулку вместе с другими дежурными по стоянкам под командованием ДСЧ — офицера, отвечающего уже за стоянки самолетов всей части. Там караульная машина развозила нас по постам, где примерно в 8 утра мы меняли часовых роты охраны и принимали стоянку. По уму, конечно, систему охраны стоянок, если их действительно хотели бы охранять, нужно было организовывать иначе. Что может сделать один боец, пытаясь охранять стоянку общей длиной больше километра, при том что этот километр не просматривается — стоянка в плане напоминала дугу? Никаких технических средств охраны не было, линия полевого телефона, судя по ее ветхости, была проложена еще немцами, штурмовавшими Москву в 41-м, она часто выходила из строя, а дозваться связиста было гораздо сложнее, чем вызвать дух Джона Леннона на спиритическом сеансе. Если же связь не работала, караул отказывался принимать стоянку под ночную охрану и ДСП был вынужден там куковать всю ночь. Летом это был курорт, зимой же, при отсутствии соответствующей подготовки — серьезная проблема.

ДСП была святой обязанностью «черпаков». «Деды» считали ходить в ДСП уже почти западлом.

Переговорив с Гией, я быстро оказался там где хотел. В напарники мне назначили здоровенного как черт казаха — Эдика Наурузбаева, которому я дал кличку «вождь». Он здорово смахивал на индейца из фильма Милоша Формана "Полет над гнездом кукушки". Эдик был классный парень, хотя и не без странностей и не очень хорошо говорил по-русски. Мы с ним быстро поладили и решили, что будем ходить так: неделю он, неделю я, подменяя друг друга в экстренных случаях. Первым делом, конечно же, было необходимо обустроить свой быт на стоянке и сделать запасы продовольствия на зиму. Кроме того, запастись достаточным количеством тары — негласной, но священной обязанностью ДСП являлась поставка в казарму

«массандры» — смеси спирта и дистиллированной воды, сливаемой с самолетов. Сливать нужно было понемногу со всех «дойных» машин, чтобы не запалиться. Делалось это так: бралась емкость с широким горлом, отвертка плоская широкая и ключ на 12. С водила брался огнетушитель углекислотный, производился пшик на пластилиновую печать, которой был опечатан аккумуляторный отсек в правом наплыве крыла, после чего эта печать без повреждений отскакивала от металла и болталась на своей веревочке до завершения операции. Отверткой открывались все замочки аккумуляторного отсека, аккуратно (крышка вместе с аккумуляторами весит больше 25 кг.) придерживая спиной крышку ее опускали до нижнего положения, при том открывалась нижняя часть спирто-водяного бачок. В нижней его точке имелось сливное отверстие, законтренное проволокой. Нужно было расконтрить его, отвернуть винт и ловко подставить тару так, чтобы жидкость не натекла в рукав куртки. После завершения процедуры винт заворачивался на свое место, контрился по всем правилам, крышка надавливалась головой с усилием, достаточным для прижатия тяжеленной крышки на место и закрывалось. В заключение болтающаяся на веревочке печать слегка нагревалась спичкой или зажигалкой и прилеплялась на прежнее место. При определенном навыке вся процедура занимала минут пять-семь. Разумеется, перед началом «доения» следовало убедиться в том, что на стоянке нет нежелательных персон. С одного самолета «надаивалось» 0.5–1.5 литра этой отвратительной жидкости, отдающей резиной. Далее, все сливалось в 5-л надувную пластиковую канистру и на следующий день с курьером отправлялось в казарму. На этом все общественные обязанности заканчивались.

Если не вдаваться в соответствующие уставы, то на деле служебные обязанности ДСП состояли в том, чтобы открывать-закрывать шлагбаум на въезде, опечатывать борта после окончания на них работ и зачехления, и до приезда караула шляться по территории, следя за порядком. На самом деле, в это время ДСП погружался в глубочайший сон в своей будке, если у него не было иных важных, неотложных дел. В число важных и неотложных входило получение пожарного жетона, свидетельствовавшего о полном порядке противопожарного состояния стоянки, укомплектованности пожарных щитов и прочих подобных штуковин. Щиты, как всегда, были некомплектны, кто-то постоянно тащил оттуда ведра и лопаты, поэтому с пожарными нужно было дружить — раз в пару недель засылая им пару-тройку литров волшебной жидкости. В случае полной любви и взаимопонимания пожарный контроль сводился

к передаче жетона прямо у ворот стоянки, без заезда для досмотра. Без пожарного жетона караул не принимал стоянку на ночь, как и при отсутствии связи. В любом случае, караулу тоже нужно было подкидывать бакшиш, ибо официальная процедура передачи с осмотром всех печатей могла занять до трех часов. Через неделю вхождения в тему у меня уже все было на мази. С одной стороны стоянки темнел дремучий лес, с другой простиралось здоровенное кукурузное поле. В конце лета мы с Эдиком по очереди специально договаривались с охраной о том, чтобы они под тем или иным предлогом не принимали стоянку на ночь. В такую ночь мы занимались заготовкой продуктов на зиму, опустошая кукурузное поле, а также находящееся за ним картофельное. К концу осени у нас было запасено несколько мешков картошки и кукурузных початков. Початки вообще-то были кормовыми, но в вареном виде вполне годились в пищу. Сложнее было с водой, но спирто-водяная дружба с водителями автобатальона позволяла нам раз в три дня освежать запасы питьевой воды, которую мы хранили в алюминиевом бидоне, украденным с соседней фермы ненастной ночью нашими предшественниками. Все запасы хранились в заброшенном КУНГе, невесть как оказавшемся в лесу недалеко от стоянки.

Недели три-четыре я ознакомлялся с предоставленными мне угодьями, обходя стоянку (далее "зону") по периметру и пересекая ее во всевозможных направлениях, благодаря чему сделал множество находок, полезных и не очень. Вся зона была нашпигована всевозможными артефактами: будками КУНГов, расставленными там и сям, в которых хранилось исключительно все — от лакокрасочных изделий до слегка поржавевших пушечных стволов (надо думать, изношенных), каких-то камер для передних пневматиков, трубок, баллонов, бочек с клеем БФ-88, обломков дюраля, поломанных аэродромных тележек, короче, всего хлама, какой только может быть на территории стоянки, функционировавшей уже много-много лет. Я иногда чувствовал себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове, а иногда Сталкером братьев Стругацких. Сравнение нашей зоны с «зоной» Стругацких не случайно. Проволочное ограждение в лесу являло собой печальное зрелище — в иные дыры без проблем мог проехать средних размеров танк, на стоянку можно было попасть совершенно без затруднений почти с любой стороны. Довольно странное на мой взгляд отношение к хранению эскадрильи самолетов, стоимость каждого из которых переваливала за 20 мегабаксов. И все это добро «охранял» один-единственный боец срочной службы, вооруженный стареньким АКМ-ом, должно быть, побывавшем в Афгане; следы воронения сохранились на нем

лишь в некоторых местах. Ствол же этого изделия был разношен до такой степени, что попытка прострелить с 10 метров обычную трехдюймовую, стальную водопроводную трубу, вкопанную в землю в качестве ограничителя хода шлагбаума (он катался по земле, на роликах) привела к тому, что прославленная пуля калибром 7.62 пробила лишь одну стенку, и, оставив во второй небольшую вмятину, с визгом ушла в небо. Кучности от такого ствола следовало ожидать соответствующей. С самого начала осени, когда начались частые дождики и я заметил, что канал ствола моего мушкета стал покрываться предательским налетом ржавчины, я тщательно вычистил его и от казенника до компенсатора забил смазкой ЦИАТИМ-22.

Наступила осень, стало холодать, приходилось утепляться самому и утеплять свою будку. Я раздобыл себе пару коричневых технических свитеров — «вшивников», которые старался менять и стирать как можно более регулярно, чтобы они, не дай Бог, не оправдали свое название. С помощью различных материалов были законопачены все лишние отверстия в будке.

На зоне появились кочегары. Их было четверо, работали они сутки через трое и состояли, главным образом из отставных вояк на пенсии и окрестных дедков-алкашей. На моей стоянке был такой расклад — трое вояк и один алкаш из расположенного рядом с БПРМ села Никольское. Кочегарка была в эскадрильском домике, расположенном где-то в середине нашей кишкообразной зоны. В задачу кочегара входило топить так, чтобы не разморозить систему отопления и обеспечить в расположенном неподалеку БК (хранилище боекомплекта) температуру не ниже +8 градусов. Это было хорошо, к кочегару можно было зайти погреться, можно было прийти с бутылкой «массандры» в гости, будучи уверенным, что кочегар со своей стороны предоставит закуску. Можно было просто приятно побеседовать с людьми, умудренными житейским опытом. Я дружил с ними всеми, исключая одного — закоренелого мудака, бывшего особиста. Он беспристанно докладывал нашему эскадрильскому инженеру обо всех замеченных им огрехах с моей стороны, приходилось с ним держаться настороже. Но позже я все же прибрал его к рукам — он был страстный охотник и время между подбрасыванием порций угля проводил в лесу, расставляя всевозможные силки и ловчие петли, а пару раз даже я находил капканы на вполне крупную зверюгу. Наконец, когда этот мудак додумался притащить на зону ружье и пару раз шарахнуть из него в лесу, там же, над убитой им косулей, у нас состоялся серьезный разговор без свидетелей, после чего капканы и ружье исчезли,

силки и петли на птиц я ему разрешил оставить и пообещал не разрушать, если он согласится на кое-какие мои условия. Больше он на меня не стучал. С ним я впоследствии старался не общаться.

Остальные вояки были просто душками: с ними у меня были самые наитеплейшие отношения и полный симбиоз. Алкоголик был тоже мировым дядькой, но его проблема с алкоголем принесла мне немало хлопот.

Один вояка был бывшим военным дознавателем. Он рассказал мне множество смешных и не очень историй из своей жизни, был толковым собеседником и советчиком. Мы часто устраивали совместные ужины при свечах, с умеренны употреблением спиртного и богатой закуской.

Второй дедок-вояка был совсем уж пожилой и служил в конце войны штурманом дальней бомбардировочной авиации, во всяком случае, он так рассказывал. У него была одна беда: после очередной рюмки он начинал рассказывать все более невероятные боевые истории и в конце концов завирался напрочь. Чего стоил один его рассказ о ночном прыжке из горящего самолета над Берлином. Но будучи трезвым или после первой слушать его было интересно, большинство того, что он рассказывал, было непридуманным, а уж я в этом знаю толк, смею надеяться. С этим дедком у меня вышел довольно комичный случай. Как то раз, а было это уже в октябре, когда уже выпал первый пробный снежок. В шесть часов я выгнал со стоянки народ, запер шлагбаум и отправился на обход вверенной территории, опечатывая борта, на которых сегодня работали техники. Ну и зарулил по ходу пьесы в кочегарку погреться и перекинуться с кочегаром пару слов. В тот день дежурил наш герой-штурман. Дедок находился в состоянии глубокой печали: с его слов у него умер однополчанин, на похороны он не смог попасть, а вот на поминки надо бы попасть… Одна беда — о несчастии он узнал сегодня утром, а договориться о подмене не успел. В общем, суть его просьбы сводилась к тому, чтобы я до сдачи пошерудил его котел, подбросил угля хотя бы пару раз и прогнал по системе воду электрическим насосом. Ночь будет не дюже холодной, снег почти растаял, так что к утру вода не замерзнет, а с утра сменщик уж раскочегарит котел снова. Я согласился помочь дедку, тем более повод был весьма уважительный. Он показал мне свою нехитрую матчасть, объяснил что и где нажимать и куда бросать уголь, сам подкинул уголька, и попросил наведаться через часок, чтобы повторить процедуру, и скрылся в ночи, сердечно поблагодарив меня. Так я и сделал, а потом, опечатывая оставшиеся борта, забыл про это дело. Караулка задерживалась, было уже часов полдевятого

вечера, когда я вспомнил о котле. Галопом я ломанулся к кочегарке, и с замирающим сердцем открыл дверцу топки. Уголь уже почти прогорел. Я по быстрому нафигачил туда побольше угля и стал ждать. Уголь, соответственно, не разгорался, лишь небольшие струйки дыма свидетельствовали, что там еще что-то тлеет. С минуты на минуту должна была приехать караульная «шишига», поэтому я решил ускорить процесс. Схватив алюминиевый солдатский пятилитровый чайник, непонятно для какой надобности имевшийся в кочегарке и попахивающий керосином (видно его использовали для розжига), я поскакал к ближайшему борту и через клапан слива отстоя налил почти полный чайник керосина. Возвратившись в кочегарку, я начал прямо из носика заливать керосин в топку (вот идиот!). Внутри что-то угрожающе зашипело, топка заполнилась паром. Вылив примерно литра два, я решил, что поливать из чайника неэффективно, поэтому я взял жестянку от консервов и начал плескать в топку из нее, стараясь попасть как можно дальше от дверцы, вглубь топки. Шипение и пар усилились, дело шло к логической развязке. В один прекрасный момент возникла неминуемая искра, топливо, превращенное в пар, воспламенилось и сознание мое слегка померкло. Я не совсем хорошо помню, как произошло нечто вроде взрыва, точнее, быстрого сгорания, как меня, сидящего лицом, а точнее грудью к топке легко швырнуло назад, как я, выбив одну дверь и сорвав ее с петель, ласточкой пролетел через тамбур, как распахнулась вторая дверь, к счастию моему незакрытая, и как я оказался лежащим на асфальте, припорошенном снегом, у подножия большой кучи угля уже на улице. Спасла меня солдатская шапка и везение. Очнувшись, я первым делом почувствовал вонь паленых волос и сильное жжение в области лица. Бровей не было, ресниц тоже, морда лица горела аки ядерный реактор, в голове гудело. Было весьма дискомфортно. Пахло горелым керосином. Все случилось так быстро, что я так и не понял сперва важность произошедшего. Схватив валяющийся неподалеку свой автомат, я зашел в кочегарку. Потолок выглядел слегка закопченным, однако стекла были целы, а внутри котла бушевало живительное пламя. Идея сработала, хотя гораздо эффективнее, чем я предполагал. Машинально я включил насос, прогнал воду по системе отопления и, сняв с крючка болтающееся там полотенце и окунув его в воду, стал успокаивать жжение на коже лица. Обжегся я не сильно, волдырей пока не было, но волосы на морде лица сгорели начисто, отчего в зеркале я был похож на инопланетянина. Каким-то чудом я за мгновение до вспышки успел закрыть глаза и это было очень кстати. Холодное влажное полотенце приходилось

вращать в холодном воздухе и через каждые 2–3 минуты прикладывать его к лицу — так было терпимо. Караулка в тот вечер приперлась к полдесятому вечера. Я выглядел в свете фар весьма живописно — человек, размахивающий полотенцем и то и дело прикладывающий его к лицу. Полотенце нагревалось, приходилось снова крутить его над головой, охлаждая. Караульщики ржали как кони.

Припершись в казарму, я сдал оружие, я тут же наткнулся на полкового доктора, который перед отбоем осматривал личный состав на предмет потертостей, грибка и прочих солдатских болезней. Я был тут же замечен и зверски осмотрен. Наш коновал с иронией поинтересовался, что это такое со мною произошло. Я понес какую-то чушь насчет лампочки, которую надо было вывернуть, а она была горячая, а я взял тряпку, а тряпка была пропитана керосином, а лампочка возьми и лопни, а оно как все вспыхнет….. Ну не сдавать же кочегара, в самом деле? "Обувайся", — велел доктор, "пойдешь со мной в санчасть." Спорить было бесполезно и я уныло поплелся за ним, выслушав по дороге нудную лекцию по технике безопасности при обращении с горючими веществами, в частности, с керосином. "Ты посмотри, какие здоровенные дуры на нем летают, а ты — лампочку отвернуть. И хватило же ума!". Знай наш лепила, что произошло на самом деле, у него бы волосы дыбом встали. Дойдя до санчасти, мы зашли в кабинет лора, где доктор густо намазал мне лицо какой-то прохладной белой мазью. Удивительно, но жжение почти сразу прекратилось, стало гораздо легче. "Ну, ступай в казарму" — сказал док а потом, внимательно посмотрев на меня еще раз, передумал. Его смутило мое белое лицо, густо намазанное мазью. "Ну его к бесам, на улице темно, встретишь кого-нибудь, ко мне же его с инфарктом и принесут, положу-ка я тебя, пожалуй, на недельку, отдохнешь." Так, неожиданно из худа вышло добро, я неделю отсыпался в санчасти, по вечерам ко мне заезжал Вован, который к тому времени стал личным водилой начальника инженерной службы полка, я прямо в синей пижаме и тапочках залезал на заднее сидение его «Уазика» и мы катались по окрестностям в поисках девок и приключений на свою задницу. Девок мы не нашли, а вот от ВАИ один раз пришлось побегать, хотя кончилось все хорошо.

Про женщин

Кстати, о девках. Да простит меня прекрасная половина человечества, но речь пойдет именно о ней. Молодых людей, которым еще предстоит пройти мужчинскую школу жизни от меня добрый совет — не заводите перед армией серьезных отношений с тетками, будет значительно легче и проще. Дело тут не в огульном обвинении всей прекрасной половины человечества в неверности, дело в обыкновенной физиологии и весьма сложном устройстве женских мозгов, если такие вообще имеют место быть в природе. И глядя иной раз на трогательную сцену проводов в армию, где безутешную зареванную подругу будущего воина провожает домой его лучший друг, я не могу сдержаться от улыбки. Женщины — существа настолько ветреные и непостоянные по природе своей, что верить обещаниям "я тебя обязательно дождусь" просто глупо. Я искренне завидую белой завистью тем, кому посчастливилось стать обладателем эталона женской верности, но это скорее исключение, чем правило.

Но, несмотря ни на что, с завидной регулярностью обнаруживаются время от времени идиоты, которые узнав об измене любимой начинают творить всяческую непотребщину: вскрывать себе вены, вешаться, стреляться и.т.п. Напротив нашей казармы находилась еще одна, где на втором этаже размещалась рота охраны склада специзделий (проще говоря — ядреных боеприпасов). Это были краснопогонники с пехотными эмблемами. В отличии от нас, вооружены они были АК-74 калибром 5.45 мм. В казарме этой произошло весьма характерное самоубийство, точнее, попытка оного. Юный Ромео, узнав из письма родственников о предстоящей свадьбе его любимой девушки и лучшего друга (кто бы мог подумать!), не придумал ничего лучше, чем взять свое ружжо, засунуть патрон в патронник, а пламегаситель себе в рот, да и стрельнуть. Но АК — длинная штуковина, стреляться из нее не совсем удобно, надо тянуться к спусковому крючку, посему боец немного перекосил ствол относительно своей дурной головы и в результате лишился языка, половины зубов и половины нижней челюсти, а заодно стал круглым идиотом, но остался жив в назидание остальным. Какой ему от этого прок, я правда не знаю, по мне лучше помереть, чем так жить.

Все половозрелые женщины, проживающие в гарнизоне, условно делились на «блядей» и «честных». Честные девушки с солдатиками не знакомились, а при попытке знакомства с их

стороны даже не обращали внимания на них. Они искренне считали солдат чем-то вроде животных и мечтали о своем принце на белом коне. Бляди же тусовались на гарнизонном стадионе, в том и ином составе, в любую погоду. Знакомились они по 10 раз на дню, завышенных эстетических предпочтений не имели и охотно дарили свою любовь направо и налево, лишь бы человек был по их мнению хороший. Не исключались и товарно-денежные отношения. Солдат они любили за то, что они, несмотря на внешность бабы Яги, могут разглядеть и оценить в них женщину. Всех гарнизонных блядей знали в лицо, начальство призывало подчиненных всячески воздерживаться от контактов с ними, но помогало это мало — триппер часто был заболеванием, периодически выявляемом у солдатиков.

Я, однако, в силу природной скромности и не очень впечатляющих физических данных с женщинами этими не общался. Да они и не предлагали.

По полку ходили леденящие душу истории про машинисток из строевого отдела штаба полка, которых, если этим историям верить, перетрахал весь личный состав, про страшные групповые оргии, которые якобы устраивались на метеопосту в штабе дивизии, про похотливых офицерских жен, которые так и норовили затащить к себе домой молоденьких солдатиков-посыльных и прочий солдатский бред. Вероятно, отдельные случаи и были, но солдатики — это же большие дети, им весьма свойственно сильно приукрашивать собственные подвиги.

Несемейные прапорщики и офицеры, проживающие в «дурке» тоже не были ангелами. Как-то раз, когда я был послан туда посыльным, разыскивая в длинном коридоре четвертого этажа комнату с нужным номером, я лицезрел интересную картину. Передо мной распахнулась дверь в одну из комнат, и оттуда в коридор под аккомпанемент отборного мата вытолкнули абсолютно голую девицу. Девица была изрядно пьяна, но кое-что еще соображала. Она увидела застывшего как соляной столб меня и закрыв локтями висячую грудь стала барабанить своими кулачками в уже закрывшуюся дверь, умоляя впустить ее обратно. В ответ дверь еще раз приоткрылась и через щель вылетели какие-то шмотки и четкое указание, в каком направлении этой девушке следует идти и почему она должна это немедленно сделать. Но горе ее было не долгим, она даже не успела начать одеваться, как распахнулась еще одна дверь и какой-то старлей с раскрасневшейся рожей, видимо привлеченный шумом, затащил девицу к себе в комнату, где судя по голосам было не меньше четырех человек. Девица видимо его знала, позже я узнал, что это

была гарнизонная блядь Оксана, которая в поисках состоятельных джентльменов, способных угостить женщину водкой, часто заходила в "дурку".

Меня же Диавол пытался искушать только один раз — как-то раз, уже зимой, стоя на ДСП, я с удивлением увидел приближающиеся к шлагбауму две фигуры, закутанные в какие-то цветастые платки. Это были девки из села Никольское, по крайней мере они так сказали. Страшноватые, рябоватые, в общем, на Клаудию Шиффер они походили мало. Девки поросились ко мне в будку «погреться». На стоянке никого не было, я впустил замерзших подружек, мне было не жалко. Далее девки поинтересовались, нет ли у меня закурить. Я не курил, посему ответил отрицательно. Тогда девки поинтересовались, не налью ли я им выпить? Пятилитровая канистра с «массандрой» стояла в лесу метрах в тридцати за будкой, готовая к отправке в казарму, но поить каких-то девок в мои планы не входило, я был вынужден сообщить им, что бухла у меня тоже нет. Девки тяжко вздохнули, посидели еще минут пять, после чего, поблагодарив меня за гостеприимство, удалились в сторону пятого КПП.

Вечером того же дня, сдав стоянку караулу, когда ДСП всех подразделений собрались около караульного помещения, я узнал продолжение этой истории. Девки последовательно прошлись по следующим объектам: пятое КПП, склад боепитания, ППР, склад ГСМ, СБВ, склад ОПС, ТЭЧ, ДАРМ и вышли через второе, «генеральское» КПП на дорогу, удаляясь по направлению поселка Герцено. У всех, кроме меня, для них нашлись и сигареты и спирт, ну а девушки, соответственно, никому не отказывали в маленьких радостях жизни. Думаю, что авторы Камасутры побледнели бы от зависти, слушая рассказы дорвавшихся до бесплатного секса оголодавших бойцов. Один лишь я кусал губы, проклиная себя за тупость и несообразительность — мне рассказать было в общем-то нечего. Я имел неосторожность поведать всем о своей встрече с этими гетерами, меня дружно подняли на смех. Однако, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Через пару дней все участники веселого события стали испытывать жуткие боли и трудности с мочеиспусканием. Принесенный девками сельская разновидность местного триппера была настолько жестока, что некоторые герои-любовники провалялись в санчасти недели три, а одного женатого парнишку москвича даже бросила жена, бог весть как узнавшая об этом. Так, моя тормознутость в некоторых жизненных вопросах сослужила мне весьма добрую службу.

Про пьянство

Пьянка стала неотъемлемой частью моей службы примерно начиная со второго года. В ВВС образца 1990 года доступ к спирту и его производным был практически свободным. В ТЭЧ для промывки одного только топливного насоса по регламенту уходило немыслимое количество спирта, который, разумеется, не полностью уходил в этот саамы насос благодаря бережливости техников. У первой эскадры, вооруженной самолетами СУ-27 со спиртом проблем не было вообще — на створке лючка передней стойки шасси и у этих чудо-самолетов был закреплен стальной бачок, в который заливалось 7-10 литров спирта для омывания козырька фонаря кабины в противообледенительных целях. На летчика, который имел неосторожность воспользоваться этой штуковиной в полете, технота первой эскадры смотрела волками. Не знаю, как в других эскадрах, а у нас, во второй, спиртом заведовал начальник группы САПС капитан Усов. Это был ушлый мужик, который, благодаря своему спиртовому положению ходил на равных с начальником инженерной службы эскадрильи. Раз в месяц он привозил со склада ГСМ четыре двадцатилитровых канистры. Это можно было вычислить по возникшему в рядах техников ажиотажу. Некоторое количество спирта оставлялось для использования по прямому назначению, остальное же распределялось среди техноты согласно неписаной "табели о рангах". Командир 2-го АТО майор Кириченко, царствие ему небесное, хороший был мужик, настоящий, был зело только он падок до этого дела, что и решило в итоге его судьбу. Возвращался он, изрядно приняв на грудь, с пьянки общественной в технической столовой по поводу какого-то праздника, на полдороге упал в снег и уснул. И наверняка проснулся бы, но какая-то сука, проходившая мимо, сняла с него теплую летную зимнюю куртку, и он замерз насмерть. Дело было уже после того как я уволился, старшина наш рассказал, когда мы ездили его навещать. Но пил он красиво. Никогда спирт не разбавлял и не запивал. Даже когда он был дежурным по полку, всегда имел с собой фляжку с "лекарством".

Пили в общем-то все. Как-то раз, когда предатель и враг народа Михаил Горбачев в очередной раз полетел в гости к американскому президенту, наш полк выставлял на ЦЗ дежурное звено. На моей памяти это случалось не раз, тогда мы подвешивали на борта настоящие ракеты. Он нашей эскадры были два борта, в кабинах сидели летчики и дико мучались похмельем — накануне был какой-то праздник. Говорят, в таких

случаях помогал кислород из системы жизнеобеспечения. Подышишь — легчает. Срочная служба пила по-черному. И не спирт, а в основном мерзкую «массандру», которая имела весьма коварный эффект — пилась она вроде легко, опьянения сначала не чувствовалось, затем, при наборе некой критической массы, откуда-то снизу поднималась волна и ударяла в голову, как добрый аперкот приличного тяжеловеса. Человек вырубался практически сразу. Похмелье от этой жидкости было еще ужаснее, доходило до того, что двоилось в глазах. К счастью, эту дрянь у нас в полку не разбавляли керосином, как случалось в других местах.

Один раз со мной произошел забавный случай, который, правда, вполне мог закончится хреново. Я сидел у себя на ДСП, на зоне, народ уехал, было часов 5 вечера, и ко мне приехали мои сослуживцы, отметить начало нашей "стодневки"(это когда сто дней до приказа об увольнении из рядов ВС). Их было двое и еще водитель «уазика» — «молодой», который их и привез. Водилу мы угостили жареной картошкой, налили чаю и пустили за стол в моей будке — писать письма родным. Я выкатил свою пятилитровую канистру и мы сели отмечать. По мере потребления продукта, один из приехавших — Славик Сахарцев из Хабаровска решил съездить до офицерской курилки в поисках добрых «бычков» — тогда был сильный напряг с сигаретами. К счастью, ни одного борта на стоянке он не протаранил, хотя мог вполне. Потом мы все по очереди опробовали свои водительские навыки, угостили пожарников, которые приехали принимать стоянку, короче, к концу праздника на дне канистры плескалось что-то около литра веселой жидкости. Мы попрощались, Славик, несмотря на слабые протесты «молодого», собственноручно сел за руль и машина зигзагами поехала по обледенелой дороге в сторону СБВ. Я же пошел опечатывать борта. Помню как я опечатал два борта, подошел к третьему, а вот тут-то видеозапись и оборвалась. При мне был автомат и два рожка патронов, не дай бог кому в этот момент зайти на стоянку — в лучшем случае получилась бы неплохая шутка в стиле Глеба Жеглова. Нашла меня караульная машина роты охраны, которая приехала принимать у меня стоянку. Говорят, я лежал на спине, раскинув руки, около самолета, который пытался опечатать, являя из себя классический пример бойца, погибшего на боевом посту. Караульщики-чечены не стали зло шутить и не спрятали мой автомат, ограничившись тем, что забрали у меня связку ключей с печатью, которую я у них потом неделю выкупал за приличное количество спирта. Меня подняли на руки и осторожно погрузили тело и оружие в кузов «шишиги». Часовой заглянул в мою будку

и, обнаружив там оставшийся литр, радостно сообщил разводящему, что пост принимает. Очнулся я уже на полдороге от холода и тряски. Добрые чечены подложили мне под голову мою шапку, чтоб не сильно колотиться головой о дно кузова (все кому пришлось ездить в Газ-66 по пересеченной местности знают, что удовольствие это ниже среднего). Когда же, очнувшись, я изъявил желание немедленно проблеваться, издав соответствующий звук, меня бережно подхватили на руки, быстро перевернули вниз лицом и свесили голову за задний борт, чтобы не испачкать кузов. После обряда изгнания из себя «чужого» мне стало немного легче и я стал соображать, нашел рядом свой автомат, патроны вроде были на месте, штык тоже. О ключах я вспомнил только утром. У караулки, где собрались дежурные по стоянкам всех подразделений меня сгрузили. ДСЧ — знакомый лейтенант даже присвиснул, увидев меня в столь хламном состоянии. В тот вечер мы шли от караулки до казармы строем, в колонну по три, чего раньше никогда не случалось. Целью этого была маскировка меня. Я стоял аккурат в серединке, меня бережно поддерживали с боков, кто-то нес мой автомат, кто-то сдал его вместе с подсумком в оружейку. Ночь прошла бурно, практически все время я провел около «очка» вызывая Ихтиандра. Казалось, уже ничего не осталось в желудке, но следовали новые позывы и я послушно кормил унитаз желчью, под сочувствующие взгляды двух «духов», которых заботливый Вован приставил ко мне для обеспечения моей безопасности и транспортировки. Под утро я умудрился все же заснуть, но пробуждение было ужасным. Я просто мечтал о единственной чашечке горячего кофе без сахара, но это было недостижимо. Два дня я болел после этого случая, в глазах двоилось, давил жуткий сушняк, в общем, явления неприятные. Сгоряча я даже поклялся себе не брать больше этой гадости в рот и даже не смотреть на нее. Наверно, многие давали себе такие клятвы в подобном состоянии.

С друзьями моими же получилось еще веселее. Уж не знаю, кто у них там в тот момент сидел за рулем «уазика», но чтоб не попасть в раскрытые наполовину ворота здоровенного ангара СБВ нужно было сильно постараться. В итоге была помята одна створка раздвижных ворот, разбита фара, смято крыло и капот.

За потерянные, а точнее, проебанные ключи и печать, о которых наш майор Кириченко узнал подозрительно быстро — на следующий же день, меня назначили бессменным ДСП до тех пор, пока я не найду потерю. Это и вправду было бы сущим наказанием, но хитроумный майор пошел еще дальше — он на

ночь высылал мне «усиление» из двух человек из числа «залетчиков», числящихся в его черном списке. Ну а что легче всего делать ночью на троих, вы уже наверное догадались. Через неделю чечены вернули мне потерю, я выставил им спирту, но мы еще две недели вели веселую ночную жизнь, причем желающие «усилять» меня на ночь буквально выстраивались в очередь. Наш добрый начальник АТО заподозрил неладное и в одну прекрасную ночь нагрянул с проверкой. Мы как обычно сидели в небольшом бункере для укрытия личного состава, оборудованном освещением и калориферами и неспешно распивали яд при обильном количестве закуски (я сделал четкие выводы из прошлого происшествия). С этого дня, наша идиллия на троих закончилась.

В тот же день, когда я так кошмарно напился, случилось еще одно презабавнейшее происшествие, которое, правда, очень хреново закончилось для его участников. На этот раз отличились бойцы не из нашего полка, а из какой-то части обеспечения. Они умудрились ограбить продовольственный склад, из которого обеспечивался деликатесными продуктами командный состав штаба дивизии. Собственно, грабили они его не в первый раз, брали умеренно, так что на фоне хозяйствования тамошних прапоров это было практически незаметно. Но тут другое дело — стодневка. Они не стали ломать замок, срывать печать, а попросту сняли решетчатую железную дверь с петель, ибо конструкция это позволяла. Примитивную сигнализацию, сделанную из выключателя-концевика с колесиком тоже было не проблематично отключить. Набив два вещмешка балыками, окороками, всевозможными красными рыбами, дорогими консервами, колбасами и сервелатами и прихватив несколько бутылок настоящего армянского коньяка, они вернули дверь в исходное состояние, скрыли, насколько могли, следы своего пребывания и спокойно отправились на аэродром, на СКП дальнего старта, где постоянно при радиостанции дежурил боец, у которого и было решено устроить пир на весь мир. Все было спланировано, продумано и исполнено почти идеально, но, как всегда, хорошее дело завалилось из за сущей мелочи. По трагическому стечению обстоятельств, один полковник из штадива выдавал замуж свою дочку. А понаехавших в невероятном количестве гостей разместил в «высотке» — двухэтажной летной гостинице, располагавшейся около ЦЗ. И ночью поехал проверить на своей «Волге» как там себя чувствуют перепившиеся накануне гости. И надо же было такому случится, что момент его приезда роковым образом совпал с моментом

прохода наших, затаренных всякими вкусностями героев, которым до приказа оставалось всего-то сто дней. Но даже не это было главной ошибкой, а то, что один из соучастников этого преступления, увидев стоящую у высотки «Волгу» взял да и снял с нее «дворники», которые в принципе ему были на хер не нужны. Чисто из озорства. И пошли они дальше, оставляя четкие следы на свежевыпавшем снежке. По этим-то следам и вышла на них срочно поднятая по тревоге отдыхающая смена в расположенном недалеко караульном помещении, под руководством оскорбленного в лучших чувствах полковника, которому хватило ума связать факт хищения «дворников» и свежие следы, уходящие в поле и сделать соответствующие выводы. Там-то они и обнаружили разудалую веселую компанию, сидящую в помещении СКП и уплетающую в честь великого праздника генеральские разносолы, запивая их коньячком. Все были повязаны, водворены на «губу», а полковник к своему великому счастию снова стал владельцем «дворников». На складе, а заодно и на соседних складах, была проведена срочная внеплановая ревизия, выявлены разнообразные недостачи, все, что за последние 10 лет прапора-хозяйственники наворовали непосильным трудом было тут же повешено на наших гурманов. И хотя они клялись и божились, что при всем желании не смогли бы сьесть эти тонны продуктов, износить или продать десятки летных кожаных курток, комбинезонов, и прочего хлама, обрадованные заведующие складов не могли не воспользоваться такой счастливой оказией — ребят судили и начислили различные сроки: кому 5 лет, кому два года «дизеля». А все получилось из-за каких-то идиотских "дворников".

А один раз, еще осенью, было совершено совсем уж ужасающее покушение на святую святых — комнату, где хранились спиртовые запасы второй эскадры, расположенную в эскадрильском домике на территории стоянки самолетов. А дежурил по стоянке в тот день я. Как обычно, проводив со стоянки народ и закрыв шлагбаум, я пошел опечатывать самолеты. Покончив с этим делом, вернулся к себе в будку и завалился спать на скамейке, дожидаясь приезда караулки. Разбудил меня ДСЧ, который приперся проверить, как я несу службу и обнаружил в эскадрильском домике отогнутую решетку в учебном классе, взломанные двери комнаты САПС и исчезновение четырех канистр со спиртом, а также пары радиостанций «Ромашка» с запасными аккумами и зарядным устройством. Лиходеи хорошо подготовились к акции — они точно знали день, когда будет завезен спирт, расположение

комнаты, где он хранился, подходы к зданию, и график и маршрут движения ДСП, а также его привычку дрыхнуть перед сдачей стоянки караулу. Даже если бы я и не спал, у меня не было шансов — наверняка было организовано наблюдение, все дело можно было провернуть буквально за 10–15 минут, когда я находился в любом из дальних концов стоянки. Сделать это могли только свои, позже мне намекнули на авторов этого произведения, но прямых доказательств у меня нет, поэтому имена я предпочту не называть.

На стоянку тут же понаехало эскадрильское начальство, наш инженер грозил мне чуть ли тюрьмой, но на самом деле это происшествие на мне почти не отразилось, разве что я навечно был занесен в список «залетчиков» и врагов советской власти. Насколько я понял, что-то у них там не совсем чисто было, поэтому происшествие предпочли замять. Ну и я, в принципе, мог ответить недоброжелателям взаимностью и Кириченко прекрасно об этом знал. А дело было так. Месяцем раньше случилось одно происшествие, главным героем которого стал Эдик — мой напарник по охране стоянки. Я уже рассказывал про него, но тут стоит описать его поподробнее. Он не очень хорошо говорил по-русски, имел колоссальные габариты и дикий нрав вольного сына казахских степей. Горе было тому, кто рискнул бы поссориться с Эдиком. Как-то на стоянке я прикормил двух забежавших туда дворняжек, считая, что хоть какая-то, пусть даже и собачья живая душа рядом — это всегда хорошо, а во вторых, надеялся приспособить их к охране стоянки, себе в помощ. Толку от собак этих, правда, было немного, а тут Эдик выдумал попробовать их напоить «массандрой». Он смочил в ней краюху хлеба и собаки, затрепав ее, действительно захмелели, а потом вели себя как настоящие алкаши, требовали еще, лакали бухло прямо из миски, уже не закусывая, тут же поссорились между собой. Закончилось это тем, что обе собаки облевались тут же, в будке, да еще прямо на раскаленный калорифер, вонь стояла ужасная. В тот вечер Эдик сменил меня, а через день снова дежурил я. Придя на стоянку, я обнаружил там сверкавшего своим золотым зубом Эдика и полное отсутствие собак. На мой вопрос где собаки, он махнул головой в сторону леса и сказал: "Там… лэжат… я их застрэлил нахуй….". Вот такой серьезный мужчина был наш Эдик.

В другой раз, когда на нашем аэродроме три дня торчали несколько 76-х Илов, битком набитые десантниками при полной боевой выкладке, которые, как выяснилось из прессы, были направлены "копать картошку", тоже случилась забавная история. Десантникам видимо надоело сидеть в душном раскаленном самолетном брюхе на сухом пайке и они предприняли небольшую

вылазку к ближнему приводу, чтобы надрать там кукурузы на поле, аккурат примыкающему к нашей стоянке. А по стоянке одиноко слонялся скучающий Эдик. Увидев мелькнувшую в кукурузе камуфлированную жопу, Эдик тут же решил, что к охраняемому им объекту подбираются вражьи диверсанты и немедленно стал совершать героический подвиг по защите социалистической собственности и военного имущества. Он пристегнул рожок, дослал патрон в патронник и, изображая из себя Чингачгука-Большого Змея, за каким-то хером вышел за двойной ряд колючки прямо в поле, где и решил изловить неприятеля. Затем, по его словам, он даже выследил одного из них и встав во весь рост крикнул: "Стой, стрелять буду!!!", одновременно направив на чувака заряженный автомат. Это последнее, что он запомнил. Очнулся он в том же поле через некоторое время, со страшной головной болью и здоровенной шишкой на затылке — хитрые десантники отоварили его по полной программе, положили рядом с ним его разряженное оружие и сели вокруг Эдика в кружок, пытаясь привести его в чувство. Когда это случилось, они долго ржали, извинились перед Эдиком за рукоприкладство и объяснили ему о пагубности привычки направлять на людей заряженное оружие, а также указали ему на его тактические ошибки, допущенные им при попытке задержания противника. Расстались они почти друзьями.

Однако я отвлекся от сути. Вот этот самый Эдик, выполняя свои обязанности по охране стоянки в рабочее время, когда там работали техники, подошел к курилке около эскадрильского домика, в котором как раз техники собрались на обеденный перекур. Его целью было попробовать стрельнуть у них сигарету или папиросу, как я уже говаривал, в те годы был реальный напряг с куревом, к счастью тогда я не курил. Он обратился к одному из технарей со своей просьбой, а тот был толи не в духе, толи встал не с той ноги, но Эдик был им послан на хуй и обозван чуркой. Среагировал Эдик своеобразно — он снял с плеча автомат, пристегнул магазин, смачно щелкнул затвором и поставив грубияна и разносчика вируса расовой дискриминации на колени, засунул ствол ему в рот, очень неприятная штука, учитывая размеры мушки у АКМ. Охреневший от такого поворота дел народ еле смог уговорить Эдика вытащить ствол и убрать автомат, пообещав Эдику пачку дорогих сигарет и извинения обидчика. Побелевший обидчик согласно тряс головой, ни жив ни мертв от страха и со слов Эдика, не то обосрался, не то обоссался. Эдик отошел метра на два и принял извинения, после чего грязно выругавшись по-казахски, разрядил

автомат. Тут то на него набросились и скрутили по всем правилам военной науки.

Попал Эдик нешуточно, ему грозил четкий «дизель» — дисциплинарный батальон. Пока же Эдик был посажен на «губу», где и ожидал своей участи. О том, что случилось, мне рассказал один мой знакомый техник, который присутствовал при этом. Эдика нужно было срочно спасать, и у меня созрел хитроумный план, который по идее мог сработать. Я быстро накатал на имя командира полка Бычкова рапорт, в котором подробно описал все, что я собственными глазами лицезрел, будучи в наряде по ДСП: вырубку леса и вывоз его хрен знает куда (номера машин я раньше записывал на всякий случай и это здорово помогло), махинации со спиртом, практически постоянное нахождения нашего инженера эскадрильи в нетрезвом состоянии, и много всяких других пакостных, но на данный момент полезных мелочей, которые я лицезрел. На следующий день, заступив на ДСП вместо опального Эдика, я подкараулил момент, четким строевым шагом вошел в класс, где сидел инженер и еще пара человек и строго по уставу испросил разрешения обратиться. Кирьян (это у него такая кличка среди нас была) слегка удивился и разрешил. Я испросил разрешения побеседовать с ним наедине. Кирьян удивился еще больше и махнул остальным рукой в сторону выхода. Я, охренев от собственной смелости, сообщил ему, что накатал на него рапорт на имя комполка, но, не желая быть кляузником и стукачем, предоставляю ему возможность самому ознакомиться с документом и собственноручно передать его командиру полка. С этими словами я вручил ему сложенную вдвое пачку листов и испросив разрешения идти, четко повернулся и строевым шагом вышел. В глазах еще стояла картина слегка отвисшей челюсти нашего инженера и полное непонимание происходящего. Ровно через десять минут он выскочил из домика и, увидев меня, кинулся ко мне. Лицо у него цветом напоминало свеклу, а одна щека время от времени дергалась. Отбросив уставные условности, он напрямую спросил, чего я хочу. Я объяснил ему ситуацию с Эдиком, рассказав как все было на самом деле и обозначив персону того, кто это мне поведал. Техника тут же бросились разыскивать, он подтвердил мои слова, и сообщил, что обиженный Эдиком лейтенант рассказал ситуацию однобоко, в свою пользу, не упомянув факт оскорбления с его стороны. Кирьян твердо пообещал, что с Эдиком все будет в порядке. Я поблагодарил его, и сказал, что в таком случае с рапортом моим он может поступить как ему заблагорассудится, второго экземпляра у меня нет. Он

посоветовал мне срочно убраться с его глаз долой и по возможности не попадаться ему на глаза в ближайшее время. Что я и сделал с большим удовольствием, еще не веря своей удаче. Кирьян свое слово сдержал, к вечеру Эдик был уже в казарме. Я не стал ему рассказывать о своей афере, но присоветовал сдерживать свои душевные порывы по возможности, объяснив ему реальную перспективу переносов сроков его дембеля на пару лет вперед.

Таким образом, ограбление спиртовки было успешно замято, а я никак не пострадал, несмотря на угрозы Киряна засадить меня в тюрьму. Но в его черном списке я наверняка стал чернее раза в два, а возможно и занесен в Самый Черный Список инженера.

Тому способствовало еще и то, что я отмочил в конце осени. Однажды, еще до случая с керосином и котлом я вернулся с ДСП в казарму и обнаружил там письмо от матушки. В письме она писала, что еще недели полторы назад она выслала мне посылку до востребования (эта фишка сохранилась еще с духовских времен), основной объем которой занимала рыба. Причем не какая-нибудь, а холодного копчения (или горячего, не помню точно, но почти скоропорт). Факт был в том, что письмо шло довольно долго и если рыба уже не испортилась, ее нужно было срочно забирать. А я назавтра должен был снова переться на ДСП, а также послезавтра и, возможно, после послезавтра тоже. В воскресенье же почта не работала, в субботу всего до четырех часов дня, а завтра была уже пятница. Я попросил Эдика подменить меня на один день, но этот гад свел знакомство с какой-то бабой из поселка Герцено и почти каждый божий день бегал ее ублажать, посему решительно мне отказал и даже слово «рыба» не оказала на него никакого воздействия. Кроме нас с Эдиком допуска на ДСП ни у кого больше не было. Всю пятницу я угрюмо слонялся по стоянке, мрачно размышляя о судьбе своей рыбы. Рыба не давала мне покоя. Другим задачам было решительно отказано в ресурсах моих мозгов, нужно было что-то придумать с рыбой. И к вечеру я придумал. План был прост, как грабли. Осуществить мне его помогла одна из моих собак, тогда еще живых. Когда я, производя вечерний обход опустевшей стоянки, рассеянно брел в районе большого ангара, в котором хранился всякий хлам, мучительно размышляя о судьбах моей рыбы, собака вдруг забрехала в сторону леса. Молнией в моем измученной рыбой мозгу вспыхнула мысль я тут же стал ее развивать до удобоваримого состояния. Раз собака лает на лес,

значит, там кто-то есть. Если там кто-то есть, значит это как бы враг — в такое время никого кроме меня на стоянке быть не должно. Если это враг — я обязательно его попытаюсь задержать, а он наверняка от меня побежит, а я начну кричать, а потом выстрелю в воздух, а потом, конечно же, открою огонь на поражение. Стрельба обязательно будет услышана, и меня тут же прилетят спасать, с наряда наверняка снимут, сдадут пост под караул, а завтра я, пребывая в состоянии стресса, буду с утра заменен Эдиком, который один день без своей бабы уж как-нибудь проживет. План был хорош, рискнуть стоило. Легенда была безупречна. На орден я конечно же рассчитывать не мог, но реальный шанс спасти рыбу был. Я выбрал место посредине двух соседних земляных капониров для самолетов с тем расчетом, чтобы стопроцентно не повредить технику и стал дожидаться, когда наступят сумерки. И совершенно забыл, что ствол моего автомата насмерть забить вязким «циатимом», для защиты его от коррозии. Я громко заорал "Стой, кто идет!!!", затем "Стой, стрелять буду!", немало удивив при том собаку, но ДСЧ мог припереться с проверкой и все должно было быть правильно, а затем прицелился в затянутое облаками небо и нажал на спуск. Эффект был потрясающий. Звездануло так, как будто стреляла гаубица средних размеров, факел пламени удивил бы любого факира, а отдача могла бы соперничать с противотанковым ружьем времен второй мировой войны. Но, к счастью для меня, гениальное изобретение Калашникова стойко выдержало столь хамское обращение и не разорвалось у меня в руках. Слава советским оружейникам! Собаки след простыл, в ушах звенело. Я перевел переключатель огня в автоматический режим, и скрючившись как Рэмбо стал веером, от бедра методично поливать лес короткими очередями в секторе примерно тридцать градусов. Адреналин попер просто валом, было задорно. Я почти оглох, о бетон звенели горячие гильзы, а я с наслаждением снимал стресс, вызванный бесконечными раздумьями о рыбе. Решив, что, пожалуй, достаточно, я прекратил пальбу, отсоединил магазин, выбросил патрон из ствола и стал ждать подмоги. Через 15 минут, я вроде бы услышал характерное завывание движка ГАЗ-66, но скоро он стих. Через полчаса я забеспокоился — никто и не думал ехать меня спасать. Интересно, что было бы, если бы на меня действительно напали? Хотя, в этом случае, до стрельбы дело, пожалуй бы, не дошло, меня бы наверняка просто прирезали и уволокли в лес. Вздохнув, я побрел в сторону шлагбаума, связь с караулкой на стоянке опять не работала, а ближайший телефон находился на пятом КПП, метрах в ста от моего шлагбаума. Зайдя на пятое КПП, и спросив разрешения

воспользоваться их телефоном, я получил добро и поинтересовался у режущихся в «очко» дежурных, не слышали ли они часом стрельбы. Один из них стукнул другого по лбу и сказал: "Я же говорил тебе, Колян, что стреляли, а ты — показалось, показалось!" Я тихо офигевал. Дозвонившись до дежурного по полку, я сообщил о страшном происшествии. Реакция превзошла все мои ожидания: дежурный заорал в трубку: "Где ты сейчас находишься?" Я сказал, что нахожусь на пятом КПП. "Никуда оттуда не уходи, прижмись к какой-нибудь стене, займи круговую оборону и пали во все что движется! Помощь идет!!! Мы будем подавать тебе сигнал зеленым фонариком!!!". Я от души посмеялся над перепуганным дежурным, поблагодарил КПП-шников и побрел к своему шлагбауму. Похоже, я слегка переборщил, каша завязывалась нешуточная. Минут через двадцать на дороге появились три «Уазика», которые затормозили у пятого КПП, и кто-то стал отчаянно размахивать зеленым фонарем. Мне нечем было размахивать, поэтому я несколько раз выключил и включил фонарь, освещающий территорию около шлагбаума. Машины с опаской приблизились, оттуда проорали: "ДСП, не стреляй, свои!!!" и ко мне кто-то стал приближаться. Я с удивлением узнал в человеке, вооруженном пистолетом Макарова, нашего замполита полка, майора Короткова. Но это было еще не все — вся наша полковая верхушка, включая командира полка полковника Бычкова, при стволах прибыла на место происшествия. Я, скромно потупив глазки, рассказал им свою жуткую историю, добавив некоторые детали. "В кого-нибудь попал?" — тут же поинтересовались отцы-командиры? "Не знаю", — молвил я, — "там темно, а один я ходить смотреть постеснялся. Оно там что-то ходило в лесу, а собака залаяла, а я крикнул, а там как захрустело, а я начал палить, что есть мочи, а больше ничего я не знаю" — старательно прикидывался дурачком я, изображая страшную дрожь и испуг. Вышло на славу. "А может, это сохатый был?" — предположил начштаба. "Может и сохатый", — пожал плечами я.

"Значит так, ДСП", — молвил Бычков, "у тебя патроны еще есть?" Патроны были. "Вставляй полный магазин, патрон в патронник и иди вперед по дороге, к тому месту, где все было. За тобой поедут в ряд три машины, включат дальний свет и фары-искатели, а мы рассыплемся по бокам и будем тебя прикрывать. Дойдешь до места, махнешь рукой в ту сторону, куда стрелял, машины повернут и остановятся, чтобы освещать лес. Ты иди прямо в лес, а мы за тобой цепью пойдем. Чуть что — падай и стреляй. Понял?" Я кивнул головой, и мы двинули вперед. Я с трудом сдерживал смех, картина была настолько комичной, что

описать ее будет трудновато. Как заправские Джеймсы Бонды, отцы командиры, держа пистолет двумя руками, медленно шли по бокам идущих в борт о борт машин. Дула их пистолетов непрерывно двигались вверх-вниз, вправо и влево, в глазах светился охотничий азарт и неподдельная радость настоящего мужского дела. Ну, как малые дети, ей-богу. Дойдя до места, я увидел на бетоне россыпь блестящих в свете фар гильз и махнул рукой в сторону леса. Наше воинство во главе со мной медленно двинулось вглубь леса. В свете фар мы были как на ладони, и если бы в лесу кто-то сидел, он мог перещелкать нас без особых проблем. К счастию нашему, в лесу никого не было, и я точно это знал, поэтому наши крутые перцы беспристанно меня одергивали, приказывая не торопиться. Когда мужики вдоволь наигрались в войнушку, дойдя до периметра проволочного ограждения в лесу, Бычков тут же, не стесняясь в выражениях устроил показательный разъебон имеющимся в наличии подчиненным, миновав однако меня, указывая на огромные дыры в колючке, в которых не то что диверсант, а живой слон мог пройти не напрягаясь. Так что моя проверка боевой готовности обороны объекта имела замечательные последствия, которые выразились в тотальном заделывании дыр и прорех в колючей проволоке, а также замены проводов полевой линии связи, протянутой в лесу еще во времена Наполеона, если не раньше. Обшарив территорию еще раз, мы получили конкретные следы присутствия врага на объекте: нашлись бычки с иностранными надписями (пол-эскадрильи курило эти сигареты), свежее дерьмо (почти все техники гадили в лесу, выбирая места поукромнее, избегая пользоваться имеющимся туалетом типа сортир, который уже покачивался на волнах переполнившего его дерьма), а также следы иностранных кроссовок (пользоваться штатными техническими туфлями было неудобно, к тому же они оставляли на плоскостях и верхней части фюзеляжа черные полосы, которые с трудом оттирались керосином, поэтому техники предпочитали гигиеничные и удобные кроссовки). К моему удивлению, я не нашел на деревьях ни одного следа от пуль, а израсходовал я ажно цельных девятнадцать патронов. Потом всей гурьбой пошли осматривать соседние борта. К великому облегчению начальства, повреждений на самолетах обнаружено не было, но все же наутро был назначен детальный осмотр при свете дня. Явилась, не запылилась и моя осмелевшая собака, ставшая тут же героем дня, точнее ночи. Бычков тут же заметил, что неплохо бы завести на стоянке свору настоящих сторожевых собак, которых следует пускать по проволоке или отпускать гулять ночью по территории. Коротков сосредоточенно записывал стратежные мысли шефа в невесть

откуда взявшийся блокнот (ага, какие там нахрен собаки, если даже ДСП вынужден сам себя кормить, делая заготовки на зиму, потому что от приносимой гонцами из солдатской столовки пищи даже собака через неделю натурально протянет ноги). Привезли из казармы заспанного и злого Эдика, ошеломленного моим коварством, который и сдал стоянку караулу и заодно был назначен ДСП на завтра (однако ж, рыбу трескал Эдик знатно, не отказывался, надо сказать), а я был с почетом отвезен в казарму. Ни ордена-медали, ни отпуска мне конечно же не дали, я к тому времени стал одним из главных эскадрильских «залетчиков», но и звиздюлей тоже не вставили, за исключением старшины, которому досталась головная боль по списанию девятнадцати боевых патронов. Когда я писал объяснительную у него в каптерке, он ворчал, что в следующий раз, ежели я сподоблюсь еще раз поиграть в войнуху и не предъявлю ему насмерть застреленный труп диверсанта, он заставит меня отсидеть на губе по дню за каждый патрон, а заодно и написать объяснительных столько же, сколько будет израсходовано патронов.

В эскадре мое появление вызвало немую сцену, на меня глядели, как на вернувшегося с того света. И неудивительно, хипеж поднялся такой, что дошедшие до казармы слухи трансформировались в страшную легенду о том, как на меня в ночной тьме напала банда диверсантов числом не менее дивизии, как я мужественно оборонял вверенный мне объект до последнего патрона, а потом, бросившись на врагов в штыковую атаку, был насмерть убит вражеской пулей. Похороны уже были назначены на завтра.

Похороны пришлось отложить, а назавтра я сходил таки на почту и получил посылку с не дававшей мне покою рыбой, которая пропитала своим соблазнительным запахом комнату для хранения посылок и уже почти доходила до кондиции. Половину посылки мы сожрали в каптерке с ребятами из моего призыва, еще немного я отнес на нашу тайную блатхату, угостить Стаса и Вована, старшине тоже обломилось, так что жаловаться ему было грех. На этом мои ратные подвиги, овеянные боевой славой и свистом пуль, закончились.

Время шло, на дворе стоял уже февраль, и неумолимо приближалась весна, а с ней и приказ. Вована сняли с водительской должности, он залетел, свалив в Москву в самоход, а старшина не смог прикрыть его. Вместо него на уазик начинжа посадили молодого парнишку, который буквально через месяц погиб. Когда утром в автопарке он подошел к крану с горячей водой, торчащему из стены котельной, дабы набрать воды в

радиатор, какой-то идиот-азер, водила ЗиЛ-131, решил подшутить над ним. Он завел свой драндулет, и хотел пугнуть «молодого», затормозив в сантиметре от его задницы. Но долбанный ЗиЛ, в отличии от того же Камаза, имеет дурную привычку стравливать за ночь давление в воздушной тормозной системе, там даже на передней панели четко написано, что нельзя начинать движение, не убедившись, что давление в системе не менее скольких-то там килограмм. Короче, расплющил он парня об стену бампером. После этого тот еще жил часа два, крепкий организм попался, но спасти его так и не смогли. Весь полк ходил смурной после этого случая, а мы с Вованом крепко нажрались в подвале казармы.

В конце февраля на гарнизон свалилась новая беда — генеральная инспекция Министерства Обороны, сокращенно ГИМО. Кто служил, тот должен знать, что это такое. Нас честно предупредили, что служба все время, пока эта самая инспекция будет заниматься нашей частью, будет идти строго по Уставу. Разумеется, это никого не обрадовало.

Части в гарнизоне проверялись по очереди, а вечером, когда членов инспекции убойно поили в генеральском зале летной столовой, из уже проверенной части образовывалась муравьиная тропа из солдатиков, которая тащила в часть, являющуюся следующим кандидатом для проверки, всевозможное воинское имущество: койки, матрацы, подушки, тумбочки, зеркала, гладильные доски, столы и прочий хлам, которого всегда недосчитывались. Это была старшинская солидарность, помогшая совместно пережить не одну проверку или ревизию.

Нас выгнали сперва на показательные полеты, которые длились до обеда. Погода была мерзотная, дул резкий ветер, шел мокрый снег. Как там летуны выполняли задачу свою — Бог знает, но сели все взлетевшие борта, что не могло не радовать. К обеду полеты закончились. А назавтра, ровно в 6 утра должна была случиться внезапная тревога, о который, впрочем, все мы знали еще с вечера. Старшина сообщил нам, что мы можем спать хоть в одежде, но если хоть одна падла не уложится в норматив сбора по тревоге, он его собственноручно сгноит на кухне.

Самолеты остались на ночь зачехленными на ЦЗ, где они должны были стоять всю ночь. После того, как весь личный состав собрался сваливать с аэродрома, возник вопрос — кто же будет охранять самолеты эскадрильи до момента сдачи ЦЗ караулу, каковая должна была случиться только в 20:00. Наш инженер, майор Кириченко, или же попросту Кирьян, хищно повел красным носом, как бы принюхиваясь к строю, затем отыскал глазами меня

и лицо его озарилось победной улыбкой. Он ткнул в меня толстым пальцем.

- Залетчики! Выйти из строя.

Я грустно вышел на три шага. Похоже, нормальный ужин мне сегодня не светил, придется напрягать молодых, чтобы притащили в сушилку жратву в котелках.

- Как же я, товарищ майор, смогу разом охранить все наши самолеты? Пока я буду на том конце, с этого уже что-нибудь скрутят. Помощник бы нужен.

Кирьян прищурился, лоб его густо покрылся морщинами, налицо была усиленная работа мысли.

- Есть желающие-добровольцы помогать этому залетчику в охране самолетов? — спросил Кирьян у строя.

- Разрешите мне, товарищ майор! — я узнал голос Стаса.

- И мне!!! — вызвался еще один боец.

Кирьян слегка удивился такому энтузиазму, но барским жестом махнул добровольцам рукой, давайте, мол. Его совершенно не удивило магическое число охранников — трое. А уж что советские люди лучше всего научились делать на троих, Кирьян должен был знать лучше нас — по сравнению с нами он был просто профессор питейного дела. Однако, он ничего так и не заподозрил, и, пожелав нам успешного выполнения задачи, удалился с остальными в ожидающий тягач.

Оставшись одни, мы тут же развили бурную деятельность. Поскольку ключа на 12 у нас не было, решено было сливать массандру через верхнюю заливную горловину. Я, как самый малогабаритный, ужом заполз под мокрый чехол правого наплыва крыла, с помощью поданного мне углекислотного огнетушителя быстренько разобрался с печатью и десятикопеечной монетой ловко открыл все замочки соответствующего лючка. Заливное отверстие было очень узенькое, а пробка его законтрена проволокой. Слегка ободрав пальцы в темноте, я справился с контровкой. Теперь требовался шлаг, размером примерно с трубочку от капельницы и собственно емкость для сбора продукта. И то и другое мои пайщики-концессионеры добыли у

дежурного по ТКДП, молодого солдатика по фамилии Егер, который находился на КДП техников неотлучно. Ему, соответственно, была обещана премия в спиртовом эквиваленте. Трубка была достаточно длинная, но ужасно узкая, массандра самотеком уходила вниз медленно, трехлитровая банка наполнялась довольно долго. Когда мои друзья ее все же унесли на ТКДП и пообещали принести еще одну емкость, я, лежа на холодном наплыве крыла, стал слегка замерзать. Мало того, что шел дождь со снегом, и мокрый чехол изрядно напитал влагой мою куртку, в чехле обнаружились дырочки, через которые холодная вода тонкими струйками заливалась мне за шиворот. Очень неприятное ощущение, должен вам сказать. Поэтому неудивительно, что через несколько минут этих водных процедур я подтянул к себе наш клистир и сделал добрый глоток прямо из трубочки, с силой втягивая в себя жидкость. После третьего глотка приятное тепло начало разливаться по телу, появилось чувство комфорта, сырая куртка и капающий чехол казались уже не столь явным неудобством. А поскольку в данный момент шла проверка ГИМО, массандра оказалась на редкость ядерной, ровно 50х50. Этого-то я и не учел, делая четвертый, пятый и шестой глотки. Когда други мои наконец принесли тару, из под чехла они услышали пение — это я, получив крепкий алкогольный удар по мозгам, упражнялся в вокале, распевая похабные и не очень песенки. Народ враз смекнул, что произошло, предложил мне выбираться из-под брезента, пока я не окосел окончательно. В ответ на это я захихикал и сообщил, что остаюсь здесь жить. Други мои, однако, проявили солдатскую смекалку, попросив дать им свободный конец шланга, чтобы наполнить очередную емкость. Я повелся и дал им шланг. Наполнив емкость, они резко дернули за шланг и он оказался у них в руках. Из-под чехла раздался медвежий рев — то орал я, ошеломленный коварством друзей. Они же, быстренько забравшись на спину самолету, и, взяв меня за ноги, резко выдернули из-под чехла. Сопротивляться было бесполезно. Стас полез под брезент ликвидировать следы нашего вмешательство в спиртовую систему аэроплана, а я, при помощи другого участника концессии попытался встать на ноги. Самолет вместе с бетонкой качало, надрался я капитально. Кое-как я сполз на землю и, парируя раскачивание земли, двинул в сторону ТКДП. Там мне помогли забраться на второй этаж по узкой лесенке и проникнуть в каморку Егера, куда вскоре подошли остальные охранники-алкоголики. Мои друзья быстро дошли до той кондиции, что и я. Привезенный караульной машиной часовой изумленно смотрел на пьяную в хлам компанию, резвящуюся у подножия ТКДП, но мы вручили ему

остатки массандры на дне банки, и он быстренько принял пост. Мы же пешком, обняв друг друга за плечи, двинулись шеренгой по дороге в сторону казармы, хором громко распевая песню "Шар цвета хаки" из репертуара группы Наутилус-Помпилиус. Только редкостным везением можно объяснить то, что мы не попались никому на глаза, иначе на этот раз губы нам точно было не избежать.

В эту же ночь случилось еще одно происшествие, скрыть которое не смогли. Ночью с поста на складе ГСМ исчез часовой. Причем ни следов на мокром снегу, указывающих, куда он ушел, ни каких либо других признаков присутствия здесь часового не было. Искали его долго и безуспешно, пока утром не пришло сообщение, что часовой вместе с оружием и боекомплектом находится в районном отделении милиции какого-то городка, куда его доставил водитель, подобравший рано утром на обочине шоссе солдатика в тулупе и с автоматом, который очень просил доставить его в родную часть. Никаких признаков агрессии солдатик не проявлял, оружием не угрожал, но водитель все же свез его в ближайшее отделение, где его на всякий случай разоружили и посадили под замок, тут же сообщив о находке в военную комендатуру. Парень утверждал, что с поста его похитила летающая тарелка с инопланетянами, а потом высадила в поле, у обочины какой-то дороги. Все это можно было вполне принять за бред или попытку закосить, если бы не то расстояние, на котором он оказался от части — 60 километров. Опрос водителей, которые бы могли его подвозить, ничего не дал. Парня как будто перенесло на это место, пешком по мокрому снегу он такое расстояние за пару часов одолеть не смог бы по-любому. В конце-концов, его списали по статье 7Б, но репутация гарнизона в глазах ГИМО была подпрочена.

Утреннее пробуждение по тревоге было ужасным — меня буквально загрузили в кузов тягача и выгрузили уже на бетонке, где я приступил к выполнению своих обязанностей механика. Полеты начались с запозданием, ждали погоду. Подготовив самолет к вылету, я забрался в кабину, обжал фонарь, и, скрючившись на холодном кресле, погрузился в коматоз. Разбудил меня один из наших молодых летчиков, выгнал из кабины, сел в нее и, повертев носом, нюхая воздух в кабине, спросил: "А где закуска?". Я скромно потупил глазки.

Полеты мы отработали неплохо, часть получила приличную оценку, но какой ценой это было достигнуто!

На этом неприятности с ГИМО закончились.

Я дохаживал свои последние деньки на ДСП, ибо после приказа, согласно установленным в полку обычаям, мне это делать уже было "не положено". Ближе к весне мне просто хронически стало не везти. Залет следовал за залетом. Про пару из них пожалуй стоит рассказать подробнее. Стоял я дежурным по эскадре уже третий день подряд, накопилась хроническая усталость и недосып (попробуй-ка три ночи подряд проиграть в "очко"), а тут еще и караул у знамени части на нашу эскадру повесили. Только я сдал дежурство, как меня обрадовали известием о немедленном заступлении на этот почетный пост. Старшина, ехидно улыбаясь, сообщил мне, что там-то я как раз и высплюсь. Пришлось приводить в порядок парадку, получать оружие и переться со всеми на развод. Перед ужином я забежал в казарму, где был удивлен интересной новостью: на только что закончившемся общегарнизонном собрании в солдатском клубе моя фамилия была упомянута в списке бойцов, представленных к какому-то там поощрению За что — я и понятия не имел, однако лист с благодарностью мне передали. Только позже я вспомнил, как однажды в почти пустую казарму, где кроме меня да дневальных никого не было, набежал лейтенантик — военный корреспондент из какой-то сортирной газетенки, на которых обычно пишут "из части не выносить". Интересно, а на самом деле попытки выноса были? Ибо дальше сорира эта газета действительно не доходила. Так вот, корреспонденту срочно требовался материал о том, как военнослужащие старшего призыва воспитывают молодежь, передавая им свой накопленный годами опыт и втирая всеразличные воинские мудрости. Я и мой одногодка ефрейтор Васильев встали по просьбе корреспондента у кровати Героя, и сделали вид, что втираем одному из моих дневальных подробности совершенного им подвига, картинно указуя рукой на плакат, висящий над койкой Героя. Корреспондент пару раз щелкнул каким-то диковинным фотоаппаратом, записал наши фамилии и, поблагодарив, удалился. Месяца через два он заскочил в казарму и вручил мне слайд с этим фотошедевром, который хранится у меня до сих пор, только вот никак руки не дойдут отсканировать. Видимо, благодарность от командования и была связана с этим случаем. Наверняка сверху была спущена разнарядка — стольких-то поощрить, стольких-то пожурить, чтобы изобразить видимость воспитательной работы. Ну я и попал под раздачу. Вернувшись в караулку, я похвастался признанием моих заслуг, поужинал и завалился спать. Разбудили меня уже ночью, была моя смена. Я

взгромоздился на площадку со знаменами, воткнул автомат штык-ножом вниз, в щель между площадкой для часового, чтобы заблокировать выключатель звонка, сел на ступеньки, прислоняясь спиной к стене, и стал бдительно караулить наши священные хоругви. Из-за фанерной стенки караулки доносился богатырский храп прапора-начкара и остальных двух часовых. В другом конце коридора храпел дежурный по штабу, уткнувшись носом в селектор. Идиллия была полная. Спать хотелось зверски. Поразмыслив, я решил, что охранять знамена гораздо комфортнее, если снять фуражку и закрыть глаза (нет-нет, ни в коем случае не спать, просто посидеть с закрытыми глазами!), что я и сделал незамедлительно, сразу же провалившись в сон. Очнулся я оттого, что рядом кто-то разговаривал. Открыв глаза, я ужаснулся — напротив оградки, которой была забрана площадка, стояли три человека — два подполковника и еще какой-то майор и горячо обсуждали открывшееся им зрелище спящего на боевом посту часового. Черт принес в штаб дивизионную проверку, а я так крепко вырубился, что даже не услышал, как они ломились в дверь штаба, пытаясь разбудить дежурного. Судя по всему, у них это все же получилось. Я еще толком не пришел в себя и решил, что смогу незаметно проскользнуть на площадку, голова спросонья не работала совершенно. Я медленным движением надел фуражку, медленно встал и крадущейся походкой прокрался на площадку. Там я так же тихо и плавно стал извлекать из щели свой автомат, который, как назло зацепился дырочкой от штык-ножа за шляпку какого-то гвоздя под полом и никак не хотел выдергиваться. Справившись с автоматом я плавно закинул его на плечо и вытянулся по стойке «смирно». Мои манипуляции вызвали гомерический хохот проверяющих.

- На посту спишь, сержант?

- Никак нет!

- А что же ты сейчас делал?

- Не имею права разговаривать на посту, товарищ подполковник!

Проверяющие снова схватились за животы.

- Ну, вызывай начальника караула, боец.

Я нажал носком сапога на кнопку, вмонтированную в площадку, в караулке задребезжал звоночек. Ответом была тишина.

-Жми еще.

Я нажал. Ноль эффекта.

- Жми до тех пор, пока кто-нибудь не выйдет.

Минуты три я настойчиво зуммерил, но дверь в караулку так и не открылась. Мало того, из-за фанерной стенки отчетливо донесся очередной богатырский всхрап. Подпол повернулся к майору. Тот понял его без слов, ловко снял один сапог и взяв его в руки, начал вычислять расположение источника звука. Запеленговав то место, где за фанерной стенкой стоял топчан начкара, майор со всей дури жахнул сапогом по фанерине, произведя при том страшный грохот. За стенкой что-то шмякнулось (устав гарнизонной и караульной службы соскочил с полочки, закрепленной на фанерной стенке и угодил прапору точно в лицо, как позже выяснилось), кто-то отчетливо произнес сонным голосом "Шо, бля, за хуйня?" и началась какая-то возня. Я продолжал развлекаться со звоночком, вытаптывая ритм «Спартак-чемпион». Минуты через три невнятного бормотания за дверью, перемежавшегося с глухими ударами и ругательствами (видимо начкар будил часовых), а также звуками опрокидываемых стульев, задвижка в глазке двери отодвинулась и в глазке показался глаз прапора. Проверяющие откровенно ржали, наслаждаясь бесплатным цирком. Дверь отворилась, и в проеме возник наш прапор. На голове его возвышалась перекошенная фуражка, из под которой выбивались всклокоченные волосы. Раскрасневшееся лицо было помято так, как будто по нему проехал тяжелый танк с широкими гусеницами.

- Товарищ подполковник, за время несения службы происшествий не случилось! — бодро доложил он, свободной рукою пытаясь поправить впопыхах надетую и перекошенную портупею.

- Не случилось, говорите? Значит, если часовой у знамени дрыхнет, а все остальные караульные во главе с начкаром занимаются тем же самым — это не происшествие? — Лицо подполковника начинало свирепеть.

- Я не спал, товарищ подполковник!!! — бессовестно врал прапор.

- Не спал? А чем же вы, товарищ прапорщик, таким

интересным занимались, что ваш же часовой не мог вас в течение нескольких минут дозваться? — ехидно спросил подпол.

- Виноват, товарищ подполковник, зачитался! — парировал прапор. Свита проверяющего еле сдерживала смех, пытаясь напустить на лица суровые выражения.

- И что же такое интересное товарищ прапорщик читает по ночам, если не секрет?

- Устав гарнизонной и караульной службы, товарищ подполковник! — отчеканил прапор.

Второй подполковник и майор не смогли больше сдерживать смех и опять дружно заржали. Проверяющий тоже силился стереть улыбку с лица, но получалось у него плохо.

- Видимо, это от чтения у вас такое опухшее и помятое лицо. — язвительно заметил он и повернулся в мою сторону.

- Почему спим на посту, часовой? — грозно спросил он.

- Я не спал. — пытался оправдываться я.

- Что, тоже Устав читали? — начал издеваться подпол. — А между прочим, на посту не только читать, но и разговаривать не положено, а вот вы сейчас со мной пререкаетесь.

- Виноват, товарищ подполковник, трое суток дежурным по эскадрильи отстоял, теперь вот сюда назначили, устал очень, ну и прикорнул маленько.

Прапор бешено вращал глазами, прожигая меня ненавидящим взглядом, подавая какие-то знаки из-за спины подполковника.

- Вот как? — удивился подпол. — Товарищ прапорщик, немедленно сменить сержанта и отправить в казарму отдыхать, об исполнении доложить. Объявляю вам взыскание за отвратительное несение службы!

Из прапора как будто выпустили воздух, лицо его сделалось кислым, а взгляд исподлобья, направленный на меня, не обещал ничего хорошего.

- Есть получить взыскание и сменить часового. — пробормотал он.

Меня действительно сменили, и я побрел в казарму, прикидывая в уме возможные последствия сложившейся ситуации. Мне и на самом деле больше хотелось завалиться на свою койку и по-человечески выспаться. Но впереди меня ждала засада в лице дежурного по полку старшего лейтенанта Пчеловодова — моего давнего недруга. Говаривали, что он был разжалован в старлеи из капитанов и чуть ли не сидел в тюрьме. Да и человек он был полное говно по моему мнению. Причиной нашей вражды стал дурацкий случай. Пчеловодов имел обыкновение приезжать летом на стоянку на своем мопеде «Верховина», а не на тягаче, как большинство наших техников. И оставлял его у БК. Каталась на его мопеде вся срочная служба, находившаяся на тот момент на стоянке, но поймал тогда он за этим занятием почему-то именно меня. Ну не везет мне!

Он уже знал о случившемся и плотоядно улыбался из окошка дежурки, предвкушая расправу. На свет был извлечен большой таз и половая тряпка, после чего мне в ультимативной форме было приказано вымыть в дежурке пол, чтобы блестел, как у кота яйца. Я был поставлен перед сложной дилеммой — с одной стороны, статус «дедушки» не позволял мне заниматься подобными вещами, и Пчеловодов это прекрасно знал. С другой же стороны, отказом я рисковал навлечь на себя еще большие неприятности, чем имел до сих пор. Поразмыслив, я отказался.

- Че, тебе впадлу нам пол помыть? — издевался Пчеловодов. Его помощник, молодой лейтенант сочувствующе смотрел на меня.

- Меня только что сменили с караула и отправили ОТДЫХАТЬ в казарму. Это сделал человек, у которого звездочки покрупнее, чем у вас, товарищ старший лейтенант.

Пчеловодов побледнел, охренев от такого нахальства, обошел вокруг меня, глядя так, как будто у меня на лбу вырос рог.

- Да ты вообще чмо, сержант, и ты будешь мыть у меня полы! Я тебе приказываю!!! — заорал он, явно выходя их себя.

После этого я решил, что официальная часть церемонии закончилась и доходчиво объяснил тупому старлею, кто из нас чмо, почему я не буду мыть полы в его дежурке, где я его вообще

видал и в каких связях состоял с его ближайшими родственниками, попутно обозвав его шакалом. Все это я проделал монотонным, негромким голосом человека, уставшего общаться с идиотом. Эффект был потрясающим, я даже начал опасаться, что этот придурок сейчас схватится за кобуру, похоже, я слегка переборщил.

Я не буду дословно приводить здесь его речь, но если убрать из нее ненормативную лексику и оскорбления, суть ее вкраце была такова: он не будет докладывать об этом инциденте начальству (стукачом я его тоже обозвал), но завтра вечером промеж нами непременно состоится в лесу дуэль на кулачках, где он мне все объяснит. Биться на кулачках с этим монстром мне не улыбалось, с таким же успехом я мог бы сражаться с ковшовым экскаватором, но я так устал, что мне уже было наплевать, что будет завтра. Я поднялся на наш второй этаж, разделся и плюхнулся в койку, после чего сразу же заснул.

Пробуждение было нерадостным — у моей койки словно в почетном карауле выстроился весь командный состав эскадрильи во главе с комэской, а также собственной персоной замполит полка, подполковник Кирсанов. Они с грустью смотрели на меня, пока я одевался, недоумевая, чем же это моя персона могла привлечь столько серьезных людей. Все выяснилось через несколько минут: Шишкин предъявил мне рапорт, написанный на его имя старшим лейтенантом Пчеловодовым, где красочно описывались события минувшей ночи, причем он перечислил все ругательства, которые, исходя из этого рапорта, были адресованы не ему лично, а всем офицерам полка. Мало того, что этот пидор не сдержал своего обещания, он еще сочинил такой увлекательный рассказ о моем нравственном и моральном падении, описав при том свои душевные муки и горечь переживаний за поруганную офицерскую честь, что мне светила как минимум парочка расстрелов у кремлевской стены под барабанный бой. Оправдываться было бесполезно, дело свое этот говнюк сделал блестяще, со знанием предмета.

Я молча выслушал вердикт: для начала 10 суток гарнизонной гауптвахты в Малых Вяземах должны были скрасить мою грусть, далее предполагалось посмотреть на мое поведение. Похоже, я приплыл. В Малые Вяземы отправляли только самых отъявленных преступников и нарушителей воинской дисциплины, оттуда возвращались только через санчасть и с сильно подорванным здоровьем. У каждого уважающего себя бойца на

случай отправки в столь живописное место была затарена сигаретка, где табак был перемешан с фторопластовой крошкой. Откурив такую штуковину, человек имел все признаки тяжелого отравления, высокую температуру, понос, рвоту и прочие радости жизни и не мог пройти в санчасти освидетельствование на пригодность к отсидке — вот что делалось, чтобы не попасть туда. Губарями там держали исключительно хохлов, которые даже своим землякам не давали послаблений, заставляли арестантов зимой маршировать в одних трусах на морозе на плацу, распевая песню "Белые розы", и еще множество всяческих пакостей там приходилось терпеть бедным сидельцам. Само название географического пункта Малые Вяземы произносилось шепотом, после чего правилом хорошего тона считалось перекреститься. Десять суток там легко превращались в двадцать — стоило только не так посмотреть на кого-нибудь из персонала. Местная губа по сравнению с этой тюрьмой считалась просто санаторием. Теперь мне предстояло испытать на себе все эти ужасы. Тогда я не курил — сигаретка с фторопластом вряд ли меня спасла бы.

После обеда меня велели отправить в санчасть на освидетельствование, а до той поры я был посажен под замок в помещении сушилки. Не знаю, чем я так оказался дорог господу нашему Богу, но он в тот день сотворил Чудо. В этот день по плану у нас были полеты во вторую смену. И вот на полетах-то все и случилось. Летуны наши отрабатывали фигуру группового пилотажа «ромб», когда по какой-то причине самолет гвардии майора Шерстнева, начальника штаба нашей эскадры, столкнулся в воздухе с самолетом капитана Каташинского, въехав ему в зад, и срезав воздухозаборником половинку одного киля его МиГа. Дальше все произошло в соответствии с законами физики: обломки киля попали в лопатки компрессора низкого давления одного из двигателей, затем проникли в компрессор высокого давления, а оба они вращаются на приличных оборотах, во все стороны веером полетели лопатки этих компрессоров, пробивая все на своем пути: баки с горючим, трубопроводы масло-, гидро- и воздушной системы, попали во второй двигатель, который тоже сыпанул веером осколков лопаток во все стороны и вышел из строя. В придачу ко всему от удара у Шерстнева сорвало обтекатель РЛС и задрало под углом 45 градусов вверх. Машина задрала нос, потеряла скорость, а с ней и подъемную силу, и закружилась в вальсе штопора. Пилот принял единственное правильное решение и вышел из кабинета, воспользовавшись услугами катапультируемого кресла К-36ДМ, спасшего жизнь не одного летчика. А самолет упал в поле под Наро-Фоминском,

зарывшись на несколько метров в землю, в которой пару дней что-то горело и дымилось. Шерстнев благополучно приземлился и был подобран службой ПСС.

Каташинский же, почувствовав удар, но так ничего и не поняв в первый момент, вышел из «ромба». В срубленном киле как раз находилась антенна радиостанции, поэтому он остался без связи. Действуя согласно инструкции на случай потери связи, он спокойно развернулся, выполнил заход и благополучно сел. То, что у него отсутствует один киль, он увидел уже, катясь по рулежке на стоянку. Ну а на земле ему уже все рассказали. Эскадрилья наша понесла тяжкую утрату: погиб борт? 45 — наш спиртоносный поилец и кормилец, погиб, спасая меня от Малых Вязем, в которые я, конечно же, не поехал, потому что в суматохе про меня тут же забыли, а когда вспомнили — было уже поздно, после драки кулаками не машут. Добрый наш старшина велел мне сидеть в сушилке три дня и никуда оттуда не высовываться, кроме как в туалет. Еду мне приносили «духи» и «молодые» в котелках из столовой. Почти всю эскадру забрали на раскопки ямы, ребята притаскивали мне всякие штучки, даже слегка изуродованное огнем и ударом металлическое зеркальце от КОЛС — квантово-оптической локационной станции. Типа сувенир, на память. Я до сих пор храню дома кусочек того борта. Пчеловодов потом несколько раз пытался напомнить комэске о том, что я так и не понес заслуженного наказания, но я перед этим посидел на СКП наблюдающем за шасси в паре с капитаном Каташинским, где имел с ним продолжительную беседу об этом случае, и смог объяснить ему, кого имел в виду, назвав Пчеловодова шакалом, рассказал всю историю, как оно было на самом деле, и попросил его передать мои извинения всем остальным офицерам. И он, как видно, слово свое сдержал. С тех пор мои добрые отношения с летчиками и техниками восстановились.

Инженер же наш, добрый дядька Кириченко, помятуя о событиях с Эдиком и моим рапортом, пару раз пытался меня наказать, заставив на стоянке вымыть полы в эскадрильском домике, но я резонно ему возразил, указывая на то, что на всей территории стоянки нет чистой воды, не считая бачка для питья. А если я возьму оттуда воду, то, во-первых, ее мне все равно не хватит, а во-вторых, техники просто настучат мне по шее. "Чем хочешь мой, хоть керосином!" — ответствовал он, и я с энтузиазмом взялся за дело. Когда я развозюкал тряпкой керосин по половине полов коридора, из классов начали как пули вылетать ошалевшие от керосиновой вони техники, отобрали у меня швабру и тряпку, а также ведро с керосином и пригрозили прилюдно начистить репу. Больше меня заставлять мыть полы не

рисковали.

Второй залет случился уже после приказа, когда я перешел уже в разряд «дембелей» и торжественно спорол лычки с погон, чтобы не сильно выделяться. Собственно, в этот день я должен был идти в караул, как раз случилась наша караульная суббота, я даже выбрал себе пост, на котором хотел бы стоять — в разводящие меня было уже заманить невозможно, мне порядком надоел этот геморрой со жратвой и розыском спящих часовых по территории объекта. Но вмешался его величество случай. В ту пору армия наша повально переодевалась в новую повседневную форму одежды — «афганку». Еще ее называли «экспериментaлкой». На нас, «дембелях», решили видимо сэкономить, какой смысл одевать в новую форму балбесов, которые через пару месяцев будут уволены из славных рядов ВВС? Так мы и ходили в ПШ, в зверски изогнутых как у эсэсовцев в кино про войну (да и как у нынешних господ российских офицеров) фурагах, на которых красовались почти свернутые в рулон кокарды, с бляхой «деревянного» ремня (кожаные свои мы вручили новоиспеченным "черпакам"), висящей на яйцах и воротником, расстегнутым до пупа. Одним словом, «дембеля». И вот, по причине нехватки личного состава нам пришлось идти в караул. Но, когда перед подготовкой к караулу нас застроили перед казармой, откуда-то свалился проверяющий из штаба дивизии, который решил проинспектировать процесс подготовки к этому мероприятию. Увидев нас в строю, он на пару минут потерял дар речи, а потом устроил дикую истерику, велев срочно нас переодеть или вообще заменить к такой-то матери на людей, чей внешний облик в его понимании больше соответствует воину рабоче-крестьянской непобедимой и легендарной. Старшина, который, скорей всего, уже нашел применение «лишним» комплектам «афганки», предпочел выбрать второй вариант. И мы остались не у дел, чему, впрочем, не сильно огорчились. Я, как хороший мальчик, пошел в библиотеку, взял интересную книженцию и уселся в читальном зале. Где и нашел меня Узбек, соблазняя угощением в «чайнике» и походом в видеосалон. Я недолго ломался и мы ринулись осуществлять задуманное. Как сейчас помню, в видике крутили фильм "Безжалостные люди". Посмотрев его и отведав пирожных в чепке, мы совершенно расхотели идти на ужин, кроме того, Узбек поведал мне сегодняшнее меню, у него в столовке работал земляк. Выходя из Дома офицеров, мы заметили очередь в кассу и на всякий случай поинтересовались у народа, какой будет вечером фильм. Ответ ошарашил — в этот вечер собирались показывать "Крокодил

Данди -2". "Пойдем, слепим дежурному отмазку на ужин и вернемся, больно уж фильм хороший!" — молвил Узбек и мы, смешавшись с толпой солдатиков, выходящих из ДОФа, двинули в сторону казармы. Тут-то нас и заметил патруль, причем патруль был не полковой, а из батальона связи. Уж больно мы выделялись из толпы своим распиздяйским внешним видом, являвшим собой высшую точку глумления над формой советского солдата. В принципе, ничего страшного не случилось бы, даже если бы нас и забрали в комендатуру, второй патруль был наш, полковой, нас бы все равно отпустили, разве что заставили подтянуть ремень и застегнуться. Кроме того, у меня при себе был жетон посыльного, который для меня раздобыл добрый техник Коля Гусев, с печатью, закатанный в пластиковую корочку. Он давал право шляться по всей территории гарнизона безо всяких ограничений. В общем, особых проблем не было, но я их найти умудрился. Когда начальник патруля, здоровенный двухметровый жлоб в звании старлея зычно гаркнул: "Товарищи солдаты, подойдите ко мне!", мы сразу поняли, кого он имеет в виду, но виду не подали, ибо товарищей солдат вокруг было более чем достаточно. "Это я вам, говорю, не надо голову в плечи втягивать!" — гаркнул начальник патруля и, раздвигая толпу, как ледокол, двинулся в нашу сторону. Тут-то Узбека и дернул черт за язык. "Бежим!" — предложил он, — "только в разные стороны!". А меня черт дернул его послушать. И мы ломанулись. Стоит ли говорить, что патруль погнался именно за мной — я в этих делах отличался редкостным везением. Тут-то я и понял, что бегать в сапогах, в которых отсутствуют портянки, а присутствуют цивильные носки, очень неудобно. Что почти год отсутствия занятий спортом успешному уходу от погони не способствуют, что зарядка — все же стоящая вещь. В общем, я пробежал в красивом темпе метров двести, а за казармой роты охраны сдох окончательно. Патрульные-солдатики шибкого рвения в погоне за мной не проявили, как и следовало ожидать, а вот красавец-старлей, который, наверное занимался спортом, не в пример мне, воспринял попытку убежать от него как личное оскорбления и тяжко бухал сапогами уже почти за моей спиной. Надо было как-то спасаться и я нашел выход. Между двумя казармами в этом месте был небольшой плац, одну из сторон которого украшал длинный щит на металлических ногах, на котором были изображены строевые приемы. От земли до нижнего края было где-то около метра. Я быстро поднырнул под щит, длинный же старлей вынужден был обежать вокруг него. Я нырнул обратно и проделал этот фокус еще несколько раз, восстанавливая дыхание и соображая, куда мне рвануть дальше. Начальник патруля наконец-то понял, что его элементарно парят,

и среагировал, на мой взгляд, совсем неадекватно — он достал из кобуры пистолет, который там почему-то оказался вместо огурца, и, выразительно клацнув затвором, громко заорал: "Стой, стрелять буду!!!". Я застыл на месте и обернулся. Черный зрачок «Макарова» смотрел прямо на меня, а в глазах старлея было такое бешенство, что я счел за благо побег прекратить и сдаться этому сумасшедшему военному. Быть застреленным каким-то лейтенантом за месяц до дембеля в мои планы совершенно не входило. Он подбежал, чувствительно пощекотал меня двумя добрыми ударами по почкам и ребрам, после чего я был с позором отконвоирован в нашу комендатуру и посажен в кутузку размером метр на метр. Подошел наш патруль, но освободить меня не было никакой возможности — комендант уже был в курсе дела. Ночь я провел, свернувшись калачиком на холодном бетонном полу, подстелив под себя свой китель, а под голову подложив неуставной технический свитер-вшивник. В кутузке ярко светил плафон, мешая спать, но ночью лампочка в нем милосердно перегорела. Наши патрульные, улучив момент, просунули мне под дверь газету, на которую насыпали семечек, ими я и питался. Я просидел в кутузке почти все воскресение, все это время через маленькое окошечко в двери на меня то и дело приходили поглядеть мои начальники, которые в выходной день часто хаживали через КПП?1, в здании которого и размещалась комендатура. Я чувствовал себя редким животным в каком-то зоопарке. Наш эскадрильский инженер, майор Кириченко тоже не отказал себе в удовольствии взглянуть на поверженного врага, пообещав через дверь, что на этот-то раз тюрьмы мне уже не миновать. Я сидел, прислушиваясь к голосам в комнате помощника начальника коменданта, пытаясь угадать, как повернется на этот раз моя судьба. Добрый Господь на этот раз самолет ронять не стал, да и полетов в выходные не было, но и бензина в комендатурскую машину не добавил, за что ему большое спасибо. Наша гауптвахта, как выяснилось, была на ремонте, а в пресловутые Малые Вяземы меня нужно было на чем-то везти. Бензина же было в обрез, насколько я понял из витиеватой брани ДПНК, который долго с кем-то ругался по телефону. В конце-концов, ближе к шести вечера, когда приближалась смена, меня выпустили из узилища, вручили тряпку и таз (блин, что за сходство методов воспитания!) и сделали предложение, от которого невозможно было отказаться. Помятуя недавние события, отказываться я не стал, решив пойти другим путем. Присев у таза, я схватился за бок и со стоном повалился на пол, скорчив страдальщицкую рожу. Насмерть перепуганный ДПНК выскочил из-за своего баръерчика и

бросился ко мне. Я сообщил ему о смертельной боли в районе почек, вспомнив, что вчера меня прилично отоварил начальник патруля, сказав, что то ли это от удара, то ли ночью я простудился на холодном полу. Меня бережно подняли под руки и усадили на скамейку. Хорошо, что самого коменданта не было — он таких больных враз излечивал. ДПНК же, видимо, в таких делах был не столь искушен, и комедия моя удалась на славу. Вместе с нашим сменившимся патрулем я был отправлен в казарму. Торжественный исход мой из комендатуры, однако, был сопровожден звонком дежурному по полку, которым, к счастию моему, оказался не Пчеловодов. Дежурный по полку хмуро оглядел меня, вручил штыковую лопату и предложил прогуляться до здания штаба полка, дабы потрудиться там во искупление своих грехов на уборке прилегающей территории. Я не стал противиться, взял лопату и молча убыл в указанном направлении. У штаба я встретил здоровенного молдаванина Тарлапана и еще ребят-писарей, которые курили у входа, нежась в лучах закатного солнышка. Увидев меня с лопатой, они пришли в столь буйное веселье, что тут же притащили из канцелярии фотоаппарат, и мы сделали классную серию снимков с лопатой, которые я непременно приложу — они у меня сохранились. Поболтав с ребятами о том, о сем около часа, я взял свою лопату и направился обратно в казарму, где сдал инструмент дежурному по полку и доложил о выполнении задания. Пойти проверить он не рискнул и велел мне убираться с глаз долой, что я тут же и сделал с большим старанием.

На следующий день я развел нашего каптерщика, Климыча, на вполне приличные крепкие кеды и синие штаны от летней «технички» и взялся за приведение своего тела в правильную физическую кондицию. Независимо от погоды я вставал в 5 часов утра и пробегал свои 5–6 километров, особое внимание уделяя рывкам на выносливость и быстрому подъему по лестнице, ведущей от правительственного санатория в Герцено к берегу реки Москва. Там было около сотни ступенек. Тело сопротивлялось, как могло, но очень быстро набирало утраченные навыки. Апофеозом моей спортивно-оздоровительной деятельности стал случай, когда я решил усложнить задачу и начать тренироваться на пересеченной местности, то есть в лесу. Тут то и сыграла со мной природа злую шутку. Как известно, человек, оставаясь без ориентиров, начинает описывать круги по часовой стрелке. А поскольку в тот день небо было беспросветно серым, то вместо дороги, ведущей от Герцено к части, я выбежал на параллельную ей, только на другой стороне леса. И повернул

налево, будучи в полной уверенности, что я возвращаюсь домой. На самом же деле, я от городка удалялся. Сомнения начали зарождаться в моей голове, когда дорога стала подозрительно незнакомой. А когда я увидел село и придорожную табличку «Окулово», то окончательно понял, что заблудился. Приближалось время построения на завтрак, а до городка было, судя по всему, как раком до Китая. Я повернул обратно и через некоторое время с удивлением узрел, что я выбежал прямо к пятому КПП и к своей родной стоянке самолетов второй эскадры. Преодолев четыре километра до казармы, я все-таки успел на построение и не остался без завтрака. Как выяснилось впоследствии, я пробежал в тот день в общей сложности 16 километров. Результаты этих тренировок не заставили себя долго ждать. После посещения второго видеосалона, который находился уже в жилой зоне, при выходе мы были атакованы патрулем, устроившим там засаду. Скромно замечу, что это был бег с препятствиями, а я был лучшим бегуном на поляне, как сайгак перескакивая через всевозможные живые изгороди и заборчики. На территории служебной зоны я оказался первым. Так что рассказы о несомненной пользе спорта в военном деле — отнюдь не пустая болтовня. Пожалуй, о спорте все.

Весной прошли слухи о том, что нашу «придворную» эскадрилью сделают таковой абсолютно законно, присвоив ей статус официальной пилотажной группы «Стрижи» вместо безликой второй АЭ. В связи с этим наши самолеты будут перекрашены в соответствующую статусу пилотажников раскраску, как у буржуев. И прошла уж совсем невероятная молва, оказавшаяся правдой, о предстоящем дружественном визите нашей эскадры не куда-нибудь, а в саму Францию, в гости к аналогичной французской пилотажной группе «Нормандия-Неман», каковая на моей памяти уже один раз прилетала на Кубинку с дружественным визитом. Разумеется, нам, срочникам, ловить было нечего — нас бы никогда туда не взяли, но среди техников началась настоящая подковерная борьба за право попасть в эту командировку. Вскоре слухи подтвердились, и уже первые машины, перекрашенные в бело-синий цвет, разукрашенные стрелами вдоль бортов, и с расположенных на киле бортовыми номерами, появились на стоянке. Сначала нас даже пытались заставлять ходить по ним в специальных матерчатых чехлах, надеваемых на обувь, но они так лихо скользили по плоскостям, что от этого решили отказаться, чтобы избежать травм. Началась обычная для советской армии дурь: в целях маскировки лейтенанты летели в чине прапорщиков,

майоры — лейтенантами, полковники — в погонах капитанов. Как для летчиков, так и для техноты, были пошиты супермегакомбинезоны, с большим количеством нашивок, именными бэйджиками и эмблемой новоиспеченной пилотажной группы. За обладание таким комбинезоном началась настоящая охота. Полететь к французам в гости могли только лучшие, поэтому поток анонимок, кляуз и всевозможного компромата возрос до неприличных величин. Проще всех было летчикам — за них никто поехать не смог бы, там нужно было летать, причем летать красиво, слаженно, без права на ошибку. Поэтому они наблюдали за всей этой возней снисходительно. В конце концов все утряслось и ранним майским утром наша пилотажная группа, сделав круг над аэродромом, устремилась в сторону аэродрома Нивенское в Калининградской области, где должна была произвести промежуточную посадку и дозаправку. Мы махали им вслед белыми платочками, у кого они были.

В полку воцарилась сонная, ленивая тишина, какая бывает тогда, когда разом сваливает все начальство и начинается тихая, спокойная жизнь. В последний раз такое я видел, когда весь наш полк летал на ракетные стрельбы в Мары.

Возвращение было триумфальным. Французы были поражены возможностями, как русской техники, так и личного состава, творящего чудеса стойкости в ходе различных застолий. Вид русских, запивающих кальвадос молодым вином, и при том абсолютно не хмелеющих делал мысль о войне с ними просто крамольной. Войной такой народ победить нельзя. Из любых пустот самолетов, включая отсеки для патронных ящиков, вываливались различные шмотки, сувениры, радиоаппаратура, видеомагнитофоны, ящики с вином — только живых француженок не было, а все остальное было в ассортименте. ИЛ-76 с запасными частями и техперсоналом, по слухам, еле взлетел с последней плиты, ибо был настолько перегружен, что теоретически взлететь был просто не должен. Но мастерство не пропьешь — все благополучно вернулись в родные пенаты. Я горд, что хоть в какой-то мере был причастен к этим событиям.

Дембель

Стас с Вованом под великим секретом сообщили мне, что они готовят страшный и циничный по отношению к полковому начальству акт ускоренной собственной демобилизации из рядов СА. Благодаря связям с их районным военкомом, им удалось нащупать нужные рычаги и договориться с кем надо. В один прекрасный день, с субботы на воскресение оба отпросились в увольнение, клятвенно пообещав мне, что больше я их в военной форме не увижу и убыли в первопрестольную. Само-собой, в часть они не вернулись. В понедельник за ними была снаряжена карательная экспедиция в лице нового начальника штаба эскадрильи — капитана Самохвалова, довольно странного, надо сказать, мужика и нескольких крепких техников, для силовой поддержки. Нарушителей воинской дисциплины они застали дома, никто из них и не пытался скрываться или оказывать сопротивления. Они просто помахали перед носом Самохвалова военными билетами, в которых черным по белому было написано, что данные граждане с почетом уволены из рядов ВС согласно мартовскому приказу министра обороны, при том там же стояла печать их части и местного военкома. Как им это удалось провернуть, и во что это им обошлось, история умалчивает, но эффект бы что надо. Вернувшись восвояси, карательный отряд предстал пред светлые очи комполка, и поведал ему о неслыханной дерзости бывших подчиненных. Это здорово разозлило Бычкова и стало поводом для отмены увольнений для всех москвичей или жителей области на пару месяцев. Через неделю Стас с Вованом приехали ко мне в гости, прихватив с собой огромную бутылку лимонной водки, коию мы немедленно уестествили на скамейке в парке санатории я в Герцено. Кажется, о той памятной встрече у меня остались фотографии.

С этого времени все разговоры нашего призыва были только о дембеле — скором и неизбежном. По слухам, доносившимся из строевого отдела штаба, уже начали составлять списки очередности демобилизованных. А один раз, мой сослуживец Славик принес новость, которая заставила меня разволноваться — я и он оказались чуть ли не в первой партии дембелей, что было совершенно невероятно, учитывая мои многочисленные залеты. Однако, в лучшее всегда хочется верить. Впоследствии я узнал, что так оно и было, пока список не попал в руки майору Кириченко и капитану Самохвалову, у которых волосы дыбом встали, когда они увидели мою фамилию в первой

партии. Славик тоже не числился отличником боевой и политической подготовки, поэтому его и меня зверски перенесли в последнюю партию, а партия эта была ориентировочно рассчитана на конец августа — начало сентября. На Славика напал жутчайший депресняк, а я понял, что действовать нужно решительно и расторопно. Связавшись с домом, я попросил мне выслать посылку с рыбой, причем какой-нибудь достаточно экзотической. И стал ждать.

Ожидание заняло примерно две недели, после чего я, запасшись бутылкой хорошей водки и пакетом с рыбой, выбрав удачный момент, заявился к нашему старшине прямо домой, где без предисловий изложил ему суть своей проблемы. Старшина дары сгреб, пообещав посодействовать, насколько это возможно. На следующий день он вызвал меня к себе в каптерку и мы вместе с ним пошли в штаб полка. Дойдя до двери штаба второй эскадры, он попросил подождать меня за дверью, а сам скрылся внутри. Через десять минут он выглянул и позвал меня внутрь. В штабе сидел капитан Самохвалов. Лицо его светилась смесью злости, унижения и большого несчастия. Он зло глянул на меня и протянул мне самую дорогую для любого бойца срочной службы — обходной лист, на котором уже красовалась его подпись. Я сдержанно поблагодарил капитана, после чего мы со старшиной вышли. Я не верил своим глазам. По-моему, нашей армией все же руководили и управляли вовсе не генералы и полковника, а самые что ни на есть прапорщики. Иным объяснить случившееся не представлялось возможным моему скудному уму.

Я довольно быстро обежал с обходняком всех указанных в нем лиц, получив их подписи. Оставалось самое сложное и практически невозможное — получить в обходняк подпись нашего эскадрильского инженера — Кирьяна. При одной мысли об этом у меня холодело сердце и пятки. Однако деваться было некуда, пришлось идти разыскивать майора. Потратив полдня на бесплодные поиски — майора как ветром сдуло, я предпринял последний, отчаянный шаг, и, разузнав его адрес, отправился к нему домой. Дома меня встретила оглушительным лаем рыжая шотландская овчарка и грустная женщина, скорее всего, жена. Он сообщила мне, что мужа ее я, скорее всего, могу найти в гараже, и примерно рассказала, как туда пройти. Я двинулся на поиски. Побродив с полчаса по россыпям гаражей, коих на окраине городка было бесчисленное множество, мне удалось услышать неподалеку до боли знакомый голос и я, помолясь, нерешительно шагнул в темный и прохладный проем полуоткрытой двери. Кириченко был не один, в гараже была еще пара незнакомых мне мужиков, все трое с интересом уставились на меня. Судя по

всему, в гараже происходил сеанс нормального мужского общения, сдобренное некоторым количеством алкоголя. Я окончательно проглотил язык и смог выжать из себя только жалкое:

- Я….. это…. вот… — и нерешительно теребя в руках бумажку обходняка, никак не решался вручить ее.

- Аааааа! Это ты!? — разглядев меня, произнес Кириченко. — Ну заходи, чего встал у порога?

Я подошел.

- Что у тебя там? Ого! Обходной лист? Молодееееец!

Я внутренне сжался, прикидывая, куда Кирьян мне этот лист сейчас засунет.

- Ну, давай сюда, чего молчишь? Боишься меня, что ли? — он протянул руку. Я нерешительно протянул ему бумажку. Мужики молча уставились на нас. Кирьян испросил у одного из них ручку и (я не поверил своим глазам!) поставил на обходняке свою размашистую подпись и протянул бумажку мне. Происходило нечто невероятное.

- Знаешь, почему я подписал? Да, крови ты мне много попортил, да и я тебе тоже. Но ты мужик! И хохол! И друзей своих в беде не бросаешь. Хоть сам и сволочь порядочная бываешь. Ну да, ладно, чего старое вспоминать, давай, демобилизуйся и будь на гражданке человеком.

На глазах у него, как мне показалось, блеснули слезы, я уж совсем ничего не понимал сути происходящего. Кирьян оказался совсем другим человеком, хотя я никогда зла на него не держал, но тут я был просто потрясен. Такого я не ожидал.

- Давай, иди, да никому не говори, что меня здесь видел, отдыхаю я.

Я пробормотал что-то вроде благодарности и, еще не веря своему счастью и окончательно сбитый с толку Кирьяновой речью, медленно побрел в финчасть, где получил причитающиеся мне шестьдесят рублей, почему-то пятнадцатикопеечными монетами, потом в строевом отделе мне поставили в военник лиловый синяк и запись об увольнении из рядов СА и выдали проездные документы, потом я пошел к Паше Шукелю на тренажеры, где он отдал мне небольшую сумму, которую был должен, а под конец познакомил своих преемников на нашу блатхату с ее хозяйкой. В свои права они вступали через три дня. Уехать с Кубинки как-то даже не приходило мне в голову, я почему-то и не подумал об этом. Я переоделся в гражданку, собрал свое ПШ, сапоги и ремень, оставив себе на память только фуражку, и собрав все это в пакет, отправился в казарму. Там я отдал офигевшему от счастья каптерщику свои шмотки, которые

мне уже были не нужны, барским жестом подарил кому-то свою парадку, и, увидев своего одногодку Игорька Филина, который маялся без дела и мечтал о своем дембеле, без лишних слов пригласил его на нашу блатхату, где мы допоздна пили с ним всеразличные напитки, и предавались ностальгическим воспоминаниям, а также философским беседам. Ушел он от меня далеко заполночь. Было 16 июня 1991 года. Прошло ровно два года с того дня, когда я переступил порог призывного пункта.

На следующий день я поехал в Москву, навестил Стаса и Вована, купил себе билет в Калининград на завтра и отбыл обратно в Кубинку. Как убийцу всегда тянет на место преступления, меня неудержимо тянуло назад. Переночевав у себя, я наутро собрал сумку, отдал преемникам ключи и окончательно отбыл в Москву.

Там я сел на калининградский вечерний поезд, предварительно отбив телеграмму своему калининградскому другу Стасу (я не хотел сразу заявляться домой, решив погулять денька три от души). По дороге я познакомился еще с двумя ребятами, возвращающимися в Калининград из рядов СА и ВМФ, с которыми мы накупили пива и всю дорогу его усугубляли, докупая на остановках. Стас намека не понял и сдуру сообщил моим родителям о телеграмме. Поэтому, когда мое нетрезвое тело вышло из вагона на перрон Южного вокзала, там меня ожидал почетный эскорт из друзей, родителей, моей сестры и ее мужа. Думаю, в этом месте логично поставить точку.

З.Ы. Я вовсе не жалею о том, что со мной произошло все вышеописанное, напротив, без этого моя жизнь была куда более скучна и малоинтересна.

Я благодарен всем персонажам, как положительным, так и отрицательным, которые приняли участие в том, чтобы я стал тем, кем сейчас являюсь. Я вообще не жалею ни об одном поступке в своей жизни и если бы была возможность, сделал бы все именно так, и никак не иначе.

В эту историю вошли лишь самые яркие впечатления из вышеописанного периода моей жизни, у кого-то может создаться впечатление, что я больше ничего не делал, кроме как пил горькую, хулиганил, дебоширил, и нарушал всевозможные законы. Просто возможности человеческой памяти, во-первых, как правило, ограничены, а во-вторых, если создавать совсем уж подробное и хронологически выдержанное описание этого периода, то на это наверняка ушло бы еще два года, а читать это повествование было бы скучно и неинтересно. Поэтому, я прошу

прощения у моих потенциальных читателей, если они ожидали от меня большего.

АМИНЬ!